

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. Вернадского**

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том 6 (72). № 3

**Симферополь
2020**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 6(72), № 3

*в честь профессора Элеоноры Борисовны Петровой
в связи с 70-летним юбилеем*

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»
является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического
университета», который издается с 1919 г.

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2020**

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 07.00.06 – Археология (исторические науки), 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 24.00.03 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 3 от 24.03.2020 г.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

Непомнящий Андрей Анатольевич – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор – главный редактор (г. Симферополь);

Аксенова Галина Владимировна – профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского государственного педагогического института, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Борщик Наталья Дмитриевна – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Герцен Александр Германович – декан исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Кондратюк Григорий Николаевич – профессор кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Кравцова Елена Сергеевна – профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Курск);

Крамаровский Марк Григорьевич – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Науменко Валерий Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (г. Симферополь);

Майко Вадим Владиславович – директор ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Мосейкина Марина Николаевна – профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Петрова Элеонора Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (г. Симферополь);

Платонова Надежда Игоревна – ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Романько Олег Валентинович – профессор кафедры истории России исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Степаненко Валерий Павлович – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

Тихонов Игорь Львович – заведующий Музеем истории Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Санкт-Петербург);

Тункина Ирина Владимировна – ведущий научный сотрудник, директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Хлевов Александр Алексеевич – профессор кафедры культурологии философского факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор философских наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Храпунов Игорь Николаевич – профессор кафедры древнего мира и средних веков исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Шевелев Сергей Стефанович – заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь).

Подписано в печать 24.03.2020 г. Формат 70x100 1/16. 13,98 усл. п. л. Заказ № НП/367. Тираж 34 экз. Бесплатно.

Дата выхода в свет 19.05. 2021 г.

Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского». 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7.

Адрес редакции и издательства:

295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4 <http://sn-histor.cfuv.ru>

DOI 10.37279/2413-1741-2020-6-3-3-24

УДК 378(47)КРЫМ.ПЕТРОВА

УМОМ И СЕРДЦЕМ НА СЛУЖБЕ НАУКЕ И ПРОСВЕЩЕНИЮ: К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА ЭЛЕОНОРЫ БОРИСОВНЫ ПЕТРОВОЙ

Спивак И. А.¹, Лейбенсон Ю. Т.², Прохорова Т. А.³

^{1,2} *Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия
ispivaq@mail.ru; BeyleGamarnik@yandex.ru*

³ *ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический», г. Севастополь, Российская Федерация.
E-mail: grejfrut@mail.ru*

В 2020 году доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, заслуженный работник образования Республики Крым Элеонора Борисовна Петрова отметила двойной юбилей – свое 70-летие и 45 лет работы в университете. Блестящий специалист в области античной истории Крыма и Северного Причерноморья, талантливый исследователь, замечательный педагог, автор многочисленных книг и статей, редактор и популяризатор, она являет собой пример настоящего историка-исследователя, неутомимого и любознательного. Широчайший круг интересов Э. Б. Петровой обусловил появление многочисленных ее работ по самым разнообразным темам, среди которых: история античности, история науки, история Крыма в античное и новое время, путешествия по Крыму и записки путешественников в конце XVIII – начале XX в., биографические штудии. Большое внимание в статье уделено тем аспектам в жизни и творчестве Элеоноры Борисовны Петровой, которые делают ее выдающимся представителем современной науки об античности, ярчайшим исследователем истории Крыма в различные эпохи.

Ключевые слова: Э. Б. Петрова, история античности, история науки, история Крыма, биографические исследования, просопография, Северное Причерноморье.

21 июня 2020 года доктору исторических наук, профессору кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, заслуженному работнику образования Республики Крым Элеоноре Борисовне Петровой исполнилось 70 лет. За годы своей научно-педагогической деятельности профессор опубликовала сотни работ по истории античности и Крыма, воспитала и профессионально подготовила целые поколения специалистов-историков. Сорок пять лет своей жизни Элеонора Борисовна посвятила работе на кафедре истории древнего мира и средних веков, ставшей для нее по-настоящему «родной». Ее живой ум, писательский талант, ораторское мастерство, интеллигентность, высочайшая внутренняя культура продолжают служить, как и на протяжении всех этих лет, украшением родной кафедры и всего университета.

Элеонора Борисовна родилась в Харькове в семье военного, ее детство прошло в постоянных переездах. С 1952 по 1958 годы семья жила в Ялте, где в 1953 году родился младший брат Элеоноры Борисовны – Игорь Борисович Петров, ныне доктор физико-математических наук, член-корреспондент РАН. Затем семья вернулась в Харьков, позже жила в Ульяновске, где в 1967 году Элеонора Петрова

*УМОМ И СЕРДЦЕМ НА СЛУЖБЕ НАУКЕ И ПРОСВЕЩЕНИЮ:
К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА ЭЛЕОНЫ БОРИСОВНЫ ПЕТРОВОЙ*

закончила школу №1. Ее успехи в учебе были отмечены медалью. Тогда же Элеонора Борисовна поступила на исторический факультет Казанского университета им. В. И. Ленина и связала свою жизнь с историей, как оказалось, навсегда.

Э. Б. Петрова (слева) на презентации книги путешествий П. И. Сумарокова. Справа – директор издательства «Бизнес-Информ» Ф. Д. Филатов. Симферополь, апрель 2012 года.

В те годы в университете работал один из крупнейших отечественных антиковедов, специалист в области истории античной Македонии, истории Александра Македонского и эллинизма Аркадий Семенович Шофман. Встреча с ним определила научную специализацию Элеоноры Борисовны. В 1972 году, окончив университет с отличием, она поступила в аспирантуру при кафедре всеобщей истории, где под руководством того же А. С. Шофмана начала работать над подготовкой кандидатской диссертации. В 1975 году Элеонора Борисовна блестяще защитила диссертацию по специальности «Всеобщая история». Тема ее работы – «Античный Кипр: основные черты социально-экономического и политического развития доримского времени». За два года, прошедших с момента защиты диссертации, Элеонора Борисовна подготовила и опубликовала пять работ, посвященных истории античного Кипра. К теме древнего Кипра обращалась она и

позже, когда основной сферой ее научных интересов стала античная история Крыма.

После защиты диссертации Элеонора Борисовна оказалась перед выбором места своей дальнейшей научной и педагогической деятельности. Выбрать пришлось между Одессой и Симферополем. Выбор, на наше счастье – ее учеников и коллег, был сделан в пользу Симферополя. В 1975 году Элеонора Борисовна принимает приглашение и поступает на работу в должности ассистента кафедры всеобщей истории Симферопольского государственного университета им. М. В. Фрунзе. После того, как в 1976 году в университете была открыта кафедра истории древнего мира и средних веков, Элеонора Борисовна навсегда связала свою творческую деятельность с работой на этой кафедре. С 1982 по 2002 годы работала на должности доцента, а с 2002 года – профессора «родной» кафедры.

На конференции в Феодосийском музее древностей с профессором А. А. Непомнящим. 25 мая 2016 года.

Начав трудиться в Крыму, где античность предстает перед исследователем наглядно и предметно, Элеонора Борисовна не могла обойти вниманием историю Крыма. Научная деятельность профессора Э. Б. Петровой, посвященная Крыму, чрезвычайно насыщена и многогранна. В 1994 году в симферопольском издательстве «Бизнес-Информ» выходит в свет подготовленная ею книга «Озябшие в Тавриде боги», посвященная истории Северного Причерноморья в античных мифах и легендах, культам античных богов на северных берегах Понта Эвксинского. Одним из главных направлений ее научной деятельности становится

**УМОМ И СЕРДЦЕМ НА СЛУЖБЕ НАУКЕ И ПРОСВЕЩЕНИЮ:
К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА ЭЛЕОНОРЫ БОРИСОВНЫ ПЕТРОВОЙ**

история античной Феодосии. Ею подготовлены многие десятки статей, посвященные Феодосии, а в 2000 году опубликована обобщающая монография «Античная Феодосия: история и культура». Наконец, в 2001 году в Харьковском университете защищена докторская диссертация на тему «Феодосия и Юго-Восточный Крым в античную эпоху (середина VI века до н. э. – IV век н. э.)». Итогом этих работ стала воссозданная на основе всех видов имеющихся источников история крупнейшего античного центра Крыма. Работая в фондах Феодосийского Музея древностей, Элеонора Борисовна открыла для себя еще одно направление научной деятельности – история Феодосийского музея и история изучения античных памятников Феодосии. В разные годы по этой теме профессор Э. Б. Петрова опубликовала целую серию статей. Особое место, которая заняла Феодосия в ее научном творчестве, а также искренняя любовь к этому городу и его истории, заставляют Элеонору Борисовну всякий раз произносить в адрес Феодосии: «моя любимая!».

Элеонора Борисовна Петрова с ученицами (слева Т. А. Прохорова, справа – Ю. Т. Лейбенсон) в Феодосийском музее древностей в дни Феодосийских научных чтений. Май 2015 года.

Рассматривая Северное Причерноморье как неотъемлемую часть эллинского мира, Э. Б. Петрова в своих работах поднимает еще одну важную для изучения античности тему – судьбы эллинской «интеллигенции» и эллинских культурных традиций в Крыму и Северном Причерноморье. Среди ее работ в этой области: «Крепостью тела победили...»: спорт в древнегреческих городах Крыма», «Мыслители античных городов Северного Причерноморья», «Влияние ионийской

образованности на культурно-историческую жизнь античных городов Северного Причерноморья», «Ионийская образованность на Северном Понте», «Мыслители Пантикапея» и другие. В этих очерках культурная жизнь северопонтийских апойкии предстает в ее человеческом измерении. Ведь культура – это не только совокупность сохранившихся текстов, изображений и предметов. В первую очередь, это талантливые люди, творцы. Элеоноре Борисовне удалось наглядно показать: Ольвия, Тира, Херсонес, Боспор – это далеко не «медвежий угол» античного мира. Здесь жили и трудились свои ученые, поэты, философы, за которыми стояла внушительная общеэллинская образовательная и культурная традиция. Некоторые представители античной «интеллигенции» известны по именам, некоторых же исследователю удалось «разглядеть» в литературных и эпиграфических памятниках.

Презентация серии книг «Раритет». С издателем Дмитрием Лосевым (справа). Феодосия, 2016 года.

Изучение античного Причерноморья как части античной цивилизации, подчиняющейся общим закономерностям ее развития, вызвало к жизни оригинальное сопоставление «тиранических» режимов, установившихся на Кипре и в Боспорском царстве («Боспор и Кипр: опыт сопоставления двух тиранических режимов»). Общеэллинские и северопонтийские культурные традиции тесно переплетены и в монографии «В стране героев и богов». Книга эта, написанная Э. Б. Петровой в соавторстве с В. Н. Даниленко, знакомит читателей с многочисленными крылатыми словами «родом из Греции». Вместе с толкованием распространенных выражений авторы сообщают множество ценных сведений по истории, географии, искусству античности. Внимание уделяется также и Северному Причерноморью. А

любовь к памятникам крымских античных центров и блестящее знание этих памятников позволили украсить книгу иллюстрациями с их изображениями. Таким образом, даже совсем не знакомый с классической древностью читатель понимает: здесь, на полуострове жили «те самые» греки и римляне – создатели великой цивилизации.

Профессор Э. Б. Петрова не только любит повторять известный афоризм: «История – это люди», но и следует ему в своей работе историка. Изучение биографий и публикация работ о выдающихся людях, чьи судьбы оказались связаны с Крымом, является одним из важных направлений ее научной и культурно-просветительской деятельности. Только для биографического справочника «Греки в истории Крыма» ею были подготовлены к печати тридцать античных биографий. Столько же биографических очерков написаны для справочника «Крым в лицах и биографиях». Большое внимание она уделяет исследованию жизни и творчества ученых и деятелей культуры конца XVIII – первой половины XX в. В сферу ее научного внимания попали связанные с Крымом различные аспекты деятельности: А. С. Пушкина, С. М. Броневского, Л. П. Колли, Е. Ф. де Вильнёва, И. И. Граперона, А. Л. Бертье-Делагарда, П. И. Голландского и многих других.

На открытии обновленной античной экспозиции в Государственном музее-заповеднике «Херсонес Таврический» (с Т. А. Прохоровой). 17 августа 2017 года.

Говоря о биографических студиях профессора Э. Б. Петровой, нельзя не отметить тот замечательный факт, что каждое новое исследование представляет собой не только жизнеописание того или иного деятеля, а настоящий исторический роман. Написанные прекрасным литературно-академическим языком, эти биографии являются в то же время высокохудожественными произведениями, в

которых гармонично сочетаются логика суждений, научные выводы и исторический сюжет. Принимаясь за работу над новой биографией, Элеонора Борисовна «растворяется» в своем герое. Без лишней идеализации она глубоко симпатизирует каждому новому персонажу своих изысканий, проявляя такт и эмпатию по отношению к избранной личности. Гуманист и человеколюб, Элеонора Борисовна снисходительна к слабостям своих героев, но требовательна к ним и строга, критична и справедлива. Ее биографические и просопографические исследования всегда объективны, что становится возможным благодаря широчайшему кругу источников, привлекаемых ею при написании биографий. В поисках редких архивных данных Элеонора Борисовна доходит до самой сути. Нужно сказать, что герои ее статей живы, в них нет статичности, они живут вместе с читателем и говорят как будто от первого лица. Каждая новая работа являет собой абсолютно самостоятельное оригинальное исследование, в котором использованы порой эксклюзивные материалы. Таковой, например, стала, например, ее книга о жизни и деятельности в Крыму Павла Ивановича Голландского – «Павел Иванович Голландский и его крымская эпопея» (Феодосия; Симферополь, 2013). Мало кто знает, что в книге использованы материалы из личного архива семьи Голландских. Тем, кому доводилось наблюдать за работой Элеоноры Борисовны над этой книгой, сходятся во мнении: книга писалась сама собой, материал «шел» в руки к автору, – все это стало возможным благодаря энергии, которую Элеонора Борисовна вкладывала в книгу, и благодаря огромной к делу любви.

Профессор Э. Б. Петрова – член редакционной коллегии журнала «Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки». Во время подготовки очередного номера с профессором А. А. Непомнящим 23 ноября 2016 года.

Совершенно особое место в научном творчестве Э. Б. Петровой занимает тема Крыма в сочинениях отечественных и зарубежных путешественников, посещавших полуостров в конце XVIII – начале XX в. Сегодня данная тема занимает многих исследователей, является направлением перспективным и благодарным. Однако далеко не всем удается столь тонко чувствовать источник, как это удастся Элеоноре Борисовне. Подготовка к изданию, редактирование и комментирование текстов, оставленных путешественниками, которое она осуществляет, обогащают историческую науку и крымское краеведение ценным видом источников, позволяют воссоздать не только картины жизни Крыма на протяжении двух веков, но и получить сведения о памятниках крымской древности и средневековья, оставшихся в описаниях путешественников. Благодаря тому, что Элеонора Борисовна наделена необыкновенным писательским талантом, работа над текстом записок путешественников увлекла ее всерьез. Тонко чувствуя путевую литературу того времени, она с огромным удовольствием берется за публикацию каждого нового травелога. Высокий профессионализм и знание особенностей стиля позволяют ей качественно и в высшей степени академично работать над научным комментированием и осмыслением путевой литературы. Это характеризует Элеонору Борисовну как высочайшего профессионала в деле источниковедческого анализа. Путевые сочинения рассматриваются ею как полноценный исторический источник, написанный в определенных условиях с учетом различных обстоятельств. Как источник, имеющий субъективный характер, записки путешественников никогда не обезличены, они требуют трепетного внимания со стороны исследователя, аналитического подхода и корректного отношения. Все это свойственно для Элеоноры Борисовны как научного редактора. Должны отметить, что благодаря многочисленным публикациям и переизданиям читатели вновь обрели сочинения как известных, так и малоизвестных авторов, а некоторые из них впервые были переведены на русский язык.

Работая в этом направлении совместно со своей ученицей Татьяной Прохоровой, Элеонора Борисовна подготовила к изданию книги: «Крымские путешествия: Н. Н. Мурзакевич, А. Н. Демидов», «Крымские путешествия: Жильбер Ромм. Путешествие в Крым в 1786 году», «Николай Семеновский. Путешествия по Крыму в 1840-х годах», «Николай Всеволожский. Путешествие из Москвы в Крым и Одессу, совершённое в 1836 году».

Опыт работы над темой и великолепное владение материалом позволили ей выступить в качестве рецензента при издании сочинения П. И. Сумарокова, посвященного путешествию по Крыму и Бессарабии в 1799 году.

Интерес Элеоноры Борисовны к творчеству французских деятелей обогатил всех любителей Крыма и его истории серией работ, посвященных французам в Крыму. Она является автором книги, посвященной «Историческому и художественному альбому Тавриды» Евгения де Вильнёва и Викентия Руссена. Тема французских путешественников и сведений, сообщаемых ими, представлена профессором Э. Б. Петровой в докладах на многих конференциях, поднята в десятках статей. Благодаря ей и ее неутомимому исследовательскому таланту вновь воскрешены из забвения имена замечательных французских деятелей – Жильбера

Рома, Клода Анэ, Жозефа де Бая, Людвиг Колли, Евгения де Вильнёва, Луи де Судака. Изучение и защита французской культуры в Крыму, популяризация биографий французских деятелей сделали ее заметным активистом в этом деле: Элеонора Борисовна является членом Крымского французского общества, ежегодно принимает активное участие в проведении Дней французской культуры в Крыму. Неудивительно, что очередное издание, над которым трудилась профессор Петрова в 2019 году, посвящено французам. Сборник «Крымские французы» объединил биографии порядка 50 французских деятелей в Крыму, добрая часть из них написана Элеонорой Борисовной. В год своего юбилея она преподнесла крымской науке очередной подарок – «Луи де Судак (Луи Алексис Бертрэн). Путешествие по Крыму: Южный берег. Морской порт Феодосия».

Во время работы Международной научно-практической конференции «Источниковедение и историография истории Крыма (XV – XX вв.): проблемы и перспективы». Феодосия. Э. Б. Петрова с А. А. Непомнящим (слева) и А. Г. Герценом 27 сентября 2016 года.

Яркая палитра научных интересов Элеоноры Борисовны отразилась и в работах ее учеников. Под ее научным руководством были подготовлены и защищены три кандидатских диссертации: «Александр Македонский и зороастризм» – И. А. Спивак (2007 г.), «Античные и средневековые памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес и его округа, Балаклава, Инкерман) в записках путешественников конца XVIII – первой половины XIX столетия» – Т. А. Прохорова (2013 г.), «Интеллектуалы античных государств Северного Причерноморья» – Ю. Т. Лейбенсон (2018 г.). Накопленные за десятилетия научной деятельности знания и опыт были реализованы Элеонорой Борисовной в том числе и при

*УМОМ И СЕРДЦЕМ НА СЛУЖБЕ НАУКЕ И ПРОСВЕЩЕНИЮ:
К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА ЭЛЕОНОРЫ БОРИСОВНЫ ПЕТРОВОЙ*

оппонировании диссертационных работ в различных специализированных советах. Она выступала в качестве официального оппонента на защитах трех докторских и семи кандидатских диссертаций. В Крымском федеральном университете Элеонора Борисовна является членом двух специализированных диссертационных советов по специальностям «исторические науки» и «культурология», а также неизменным членом Ученого совета исторического факультета.

На кафедре истории древнего мира и средних веков с учеником – доцентом Игорем Александровичем Спиваком. 21 сентября 2020 года.

Говоря о научной деятельности профессора, нельзя не сказать о том, что ее выдающаяся работоспособность, строгий логичный стиль мышления, способность опираться при работе с людьми исключительно на их положительные качества делают ее не только выдающимся исследователем, но и организатором науки. Способность вдохновлять и умение организовать работу коллектива авторов позволили ей осуществить ряд весьма значимых для крымской исторической науки проектов. Под ее руководством и редакцией, а также при ее авторском участии в 2004 году были изданы коллективные монографии «Крым сквозь тысячелетия», «Феодосия» (2008 г.), «Крым от древности до наших дней» (2010 г.). Нельзя не вспомнить и тот огромный труд, который Элеонора Борисовна вложила в подготовку к изданию коллективного сборника, посвященного юбилею исторического факультета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского «Сто лет служения науке и просвещению» (2018 г.), в котором, помимо авторского участия, она выступила в роли редактора и составителя.

Высокий уровень научного творчества, личностные качества, опыт, полученный ею при написании, редактировании и рецензировании статей и монографий – все это находит применение в работе многочисленных редколлегий, членом которых она является. Например, таких изданий как: «Крымский архив», «Херсонесский сборник», «Бахчисарайский историко-археологический сборник», «Причерноморье. История, политика, культура», «Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма», «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Исторические науки».

Совершенно особая тема для разговора в контексте юбилея профессора – Элеонора Борисовна и университет. Сотни, если не тысячи, студентов с благодарностью и восхищением вспоминают ее лекции, семинары, прошедшие под ее руководством. Характеристика педагогической составляющей деятельности Элеоноры Борисовны может уместиться в три коротких, но бесконечных по своей глубине, слова – дар, любовь и опыт. Из них только последнее, да и то с трудом, поддается некоторому наукометрическому анализу. Достаточно сказать, что за годы работы в качестве преподавателя она подготовила и издала двадцать шесть учебных и учебно-методических работ. И, как всегда, когда речь идет об Элеоноре Борисовне, целевой и тематический спектр этих работ необычайно широк. От ее знаменитого курса лекций «История древнего мира: Греция. Курс лекций» (2000, 2001, 2019 гг.), до многочисленных методических рекомендаций по проведению семинарских занятий и написанию курсовых и дипломных работ. От глав по древней истории Крыма в школьных учебниках – до методических рекомендаций, посвященных руководимому Элеонорой Борисовной спецсеминару «Литературные памятники древней Греции и Рима как исторический источник» (2006 г.). Разнообразны ее учебно-методические работы и по форме – от печатных изданий до мультимедийных фильмов, например, «Искусство древнего мира: Греция, Рим, Северное Причерноморье». Именно по ее инициативе и при непосредственном авторском и редакционном участии был составлен «Учебно-методический комплекс дисциплины «История древнего мира» (2010, 2015 гг.), в котором в рамках одной электронной программы были объединены все необходимые студенту – от учебников и хрестоматий до атласов – материалы по истории древнего Востока, древней Греции и Рима. Как высоко оценивают студенты этот комплекс, авторы статьи знают не понаслышке, так как сами используют его в работе с первокурсниками. А фильм, посвященный искусству античности, вдохновляет не только студентов-историков, но и будущих филологов, культурологов и даже искусствоведов, которые не раз становились слушателями лекций преподавателей кафедры.

За годы работы в университете Э. Б. Петрова разработала и прочитала десятки самых разнообразных курсов лекций, связанных с историей древнего мира. Среди них: фундаментальные курсы по истории древнего Востока, древней Греции и Рима; спецкурсы – «Феномен эллинской цивилизации», «Культура древней Греции и античных городов Северного Причерноморья», «Источниковедение античной истории: литературные памятники древней Греции и Рима как исторический источник». Излишне говорить, что каждая ее лекция – событие нерядовое.

Великолепное владение материалом, методический опыт, академическая манера изложения... Достоинства лекций профессора Э. Б. Петровой можно перечислять бесконечно, но главное, как кажется, не в них. Она, несомненно, обладает даром педагога и преподавателя, который невозможно измерить никакими наукометрическими методами. Как правило, мы имеем дело только с результатами проявлений этого дара – влюбленность студентов в предмет. Авторам этой статьи посчастливилось быть в числе студентов Элеоноры Борисовны, готовить кандидатскую диссертацию под ее руководством, а некоторым – работать с ней на одной кафедре. Всякий раз, слушая ее лекции, наблюдая за ней в процессе работы со студентами, возникает ощущение, что предмет, которого она касается в лекции, на консультации, в беседе, перестает быть просто суммой научных знаний, в известном смысле он оживает, расцветается, словно Элеонора Борисовна владеет каким-то таинственным искусством интеллектуальной энкаустики. Оживлять историю, не искажая ее, – вот суть дара профессора Э. Б. Петровой как лектора.

Многолетняя научно-педагогическая и общественная деятельность Элеоноры Борисовны Петровой нашла свое признание – как в академической среде, так и за ее пределами. Элеонора Борисовна награждена Почетным знаком ТНУ им. В. И. Вернадского за достижения в науке (2001 г.), почетной грамотой мэрии г. Феодосии, с формулировкой: «За личный вклад в культурную жизнь г. Феодосии, активную издательскую деятельность». Она является лауреатом Премии Автономной Республики Крым, присвоенной за книгу «Крым от древности до наших дней» (2011 г.), Премии имени В. И. Вернадского, полученной ею за книги «Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. Путешествие в Крым в 1786 году» и «Крымские путешествия: Н. Н. Мурзакевич, А. Н. Демидов» (2011 г.). Элеонора Борисовна получила почетное звание «Заслуженный работник образования Республики Крым» (2018 г.).

Авторский коллектив журнала «Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки», члены редакционной коллегии, благодарные ученики и коллеги сердечно поздравляют профессора Элеонору Борисовну Петрову с двойным юбилеем и желают ей дальнейших успехов и научных открытий, новых книг и творческого долголетия!

Spivak I. A., Leibenson Y. T., Prokhorova T. A. Mind and heart in the service of science and education: to the anniversary of professor Eleonora Petrova.

In 2020, doctor of historical Sciences, Professor of the Department of history of the ancient world and the Middle ages of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University Eleonora Petrova celebrates a double anniversary – her 70th anniversary and 45 years of work at the University. A brilliant specialist of ancient history of the Crimea and the Northern Black Sea region, a talented researcher, a wonderful teacher, author of numerous books and articles, editor and popularizer, she is an example of a real historian-researcher, indefatigable and inquisitive. Her broadest range of interests led to the appearance of numerous works on a variety of topics, including: the history of antiquity, the history of science, the history of the Crimea in ancient and modern times, travels in the Crimea and notes of travelers in the late XVIII – early XX century, biographical studies. Much attention is paid to the aspects in the life and work of Eleonora Petrova that make her an outstanding representative of the modern science of antiquity, the brightest researcher of the history of the Crimea in various epochs.

Keywords: E. B. Petrova, history of antiquity, history of science, history of the Crimea, biographical research, prosopography, Northern Black Sea region.

**СПИСОК НАУЧНЫХ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ
И НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИХ РАБОТ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА
ЭЛЕОНОРЫ БОРИСОВНЫ ПЕТРОВОЙ**

1975

1. Античный Кипр: основные черты социально-экономического и политического развития доримского времени: автореф. дисс. ... канд. ист. наук по спец. / 07.00.03 – Всеобщая история; Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина.– Казань, 1975.– 21 с.
2. Историки древности об античном Кипре // Сборник аспирантских работ. Гуманитарные науки: история / Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина.– Казань, 1975.– С. 170–176.
3. К вопросу об истории освободительного движения на о. Кипре в древности: Кипрская война 390–380 гг. до н.э. // Сборник аспирантских работ. Гуманитарные науки: история / Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина.– Казань, 1975.– С. 193–199.
4. Кипр в период походов Александра Македонского и борьбы между его преемниками, 333–294 гг. до н.э. // Сборник аспирантских работ. Гуманитарные науки: история / Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина.– Казань, 1975.– С. 77–85.

1977

5. История архаического Кипра по данным письменных источников // Сборник аспирантских работ. Гуманитарные науки: история / Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина.– Казань, 1977.– С. 12–19.

1979

6. Работы в Бахчисарайском районе // Археологические открытия 1987 г.– М.: Наука, 1979.– С. 313–315 (Соавт.: Воронин Ю. С., Даниленко В. Н., Кутайсов В. А., Михайловский Е. В., Мыц В. Л.)

1988

7. Ещё раз о названии Феодосии в древности // Проблемы античной культуры: тез. докл. Крымской науч. конф. Симферополь, 1988.– Ч. 3.– С. 213–215.

1990

8. Становление греческого рабовладельческого полиса: хрестоматия для семинарских занятий / Симферопольский гос. ун-т им. М. В. Фрунзе.– Симферополь, 1990.– 47 с.

1991

9. Греки и варвары античной Феодосии и её округи: VI–II вв. до н.э. // Проблемы истории Крыма: тез. докл. науч. конф. / Симферопольский гос. ун-т им. М. В. Фрунзе.– Симферополь, 1991.– Вып. 1.– С. 92–94.
10. Из истории археологического изучения феодосийских древностей: к 175-летию со дня рождения И.К. Айвазовского // Античная история и современная историография: материалы межвуз. науч. конф. / Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина.– Казань, 1991.– С. 96–101.
11. Феодосия в составе Боспорского царства: политический аспект // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.– Симферополь: Таврия, 1991.– Вып. 2.– С. 97–105.
12. Феодосия и Спартокиды: завершение соперничества // Вестник Московского гос. университета. Сер. 8: История.– М., 1991.– № 6.– С. 15–27.

1993

13. Методические рекомендации к семинарским занятиям по истории древнего мира для студентов I курса историч. фак-та / Симферопольский гос. ун-т.– Симферополь, 1993.– 22 с.

**СПИСОК НАУЧНЫХ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ И НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИХ РАБОТ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА Э. Б. ПЕТРОВОЙ**

14. Л. П. Колли в истории Феодосийского музея древностей // Культура Крыма на рубеже веков (XIX–XX вв.): материалы Республ. науч. конф. / Симферопольский гос. ун-т им. М. В. Фрунзе.– Симферополь, 1993.– С. 57–59.

1994

15. Феодосийский музей древностей: античные памятники и их собиратели // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья.– М.: Изд. РАН, 1994.– С. 20–34.

16. Озябшие в Тавриде боги: Северное Причерноморье в античных мифах и легендах.– Симферополь: Бизнес-Информ, 1994.– 120 с., 33 ил.

1996

17. Боспор и Кипр: опыт сопоставления двух тиранических режимов // Україна – Греція: тез. Міжнар. наук.-практ. конф. Маріуполь: вид-во Маріуп. гуманіт. ін-ту, 1996.– С. 32–34.

18. Греки и варвары античной Феодосии и её округи в VI–II вв. до н.э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.– Симферополь: Таврия, 1996.– Вып. 5.– С. 146–154.

19. На святі Афродіти // Діалог різноманітностей.– Київ, 1996.– № 8. Вересень.– С. 14–15; № 10. Жовтень.– С. 9–12.

20. Прикосновение к вечности: за двумя морями // Крымское время.– Симферополь, 1996.– № 113. Ноябрь.– С. 15.

1997

21. «Дома сидела, шерсть пряла...»: к истории женской эмансипации, корнями уходящей в глубокую древность // Крымское время.– Симферополь, 1997.– № 42(186).– Март.– С. 7. (Соавт.: Даниленко В. Н.)

22. Памятники искусства античной Феодосии // Проблемы греческой культуры: междунар. науч.-практ. конф.– Симферополь: Крымский архив, 1997.– С. 58–60.

23. Художник, филантроп и археолог: к 180-летию со дня рождения И. К. Айвазовского // Крымское время.– Симферополь, 1997.– № 133. Июль.– С. 15.

1998

24. Историческая традиция в античных городах Северного Причерноморья // Культура народов Причерноморья.– Симферополь, 1998.– № 4.– С. 108–123.

25. История древней Греции: уч. пос. для учителей новогреческого языка.– Симферополь: Изд. НМЦ «Библиотека Таврика», 1998.– 195 с.

26. Феодосийский швейцарец Людвик Колли // Клио.– Симферополь, 1998.– № 1–4(4).– С. 7–10 (Соавт.: Никифоров А. Р.).

1999

27. Археологические исследования памятников античной Феодосии // Пилигримы Крыма. Осень-98: Материалы междунар. науч. конф.– Симферополь: Крымский архив, 1999.– С. 233–241.

28. Боспор и Кипр: опыт сопоставления двух тиранических режимов // Античный мир и археология: межвуз. науч. сб.– Саратов: изд. Саратовск. гос. ун-та, 1999.– Вып. 10.– С. 12–29.

29. Культура как объединяющий фактор в многонациональном Крыму (Феодосийский музей древностей: XIX – начало XX в.) // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму: сб. науч. трудов / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины.– Симферополь, 1999.– С. 120–126.

30. Наименования Феодосии и культ Аполлона // Античность: события и исследователи: межвуз. сб.– Казань: Экоцентр, 1999.– С. 47–59.

31. «Подобно старику Вергилия разводит сад...»: А. С. Пушкин и С. М. Броневский // Крымский архив.– Симферополь, 1999.– № 4.– С. 25–34.

2000

32. Греки в истории Крыма: античный период // Греки в истории Крыма: краткий биографический справочник / Ред.-сост. В. В. Харабуга.– Симферополь: Таврия-Плюс, 2000.– С. 3–13 (Соавт.: Даниленко В. Н., Соломоник Э. И.).
- 33–62. Аврелий Валерий Сог. Аноним Боспорский. Аноним Пантикапейский. Аполлоний. Аристон. Аристикон Олинфский. Асандр. Гекатей. Гелиодор. Гигиенонт. Деметрий Юлий. Динамия. Дифил. Камасария. Мاستус. Махар. Неоптолем. Перисад IV. Саббион. Смикр. Сопейд. Сопей. Сосий. Спарток IV. Спарток V. Стратоник. Фарнак. Тинних. Фарнак II. Сфер Боспорский // Греки в истории Крыма: краткий биографический справочник / Ред.-сост. В. В. Харабуга.– Симферополь: Таврия-Плюс, 2000.– С. 106–107, 113–115, 117, 119, 120–123, 140–143, 147, 149–152, 162, 200–202, 208, 220, 231–232, 237–239, 240, 242, 246–249, 252–253, 258–259.
63. А. Л. Бертье-Делагард и феодосийские древности, 1891–1895 гг. // Культура народов Причерноморья.– Симферополь, 2000.– № 13. Октябрь.– С. 99–101.
64. Античная Феодосия: история и культура. Симферополь: СОНАТ, 2000. 264 с., 87 ил.
65. История древнего мира: Греция. Курс лекций. Симферополь, 2000. 104 с. (2-е изд. – 2001; 3-е изд. – 2019)
66. «Крепостью тела победили...»: спорт в древнегреческих городах Крыма // Крымский альбом 1999: историко-краеведч. и литерат.-худож. альманах.– М.; Феодосия: ИД «Коктебель», 2000.– С. 154–163. (Соавт.: Даниленко В. Н.).
67. Крымский период жизни С. М. Броневского // Пантикапей – Боспор – Керчь: 26 веков древней столицы: матер. Междунар. конф. / Керченский ист.-археол. музей.– Керчь, 2000.– С. 199–206.
68. Культы Феодосии // Боспор Киммерийский: на перекрестке греческого и варварского миров. Материалы I Боспорских чтений.– Керчь, 2000.– С. 106–115.
69. Мыслители античных городов Северного Причерноморья // Учёные записки Таврического нац. университета им. В. И. Вернадского.– Симферополь, 2000.– № 13(52).– Т. 1.– С. 62–80.
70. «Теперь он под судом...»: феодосийский градоначальник С.М. Броневский // Пилигримы Крыма. Осень '99: матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. / Крымский центр гум. исслед.–Симферополь: Крымский архив, 2000.– Кн. 1.– С. 201–208.
71. Феодосийские пенаты: А. С. Пушкин у С. М. Броневского // Пушкин и Крым: IX Крымские Пушкинские междунар. чтения / Крымский центр гум. исслед.– Симферополь: Крымский архив, 2000.– Кн. 2.– С. 114–120.
72. Феодосийский музей и Одесское Общество истории и древностей: два юбилея // Культура народов Причерноморья.– Симферополь, 2000. № 15. Декабрь. С. 164–169.
72. Методические указания к написанию курсовых и дипломных работ по истории древнего мира, средних веков и археологии для студентов ист. фак-та.– Симферополь, 2000.– 23 с. (Соавт.: Буров Г. М., Моисеенкова Л. С.).

2001

73. Влияние ионийской образованности на культурно-историческую жизнь античных городов Северного Причерноморья // Античность в современном измерении: тез. докл. Всероссийской науч. конф.– Казань: Новое знание, 2001.– С. 129–134.
74. Ионийская образованность на Северном Понте // Пилигримы Крыма. Осень '2000: матер. V Междунар. науч.-практ. конф. / Крымский центр гум. исслед.– Симферополь: Крымский архив, 2001.– Т. 1.– С. 220–227.
75. Менестрат и Сог: к вопросу о наместниках в Феодосии первых веков н.э. // Боспорские исследования.– Симферополь, 2001.– Вып. 1.– С. 44–54.
76. «Мирное убежище» для странствующего поэта: А. С. Пушкин и С. М. Броневский // Москва – Крым: историко-публицистический альманах.– М.: Изд. Фонда «Москва-Крым», 2001.– Вып. 3.– С. 121–149.
77. О культах Феодосии // Боспорские исследования. Симферополь, 2001.– Вып. 1.– С. 233–239.
78. От язычества к христианству: образы античной религии и мифологии в поэзии А. С. Пушкина // Крымский Пушкинский науч. сб.– Симферополь: Крымский архив, 2001.– Вып. 1(10).– С. 40–49.
79. Феодосія та Південно-Східний Крим за часів античної доби (середина VI ст. до н.е. – IV ст. н.е.): автореф. дис. ... докт. іст. наук / 07.00.02 – Всесвітня історія.– Харків, 2001.– 37 с.

2002

80. Виноградарство и виноделие и демографическая ситуация в архаической Элладе // Дионис – Вакх – Бахус в культуре народов мира: науч. сб.– Симферополь: Крымский архив, 2002.– Вып. 1.– С. 3–16. (То же: Крымский архив.– Симферополь, 2002.– № 8.– С. 282–290).
81. Влияние ионийской образованности на культурную жизнь античных городов Северного Причерноморья // *Μυττα*: сб. науч. трудов, посв. памяти профессора В. Д. Жигунина.– Казань: изд. Казанск. гос. ун-та, 2002.– С. 264–268.
82. Культы богов-врачевателей в античных государствах Северного Причерноморья // Учёные записки Таврического нац. университета им. В. И. Вернадского. Симферополь, 2002.– Т. 15 (54).– № 1. История.– С. 40–52.
83. Между Византией и Русью: Херсонес Таврический и принятие христианства Древней Русью // Культура народов Причерноморья.– Симферополь, 2002.– № 36. Декабрь.– С. 211–215.
84. Методическое пособие по курсу «История древнего мира».– Симферополь: Изд. ТНУ им. В. И. Вернадского, 2002.– 31 с.
85. Методическое пособие по спецкурсу и спецсеминару «Литературные памятники древней Греции и Рима как исторический источник».– Симферополь: Изд. ТНУ им. В. И. Вернадского, 2002.– 27 с. (2-е изд. – 2006. 30 с.).
86. Мыслители Пантикапея // Культура народов Причерноморья.– Симферополь, 2002.– № 30. Апрель.– С. 84–87.
87. О начальном периоде археологических исследований в Феодосии: Вильнёв, Сибирский, Айвазовский // Проблемы истории, филологии, культуры.– М.; Магнитогорск, 2002.– Вып. 12.– С. 598–607.
88. Памяти Л. П. Колли // Культура народов Причерноморья.– Симферополь, 2002.– № 33. Октябрь.– С. 105–111.
89. Царские наместники Феодосии в первых вв. н.э. // Античный мир и археология: межвуз. сб. науч. трудов.– Саратов: Изд. Саратовск. гос. ун-та, 2002.– Вып. 11.– С. 39–41.

2003

90. В. К. Виноградов: хранитель «правды, истины и сердечности» // Пилигримы Крыма: сб. науч. статей и материалов.– Симферополь: Крымский архив, 2003.– Вып. 1(6).– С. 67–83.
91. Влияние виноградарства и виноделия на демографическую ситуацию в архаической Элладе // Из истории античного общества: межвуз. сб. науч. трудов.– Нижний Новгород: Изд. Нижегородск. гос. ун-та, 2003.– Вып. 8.– С. 81–94.
92. Храм души моей – Эллада! (Фрагменты походного дневника) // Таврический университет.– Симферополь, 2003.– № 4 (912). Апрель.– С. 6–7.
93. Хранитель феодосийских древностей Е.Ф. де Вильнёв // Учёные записки Таврического нац. университета им. В. И. Вернадского. История.– Симферополь, 2003.– Т. 16 (55).– № 1.– С. 14–24.
94. Эллада раскрывает объятия // НЕОС ПОНТОС.– Симферополь, 2003.– С. 12–13.
95. «Я мысленно вхожу в Ваш кабинет...»: 160 лет со дня рождения В.К. Виноградова // Историческое наследие Крыма.– Симферополь, 2003.– № 2.– С. 42–50.
- 96–97. Великая греческая колонизация. Боспор Киммерийский, Херсонес Таврический // Крым сквозь тысячелетия / Под ред. Э. Б. Петровой.– Симферополь: ЛИРА, 2004.– С. 79–101, 103–118 (Соавт.: Даниленко В. Н.).

2004

98. Древние греки // От киммерийцев до крымчаков: народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в.– Симферополь: Таврия-Плюс, 2004.– С. 42–55. (2-е изд., доп. Симферополь: Доля, 2004.– С. 45–61; 3-е изд. – 2006; 4-е изд. – 2007; 5-е изд. – 2010; 6-е изд. – 2014.)
- 99–100. Евгений Францевич де Вильнёв. Людвиг Петрович Колли // Французы в Крыму.– Симферополь, 2004.– Кн. 1.– С. 102–110, 111–121.
101. Письма Е. Ф. де Вильнёва в ООИД: 150 лет с начала археологических раскопок в Феодосии // Историческое наследие Крыма.– Симферополь, 2004.– № 3–4.– С. 37–47. (Соавт.: Карпенко А. В.).
102. Боспорское царство // История Крыма с древнейших времен до нашего времени.– Симферополь: Атлас-компакт, 2005.– С. 48–60 (2-е изд. – 2006. С. 53–67, 372–378.)

2006

103. Крым в древности: эллинский проект освоения полуострова (Боспор Киммерийский и Херсонес Таврический) // Сборник Русского исторического общества.– М.: Изд. Русск. историч. об-ва; Русск. панорама, 2006.– Т. 10(158). Россия и Крым.– С. 13–37 (Соавт.: Нессель В. А.).

104. Преподавание истории и культуры древней Македонии на историческом факультете Таврического национального университета им. В. И. Вернадского // Україно-македонський наук. збірник.– Київ, 2006.– С. 268–271.

105. Феодосия: очерк-путеводитель.– Симферополь: СОНАТ, 2006.– 192 с.– (Серия: «Новый крымский путеводитель»). (Соавт.: Катюшин Е. А., Евсеев А. А.).

2007

106. Крымские путешествия: Н. Н. Мурзакевич // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины.– Симферополь, 2007.– Вып. 13.– С. 614–632.

2008

107–134. Агасикл Херсонесский, Аноним Боспорский, Аноним Пантикапейский, Гекатей, Геродот Галикарнасский, Гикия, Демосфен, Динамия, Диофант Синопский, Дифил, Еврипид, Исилл, Митридат VI Евпатор, Саббион, Савмак, Сириск Херсонесский, Смикр, Сопей и Сопейд, Страбон, Стратоник, Сфер Боспорский; Броневский С. М., Вильнёв де Е. Ф., Виноградов В. К., Граперон И. И., Дюбрюкс П. А., Колли Л. П., Мурзакевич Н. Н. // Крым в лицах и биографиях. Симферополь: Атлас-Компакт, 2008. С. 7–10, 13–16, 16–18, 19–20, 20–23, 23–26, 26–28, 28–31, 31–34, 34, 34–39, 41–42, 45–48, 48–49, 49–53, 53–56, 59, 59–62, 62–64, 64–65, 65–67; 155–157, 162–165, 165–168, 178–180, 195–198, 226–229, 288–291.

135. Античная Феодосия и Феодосийский музей древностей в исследованиях 2000–2005 гг. // Херсонесский колокол: сб. науч. статей, посв. 70-летию со дня рождения и 50-летию науч. деятельности В. Н. Даниленко / Под ред. Э. Б. Петровой.– Симферополь: СОНАТ, 2008.– С. 127–151.

136–137. Античная Феодосия. Феодосийский краеведческий музей // Феодосия / под ред. Э. Б. Петровой.– Симферополь: ИД «ЧерноморПРЕСС»; Феодосия: ИД «Коктебель», 2008.– С. 14–34, 178–181.

138. В стране героев и богов: античные крылатые слова и выражения от альфы до омеги.– Симферополь: СОНАТ, 2008.– 624 с., 195 ил. (Соавт.: Даниленко В. Н.).

2009

139. Культура как объединяющий фактор в многонациональном Крыму: И. И. Граперон и Феодосийский музей древностей // Причерноморье. История, политика, культура: избр. материалы междунар. науч. конф. «Лазаревские чтения».– Серия Б.– Вып. 1.– Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2009.– С. 54–57.

2010

140. Античная Феодосия. Феодосийский музей древностей // Феодосия / 2-е изд.; Под ред. Э. Б. Петровой.– Симферополь: ИД «ЧерноморПРЕСС»; Феодосия: ИД «Коктебель», 2010.– С. 12–32, 168–171.

141–142. Греческая колонизация. Боспор Киммерийский. Феодосийский музей древностей // Крым от древности до наших дней / Под ред. Э. Б. Петровой.– Симферополь: ИД «ЧерноморПРЕСС»; Феодосия: ИД «Коктебель», 2010.– С. 89–104, 460–462 (2-е изд. – 2012).

143. Античная Феодосия и Феодосийский музей древностей в исследованиях 2006–2010 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.– Симферополь, 2010.– Вып. 16.– С. 328–364.

2011

144–148. Вильнёв де Е. Ф., Писаревский Д. И., Чекалёв Н. А. Безкровный И. С., Колли Л. П.; приложения: Е. Ф. де Вильнёв. Письма в ООИД (пер. с франц. А. В. Карпенко) // Сотрудники Феодосийского музея древностей – деятели науки и культуры: библиографический словарь.– Киев: Болеро, 2011.– С. 34–40, 49–55, 145–160.

**СПИСОК НАУЧНЫХ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ И НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИХ РАБОТ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА Э. Б. ПЕТРОВОЙ**

149. Крымские путешествия: Н. Н. Мурзакевич, А. Н. Демидов (К 200-летию юбилею Н. В. Гоголя).– Симферополь: Бизнес-Информ, 2011.– 328 с., ил. (Соавт.: Прохорова Т. А.).

150. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. Путешествие в Крым в 1786 году / Под ред. Э. Б. Петровой.– Симферополь: Бизнес-Информ, 2011.– 168 с., ил. (Соавт.: Прохорова Т. А.)

151. Феодосийский музей древностей в начале 1920-х годов: Е. Е. Пирлик-Шостистко-Малявская // Причерноморье. История, политика, культура: избр. материалы IX междунар. науч. конф. «Лазаревские чтения».– Вып. VIII(III).– Сер. А.– Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2011.– С. 12–18.

152. В начале XX века и в годы войны: Фрагменты истории Феодосийского музея древностей // Феодосийский альбом: Литерат.-краеведч. газета.– Феодосия, 2011.– 13 мая.– Тетр. 264.– С. 3–4.

153. Они увидели потаенную Тавриду: О Шарле Жильбере Ромме и его книге «Путешествие в Крым в 1786 году» // Феодосийский альбом: Литерат.-краеведч. газета.– Феодосия, 2011.– 4 марта.– Тетр. 260.– С. 1–4.

154. Шарль Жильбер Ромм и его «Путешествие в Крым в 1786 году» // Причерноморье. История, политика, культура: избр. материалы VIII междунар. науч. конф. «Лазаревские чтения».– Вып. V(II).– Сер. А.– Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2011.– С. 71–77.

155. Феодосийский музей древностей и охрана памятников Феодосии и её окружи в 1920–1930-х годах // Древняя и средневековая Таврика: сб. статей, посв. 1800-летию города Судак (Археологический альманах. № 28).– Донецк: Донбасс, 2012.– С. 259–284.

2012

156. Павел Иванович Голландский: страницы жизни в Симферополе // Материалы науч.-практ. конференции «Симферополь на перекрестках истории» / Музей истории Симферополя.– Симферополь, 2012.– С. 92–114.

2013

157. Вспоминаю с радостью и грустью... // Историк в историческом и историографическом времени: материалы Междунар. форума в честь 100-летия профессора А. С. Шофмана.– Казань: Яз, 2013.– С. 9–12.

158. Историко-архитектурные памятники Крыма в художественном творчестве В. О. Руссена // Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме. IV междунар. науч.-практ. конф.: тез. докл.– Ялта, 2013.– С. 44–45.

159. Павел Иванович Голландский и его крымская эпопея.– Феодосия: ИД «Коктебель»; Симферополь: Н. Орианда, 2013.– 120 с., ил. (Серия: «Палитра времени»; вып. 1).

160. Тандем историка и художника: штрихи к биографиям Е. де Вильнёва и В. Руссена // Историк в историческом и историографическом времени: материалы Междунар. форума в честь 100-летия профессора А.С. Шофмана.– Казань: Яз, 2013.– С. 392–394.

161. Петрова Э. Б. «Мысль об искусстве меня не покидала...»: Феодосия в альбоме Павла Голландского // Феодосийский альбом.– Феодосия, 2013.– 10 мая.– Тетр. 280.– С. 1–4.

162. Петрова Э.Б. «Екатерининский дворец» и раскопки средневекового храма: Рисунки из альбома Павла Голландского // Феодосийский альбом.– Феодосия, 2013.– 28 июня.– Тетр. 281.– С. 2–3.

2014

163. Евгений де Вильнёв, Викентий Руссен и их «Исторический и художественный альбом Тавриды» // История и археология Крыма: сб. ст., посв. 100-летию со дня рожд. О. И. Домбровского / Крымский филиал Ин-та археологии РАН.– Симферополь: Бизнес-Информ, 2014.– Вып. 1.– С. 480–491.

164. Крымский университет в 20-х годах XX столетия (малоизвестные страницы научной и педагогической деятельности профессора Павла Ивановича Голландского) // Учёные записки таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Исторические науки.– Симферополь, 2014.– Т. 27(66).– № 3.– С. 53–57.

165. Памятники мусульманской архитектуры в художественном творчестве В. О. Руссена // Тез. докл. «Исмаил Гаспринский и мусульманский мир России»: Бахчисарайские науч. чтения памяти И. Гаспринского.– Бахчисарай, 2014.– С. 42–43.

**СПИСОК НАУЧНЫХ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ И НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИХ РАБОТ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА Э. Б. ПЕТРОВОЙ**

166. Феодосийский музей древностей и охрана памятников Феодосии и её округа в 70–90-х годах XIX в. // Крымский архив. Симферополь, 2014.– № 1(15).– С. 60–91.

2015

167. «Дом, где жила мадам де Ла Мотт» и воспоминания баронессы М. А. Боде // Учёные записки КФУ им. В. И. Вернадского. Исторические науки.– Симферополь, 2015.– Т. 1(67).– № 3.– С. 13–31.

168. «Исторический и художественный альбом Тавриды» Евгения де Вильнёва и Викентия Руссена / Пер. с франц. А. В. Карпенко.– Феодосия: ИД «Коктебель»; Симферополь: Н. Оріанда, 2015.– 240 с.; ил. (Серия: «Палитра времени»; вып. 2).

169. Петрова Э. Б. Малоизвестный крымский художник Викентий Осипович Руссен // Материалы науч.-практ. конференции «Симферополь на перекрестках истории».– Симферополь, 2015.– С. 53–62, 12.

170. Петрова Э. Б. Феодосийский художник Викентий Осипович Руссен // Труды междисциплинарной науч.-практ. конференции «III Феодосийские научные чтения».– Феодосия: МБУК ФМД, 2015.– С. 7–11.

171. Рисунок из альбома П.И. Голландского и воспоминания баронессы М. А. Боде // Материалы науч.-практ. конф. «Симферополь на перекрестках истории» / Музей истории г. Симферополя.– Симферополь, 2015.– С. 63–70, 123.

172. Севастополь и его ближайшая округа в сочинениях московских путешественников по Крыму конца XVIII – первой половины XIX века // Учёные записки КФУ им. В. И. Вернадского. Сер. «Исторические науки».– Симферополь, 2015.– Т. 1(67), № 1.– С. 48–77 (Соавт.: Прохорова Т. А.).

173. Феодосийский музей древностей и охрана памятников Феодосии и её округа в начале XX века (к 165-летию со дня рождения Людвика Петровича Колли) // История и археология Крыма: сб. ст., посв. памяти А. Е. Пуздровского / Ин-тут археологии Крыма РАН.– Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015.– Вып. 2.– С. 488–510.

174. Вступление // Бахчисарай в литературе и искусстве / Авт.-сост. И .Б. Арбитайло; ред. Э. Б. Петрова.– Симферополь: Бизнес-Информ, 2015.– С. 3.

175. Предисловие // Крымские путешествия: Джеймс Уэбстер и его вояж по Крыму в 1827 году / Вступ. ст. Т. А. Прохоровой; пер. с англ. Т. А. Прохоровой, О. В. Широкова; под ред. Э. Б. Петровой.– Симферополь: Бизнес-Информ, 2015.– С. 3–4.

2016

176. Голландский Павел Иванович // МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 гг.: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдииков.– Казань: ООО «Астер Плюс», 2016.– С. 138–156.

177. Виды Южного берега Крыма в зарисовках Павла Ивановича Голландского // Воронцовы и русское дворянство: традиции и дворянское просветительство; мир усадебной культуры. Сб. науч. статей и докладов / Ред.-сост. Г. Г. Филатова.– Симферополь: Н. Оріанда, 2016.– С. 196–201.

178. Севастополь и его округа в путешественных записках Николая Максимовича Сементовского (1840-е годы) // Причерноморье. История, политика, культура: избр. материалы XIII Всероссийской науч. конф. «Лазаревские чтения». Сер. Б-В. Новая, новейшая история и международные отношения.– Вып. XVIII (VIII).– Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2016.– С. 15–21.

179. Путешествия по Крыму Николая Сементовского в 1840-х годах // Материалы науч.-практ. конференции «Симферополь на перекрестках истории».– Симферополь: б. и., 2016.– С. 63–76, 162–163.

180. Симферополь в «Путешествии через всю Россию, Крым и Одессу...» Н. Н. Всеволожского (1836 г.) // Материалы науч.-практ. конференции «Симферополь на перекрестках истории».– Симферополь, 2016.– С. 77–87, 164.

181. События Крымской войны в «Путешествии по Крыму: Южный берег» (1892 г.) Луи де Судака (Луи Алексиса Бертрена) // Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки.–Симферополь, 2016.– Т. 2(68).– № 4.– С. 20–33.

182. Тит Ванцетти и его «Путешествие в Крым, предпринятое осенью 1835 года // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки.– Симферополь, 2016.– Т. 2(68), № 2.– С. 175–210.

**СПИСОК НАУЧНЫХ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ И НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИХ РАБОТ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА Э. Б. ПЕТРОВОЙ**

183. Феодосийские переживания итальянца Тита Ванцетти. Год 1835-й // Труды Всероссийской науч.-практ. конференции «История Крыма в научных исследованиях и музейных собраниях: к 205-летию Феодосийского музея древностей» / Феодосийский музей древностей.– Феодосия, 2016.– С. 9–14.

2017

184. Греческая колонизация. Боспор Киммерийский и Херсонес Таврический. Тема 3 // Электронный научно-образовательный журнал «История».– 2017. [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрир. пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001714-4-1>

185. Крым в описаниях и на фотографиях французского путешественника Жозефа де Бая (1905 г.). Ч. 1. Южный берег Крыма // Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер. «Исторические науки».– Симферополь: Изд-во КФУ им. В. И. Вернадского, 2017.– Т. 3(69).– № 4.– С. 84–108.

186. Крымский вояж французского писателя Клода Анэ. Год 1905-й // Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки.– Симферополь, 2017.– Т. 3(69).– № 1.– С. 105–139.

187. Сочинение «Морской порт Феодосия» Луи де Судака (Луи Алексиса Бертрена) (1896 г.) // Труды Всероссийской науч.-практ. конференции «IV Феодосийские научные чтения».– Феодосия: МБУК ФМД; Арт-Лайф, 2017.– С. 5–11.

2018

188. Крым в описаниях и на фотографиях французского путешественника Жозефа де Бая (1905 г.). Ч. 2. Юго-Восточный Крым // Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки.– Симферополь, 2018.– Т. 4(70), № 1. С. 54–78.

189. Крым в описаниях и на фотографиях французского путешественника Жозефа де Бая (1905 г.). Ч. 3. Симферополь, Бахчисарай, Евпатория, Севастополь // Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки.– Симферополь, 2018.– Т. 4(70).– № 2.– С. 108–147.

190. Луи Алексис Бертрена (Луи де Судак) и его описания крымских достопримечательностей: французское военное кладбище в Севастополе (1892) // Херсонесский сборник / Гос. историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»; отв. ред. Н. А. Алексеенко.– Севастополь: Альбатрос, 2018.– Вып. 19.– С. 229–236.

191. Французский писатель Клод Анэ и российские революции 1905 и 1917 годов // Причерноморье. История, политика, культура. Сер. Б. Новая и новейшая история.– № XXIV (XI).– М.; Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2018.– С. 11–23.

192. Античный мир и варварские племена в Крыму. § 12–20 // История Крыма. 5–6 классы: учебное пос. для общеобразовательных организаций. Ч. 1.– М.: Просвещение, 2018.– С. 75–137.

193. Виват университет! Кафедра истории древнего мира и средних веков // Сто лет служения науке и просвещению: исторический факультет Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского / под ред. Э. Б. Петровой.– Симферополь: ИТ «Ариал», 2018.– С. 85–124, 186–225. (Глава IV – в соавторстве с Д. В. Дорофеевым, Ж. В. Соколовой).

2019

194. Греческая колонизация. Боспор Киммерийский и Херсонес Таврический // История Крыма. История России через историю регионов: инновационный учебно-методический комплекс «История»: модуль 5,5: учебное пособие / отв. ред. С. В. Юрченко, П. И. Пашковский. М.: Интеграция: образование и наук. М.: Интеграция: образование и наука, 2019. С. 28–41.

195. К юбилею Игоря Александровича Спивака // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки.– Симферополь, 2019.– Т. 5.– № 4.– С. 3–12 (Соавт. Лейбенсон Ю. Т.).

195–203. Культура как объединяющий фактор в многонациональном Крыму; Евгений Францевич де Вильнёв; Жан (Иван Иванович) Граперон; Людвиг Петрович Колли; Викентий Осипович (Иосифович) Руссен и семья Руссенов в Феодосии; Феодосиец Луи Алексис Бертрен (Луи де Судак); Шарль Жильбер Ромм; «Полуфранцуз, полурусский Жозеф де Бай; Друг России Клод Анэ // Французы в Крыму / ред.-сост. Ж. С. Амфитеатрова.– Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2019.– С. 4–5, 122–130, 131–135, 143–152, 160–167, 215–226, 356–359, 370–376.

204. Николай Сементовский. Путешествия по Крыму в 1840-х годах / Вступ. ст. Э. Б. Петровой; подг., комм., указ. Э. Б. Петровой, Т. А. Прохоровой, О. В. Широкова.– Феодосия: ИД «Коктебель»; Симферополь: Н. Орианда, 2019.– 176 с., ил. (Сер.: «Раритет». Вып. 1).

2020

205. Николай Всеволожский. Путешествие из Москвы в Крым и Одессу, совершённое в 1836 году / Вступ. статья Э. Б. Петровой, Т. А. Прохоровой; подготовка текста, комментарии, указатели Э. Б. Петровой, Т. А. Прохоровой, О. В. Широкова.– Феодосия: ИД «Коктебель»; Симферополь: Н. Орианда, 2020.– 168 с., ил. (Серия: «Раритет»; вып. 2).

206. Луи де Судак (Луи Алексис Бертрен). Путешествие по Крыму: Южный берег. Морской порт Феодосия /вступ. ст., комм., указ. Э. Б. Петровой; пер. с франц. Г. И. Беднарчика. Феодосия: Издат. дом «Коктебель»; Симферополь: Н. Орианда, (в печати).– 270 с., ил.– (Серия: «Раритет»; вып. 3).

207. О кафедре всеобщей истории и о моих Учителях // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сб. статей и сообщений: в 2 т. / Сост., отв. ред. Г. П. Мягков, Е. А. Чиглинцев.– Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2020.– Т. 1.– С. 251–256.

Статьи Э. Б. Петровой о близких и друзьях

1. Знаете каким он парнем был? // Таврический университет.– Симферополь, 2005.– Январь–февраль. № 1–2(928).– С. 10.

2. От редколлегии. Список научных, научно-популярных и научно-методических работ кандидата исторических наук, доцента В. Н. Даниленко // Херсонесский колокол: сб. науч. ст., посвя. 70-летию со дня рожд. и 50-летию науч. деятельности В. Н. Даниленко / Под ред. Э. Б. Петровой.– Симферополь: СОНАТ, 2008.– С. 7–13.

3. О моей любимой тётушке // Галина Александровна Петрова: книга памяти / Под ред. проф. Э. Б. Петровой, канд. тех. наук Ю. М. Лысова.– Казань: Центр инновационных технологий, 2011.– С. 57–62.

4. Вспоминаю с радостью и грустью... // Историк в историческом и историографическом времени: материалы Междунар. форума в честь 100-летия профессора А. С. Шофмана.– Казань: Яз, 2013.– С. 9–12.

5. Первый среди равных // Адельшинова Л. Р. Равиль Адельшинов – крымский писатель, телеоператор, консультант Дома художников, Человек, мой отец.– Симферополь: Форма, 2017.– С. 67–69.

6. О кафедре всеобщей истории и о моих Учителях // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сб. статей и сообщений: в 2-х т. / Сост., отв. ред. Г. П. Мягков, Е. А. Чиглинцев.– Казань: изд-во Казанского ун-та, 2020.– Т. 1.– С. 251–256.

Статьи об Э. Б. Петровой

1. Петрова Элеонора Борисовна // Буров Г. М. Энциклопедия крымских древностей: Археологический словарь Крыма.– Киев: ИД «Стилос», 2006.– С. 197–198.

2. Петрова Элеонора Борисовна // Профессора Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.– Киев: Либідь, 2007.– С. 110.

3. Таврический университет. Времена и люди: 90 лет служения науке.– Киев: Либідь, 2008.– С. 113.

4. Каторгина Л. И. Устремленная в будущее: из истории школы-гимназии № 1 им. В. И. Ленина г. Ульяновска.– Казань: Kazan-Казань, 2009.– С. 5, 50–51, 136.

5. Алмазова Н. С. Краткая история «Античного понедельника» (к определению понятия научной школы в региональном отечественном антиковедении) // Вестник Университета Дмитрия Пожарского.– М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016.– № 2(4).– С. 134, 136, 141, 145, 152.

**СПИСОК НАУЧНЫХ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ И НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИХ РАБОТ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА Э. Б. ПЕТРОВОЙ**

6. Азаров И. В. Майевтика профессора Петровой // Новый Крым.– Симферополь, 04. 08. 2016.– № 30(102).– С. 12.
7. Непомнящий А. А. Международный форум крымоведов в Коктебеле, 25–29 сентября 2016 г. // Учёные записки Крымского федерального ун-та им. В.И. Вернадского. Исторические науки.– Симферополь, 2016.– Т. 2(68). – № 4.– С. 180, 181, 183.
8. Милина (Обуховская) Л. А. В родных стенах // Крымская правда.– Симферополь, 18.10.2018.– С. 3.
9. Петрова Элеонора Борисовна // Профессора Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского: в 3 т. / Ред.-сост. А. А. Непомнящий, Д. А. Ломакин, В. А. Грушецкая и др.– Белгород: Константа, 2018.– Т. 2.– 2018.– С. 369–372.
10. Петрова Элеонора Борисовна // Сто лет служения науке и просвещению: исторический факультет Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского / Под ред. Э. Б. Петровой.– Симферополь: ИТ «Ариал», 2018.– С. 218–220.

Составители И. А. Спивак, Ю. Т. Лейбенсон

DOI 10.37279/2413-1741-2020-6-3-25-29

УДК 904/94(495):736.3“04/14”

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ МОЛИВДОВУЛ ИЗ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА С РЕДКИМ ТИПОМ ИЗОБРАЖЕНИЯ

Алексеевко Н. А.

*Институт археологии Крыма РАН,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: alekseyenkonikolaj@gmail.com*

Статья посвящена редкому сфрагистическому типу – изображению образа Христа, представленному на одном из моливдовулов, происходящих из византийского Херсона. Редкое изображение Спасителя, как правило встречающееся на печатях императоров и редких высокопоставленных сановников, скорее всего, предполагает высокий статус владельца моливдовула из Херсона. Учитывая достаточно редкое имя сигиллянта, не исключено, что собственником херсонской печати мог быть один из епархов византийской столицы VII в., также носивший имя Иринея.

Ключевые слова: История Византии, Византийский Херсон, сфрагистика, печати, моливдовулы.

Можно сказать, что развитие сфрагистических типов в Византийской империи происходило в русле, аналогичном развитию монетных изображений, с тем лишь отличием, что в сфрагистике последние не были предопределены никакими государственными образцами. Каждый владелец печати на свое усмотрение мог выбирать любой тип изображения, хотя в отдельные периоды и наблюдаются определенные устоявшиеся типы. Так, в ранневизантийское время были очень популярны блоковые и крестообразные монограммы, содержащие имена и титулатуру владельцев; изображения Богородицы и орла в сопровождении инвокативной монограммы (Θεοτόκε βοήθει – Богородица, помоги) – последняя в сопровождении тетраграммы ΤΩ ΣΩ ΔΣΛΩ (τῷ σῶ δουλόω – твоему рабу) становится абсолютно доминирующим типом в период иконоборчества. Со второй половины IX в. не менее популярным стало изображение главного символа христианской веры – креста, который был представлен на печатях во множестве различных вариантов [9, р. 9–32]. Со второй половины X в. особую популярность приобретают изображения многочисленных византийских святых и святых воинов [10, р. 383–497]. В то же время на всем протяжении византийской истории неизменный интерес владельцев печатей оставался к образам Богородицы и Христа. Изображение Богородицы появляется на печатях с самого раннего времени и представлено в различных ипостасях (Оранта, Одигитрия, Епискепис и т. д.), в том числе, и многофигурных композициях (Благовещение, Успение и др.).

В то же время прочно утвердившийся в византийской нумизматике образ Христа имел достаточно специфическое применение в сфрагистической практике. В абсолютном большинстве он представлен на печатях византийских императоров [2; 7, р. 1–200]. По наблюдениям В. С. Шандровской, образ Спасителя появляется на

императорских буллах после победы над иконоборчеством в правление императора Михаила III (843–867), а начиная с самостоятельного правления Константина VII Багрянородного (945–959), Христос изображается с крестчатым нимбом, титлами $\overline{\text{IC}} \overline{\text{XC}}$ – $\overline{\text{I}}(\eta\sigma\omega\upsilon)\zeta$ $\overline{\text{X}}(\rho\iota\sigma\tau\acute{o})\zeta$ и нередко сопровождается инвокативной легендой [4, с. 116].

Однако лишь немногочисленные моливдовулы византийских чиновников или частных лиц демонстрируют его образ. В то же время, как правило, это печати высокопоставленных сановников и должностных лиц. К примеру, изображение Христа известно на печатях императорского протоспафария и $\epsilon\pi\acute{\iota}$ $\tau\acute{\omega}\nu$ $\beta\alpha\rho\beta\acute{\alpha}\rho\omega\nu$ Христофора [14, р. 247, нр. 498], анфипата, патрикия, императорского протоспафария и $\epsilon\pi\acute{\iota}$ $\tau\eta\varsigma$ $\sigma\alpha\kappa\acute{\epsilon}\lambda\lambda\eta\varsigma$ Николая [14, р. 414, нр. 792] или императорского протоспафария $\epsilon\pi\acute{\iota}$ $\tau\omicron\upsilon$ $\text{X}\rho\upsilon\sigma\tau\omicron\tau\rho\kappa\lambda\acute{\iota}\nu\omicron\upsilon$ Льва [5, р. 213, нр. 188]. Все печати второй половины IX в. В начале XI столетия образ Христа поместил на своем моливдовуле и эпарх Константинополя Лев [14, р. 556, 557, нр. 1016].

Изображение Спасителя известно и на церковных печатях. Их владельцами являлись Константинопольский патриарх Игнатий (847–858, 867–877) [5, р. 269, нр. 237] и епископ Моновасии ($\text{M}\omicron\nu\omicron\beta\alpha\sigma\acute{\iota}\alpha\varsigma$) Афанасий [13, р. 432, 433, нр. 579]. Известны также печати монастыря Христа Филантропа [3, с. 190, № 295; 4, с. 122] и дьяконии $\tau\omicron\upsilon$ $\text{A}\nu\tau\iota\phi\omega\nu\eta\tau\omicron\upsilon$ [8, р. 587, 588, нр. 6.93].

В XII–XIV вв. образ Христа встречается на моливдовулах некоторых византийских аристократов: севаста Михаила Димира, Андроника Дрионита, Мануила Костомира, Мануила Критополя и др. [5, р. 232–234, 371, 388, 390, 391, нр. 205, 329, 347, 349].

В связи с вышеизложенным находка в византийском Херсоне моливдовула с изображением мужской полуфигуры в крестчатом нимбе несомненно представляет особый интерес.

1. Частная коллекция (Севастополь). (Рис. 1).

D – 14,5×19 mm; толщина пластинки – 2–2,5 mm; вес – 5,4 g.

Сохранность: небольшие разрывы металла на концах канала; светло-серая патина.

Происхождение: случайная находка в Херсонесе (2004–2006 гг.).

Аналогий не найдено.

Аверс. Погрудное изображение безбородого святого с короткими курчавыми волосами в гиматии и с крестчатым нимбом вокруг головы, анфас. Изображение заключено в веревочный ободок. Легенды нет.

Реверс. Трехстрочная надпись в родительном падеже (изображение заключено в веревочный ободок):

+ΕΙΡ
ΗΝΑΙ
ΟΥ

ΕΙς
ЗНБЯ
πх

Εἰρηναίου – <Печать> Иринея.

Типологически моливдовул тяготеет к ранневизантийским памятникам сфрагистики. В то же время, как нам представляется, использованный

сфрагистический тип и отсутствие в шрифте элементов, характерных для самых ранних булл (например, *альфы* с ломаной центральной гасой) не позволяет отнести его к VI в. Вероятнее всего, в нем следует видеть памятник VII столетия.

Рис. 1. Моливдовул Иринаея из византийского Херсона (увеличено; фото автора).

В тоже время отметим, что близкое по стилистике изображение присутствует на трех печатях второй половины VI – первой половины VII в. с именем Иоанна, заключенном в крестообразную монограмму, а также так же на печати с именем Тимофея, которая датирована издателями второй половиной VI в. [17, р. 711, 1681, nr. 1100–1102, 2977, pl. 64, 202]. Правда издатели в изображенном на лицевой стороне последней буллы видят увенчанного крестчатым нимбом некоего святого, с длинной бородой и ниспадающими волосами на плечи, а не Христа. Действительно тип очень близок к изображениям св. Иоанна. Однако, последние никогда не сопровождаются изображениями крестчатого нимба. Так что, не исключено, что здесь все-таки присутствует изображение Христа.

Что касается херсонского моливдовула, то, с нашей точки зрения, версия об изображении на нем образа Христа наиболее очевидна.

Рассматриваемый моливдовул примечателен не только необычным сфрагистическим типом, но и достаточно редким именем владельца.

Среди памятников византийской сфрагистики мы можем назвать моливдовулы Иринаея, хартулярия VII–VIII вв. [17, р. 873, 1056–1057, nr. 1455, 1861]. В трех случаях тезоименный сигиллянт представлен на моливдовулах VIII в. как дьякон, архонт влатия и коммеркиарий Абидоса [12, р. 137, nr. 254; 17, р. 1057, nr. 1862a-b; 6, р. 78, 79, nr. 40.14], а на печатях IX–X вв. как императорский спафарий и комит конюшен [16, S. 70, 71, Nr. 2.1.1], патрикий, императорский протоспафарий и доместик схол [17, р. 1057, nr. 1863] и спафарокандидат [Κωνσταντοπουλος, 1917. P. 343, nr. 537a]. Еще одна булла, собственником которой был один из представителей византийской знати Иринаей Радин (XI–XII вв.) представляет своего владельца в ранге протоспафария [11, р. 138, nr. 518].

В письменных источниках имя Иринаея фигурирует лишь в кадастре Фив XI столетия [15, nr. 13101–13102].

Казалось бы, связать собственника нашего моливдовула с каким-либо из выше перечисленных персонажей не представляется возможным. Однако в перечне возможных претендентов нас привлекла еще одна печать с именем Иринаея [17, p. 497, nr. 603], на которой указана ранее принадлежавшая владельцу высокая столичная должность епарха. Булла датирована издателями второй половиной VII в. Не исключено, что херсонская находка и булла из коллекции Г. Закоса принадлежали одному и тому же персонажу. Возможно, херсонская находка отражает начальный этап карьеры Иринаея, еще до получения должности префекта византийской столицы. Когда он, скорее всего, будучи одним из высокопоставленных придворных, возможно приближенных к василевсу, счел себя достойным наравне с императором помещать на своей печати образ Христа.

Впрочем, наш моливдовул может относиться и к категории печатей, предназначенных для частной переписки, на которых как правило отсутствует какая-либо титулатура собственника моливдовула. Вместе с тем следует отметить, что в ранневизантийское время печати еще не несут пространственных легенд, и во множестве случаев на них присутствует лишь имя владельца, представленное в той или иной форме. Учитывая достаточно редкое имя владельца печати, вероятно, было вполне достаточно лишь его, чтобы определить отправителя корреспонденции.

Но так или иначе представленный моливдовул в очередной раз показывает, что в ранневизантийское время Херсон имеет тесные контакты со столицей, византийским нобилитетом и представителями бюрократического аппарата империи [см.: 1, с. 95–110].

Список использованных источников и литературы

1. Алексеенко Н. А. Ранневизантийское чиновничество в юго-западной Таврике в свете сфрагистических данных из Херсона и его округа // Вестник ВолГУ. – Волгоград: ВолГУ, 2019. – Т. 24, № 6. – С. 95–110.
Alekseienko N. A. Rannevizantijskoe chinovnichestvo v yugo-zapadnoj Tavrike v svete sfragisticheskikh dannyh iz Khersona i ego okrugi // Vestnik VolGU. – Volgograd: VolGU, 2019. – Т. 24, № 6. – Р. 95–110.
2. Соколова И. В. Печати византийских императоров. Каталог коллекции. – СПб., 2007.
Sokolova I. V. Pechati vizantijskih imperatorov. Katalog kollekcii. – SPb., 2007.
3. Шандровская В. С. Сфрагистика // Коллекция музея 190РАИК в Эрмитаже. Каталог выставки. – СПб., 1994. – С. 176–202.
Shandrovsкая V. S. Sfragistika // Kollekcija muzeya IRAIK v Ermitazhe. Katalog vystavki. – St. Petersburg, 1994. – P. 176–202.
4. Шандровская В. С. Об изображениях Христа на византийских печатях IX–XIV вв. // АДСВ. – Екатеринбург, 1999. – С. 116–123, 403–406.
Shandrovsкая V. S. Ob izobrazheniyah Khrista na vizantijskih pechatyah IX–XIV vv. // ADSV. – Ekaterinburg, 1999. – P. 116–123, 403–406.
5. Campagnolo-Poithou M., Cheynet J.-CL. Sceaux de la collection Ceorge Zacos au Musée d'art et d'histoire de Genève. – Genève, 2016.
6. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art / Eds. J. Nesbitt, N. Oikonomides. – Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1996. Vol. 3. West, Northwest and Central Asia Minor and Orient.

7. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art / Eds. J., Nesbitt, C. Morrisson. – Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2009. Vol. 6. Emperors, Patriarchs of Constantinople, Addenda.
8. Cheynet J.-CL., Gokyildirim T., Bulgurlu V. Les sceaux byzantins du Musée archaéologique d'Istanbul. – Istanbul, 2012.
9. Cheynet J.-CL., Morrisson C. Texte et image sur les sceaux byzantins: les raisons d'un choix iconographique // SBS. – Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1995. Vol. 4. P. 9–32.
10. Cotsonis J. The Contribution of Byzantine Lead Seals to the Study of the Cult of the Saints (Sixth – Twelfth Century) // Byzantion. – Bruxelles, 2005. T. LXXV. P. 383–497.
11. Κωνσταντοπούλος Κ. Μ. Βυζαντινά μολυβδόβουλλα τοῦ ἐν Ἀθηναῖς Ἐθνικοῦ Νομισματικοῦ Μουσείου. – Αθήνα, 1917.
12. Laurent V. Documents de sigillographie byzantine. La collection C. Orghidan. – Paris, 1952.
13. Laurent V. Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin – Paris, 1963. T. VI: L'Église.
14. Laurent V. Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin: L'administration centrale. – Paris, 1981. T. II.
15. Prosopography of the Byzantine World, 2016 / Eds. M. Jeffreys et al. – London : King's College, 2017. Код доступа: [www: pbw2016.kdl.ac.uk](http://www.pbw2016.kdl.ac.uk) (дата обращения 25.04.2020).
16. Seibt W., Zarnitz M.-L. Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk. – Wien, 1997.
17. Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead Seals. – Basel, 1972. Vol. 1.

Alekseyenko N. A. Early Byzantine molivdovul of Byzantine Kherson with a rare image type.

The article is devoted to a rare sphragistic type – an image of Christ presented on one of the molivdovuls, originating from the Byzantine Kherson. The rare image of the Saviour, usually found on the seals of emperors and rare high-ranking dignitaries, most likely suggests the high status of the owner of molivdovul from Kherson. Given the rather rare name of the sigillant, it is possible that the owner of the Kherson seal could be one of the eparchs of the Byzantine capital of the seventh century, also named Irenaeus.

Keyword: History of Byzantine Empire, Byzantine Kherson, sphragistics, print, molyvdovoula.

DOI 10.37279/2413-1741-2020-6-3-30-43

УДК 94 (37+38)/82–7

«СМЕХАЧ» И ЖЕНСКИЙ ВОПРОС: ШУТКИ О ЖЕНЩИНАХ И С УЧАСТИЕМ ЖЕНЩИН В СБОРНИКЕ «ΦΙΛΟΓΕΛΩΣ»

Лейбенсон Ю. Т.

**ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: BeyleGamarnik@yandex.ru**

В статье рассмотрены шутки сборника анекдотов II–IV вв. «Φιλόγελος», которые, так или иначе, касаются женских персонажей. Часть рассмотренных анекдотов не является непосредственно шутками о женщинах и их повадках. Напротив, в них показано нормативное женское поведение на фоне экстравагантных выходов главных героев анекдотов – схоластика, остряка, пьяницы, женоненавистника. Однако несколько шуток сборника «Φιλόγελος» непосредственно высмеивают женские пороки. Ими оказываются: сварливость и буйный нрав, похотливость и супружеская неверность. Констатируется, что, в целом, этот список женских пороков значительно короче, нежели перечня женских качеств, которые высмеивала древняя и средняя аттическая комедия. Ряд античных анекдотов сборника «Φιλόγελος» публикуется в переводе на русский язык впервые.

Ключевые слова: античный юмор, женщина в античности, сборник «Φιλόγελος».

В свое время автору этой статьи посчастливилось слушать курсы «История Древней Греции и Рима», «Античная литература» и «Феномен античной цивилизации», которые читала Элеонора Борисовна Петрова. Особенное впечатление на слушателя произвело то, насколько блестяще лектору удавалось сочетать строгость классического подхода к изучению античности с подходами новыми: историей повседневности, гендерной историей, исторической психологией. Под впечатлением от лекций Элеоноры Борисовны автор, тогда еще совсем «зеленый» студент, побежал в читальный зал университетской библиотеки и стал с упоением вчитываться в переводы «женских комедий» Аристофана... О, сколько чудных открытий ждало его в этих текстах (при том, что русские переводы сильно смягчают Аристофана)! Это была совсем не «эрмитажная», белокаменная, застывшая античность, но живой и пестрый мир с его своеобразным юмором и специфическими взглядами на жизнь.

В качестве скромной, но искренней благодарности Элеоноре Борисовне за ее лекции и живой интерес к подлинной античности, который они неизменно вызывали, автор приносит этот небольшой текст, посвященный древнегреческим анекдотам о женщинах.

Античная литература, конечно, знала образцы женской добродетели. Однако, пожалуй, женские пороки волновали ее гораздо больше. Дидактические размышления Гесиода (Op. et Dies 373–375; Theog. 591–601) и Семонида Аморгского о зловерности

женщин¹ (Semonid. Frgm. 6 (7)) со временем сменились рекомендациями Ксенофонта по строгой ежедневной дрессуре юной бестолковой жены, только что пришедшей в дом мужа (Xen. Oeconom. 7–10). В тот промежуток времени, который прошел между увещаниями Гесиода ничего не доверять жене и советами Ксенофонта постараться натаскать жену на ведение домашнего хозяйства, успела появиться блистательная древнегреческая комедия – и в ней о женщинах стало возможным говорить совершенно иным языком. Этот язык шутки, подчас весьма злой, был не менее убедительным, нежели сетования авторов архаики или зловещие женские образы, которые рисовали трагические драматурги в «Медее» и «Агамемноне».

Древняя комедия буквально живого места не оставила на теле «женского вопроса». Аристофан высмеивал женщин за их пристрастие к вину (Ekkles. 132–146, 227; Lys. 113–115, 198–207, 406; Thesmoph. 556–557, 690–761; Frgm. 270(364), 290 (487)), чревоугодие (Lys. 36; Ekkles. 226), супружескую неверность и сладострастие (Ekkles. 225, 877–1111; Lys. 24–28, 130–136, 715–768; Thesmoph. 339–347, 478–501; Frgm. 244 (191), 264 (9), 345 (592)), любовь к нарядам и украшениям (Lys. 42–45; Frgm. 274 (332), 275 (337)), болтливость (Ekkles. 120), хитрость и обман (Ekkles. 237–38; Lys. 744–757; Thesmoph. 407–409, 501–513, 558–559, 564–566). В довершение всего, женщины признавались лучшим автором древней комедии существами, имеющими слабый разум (Lys. 708–709), при этом способными на преступную жестокость (Thesmoph. 560–563).

Женское пьянство выступало и в качестве довеска к другим порокам, и как самостоятельный объект насмешек – равно постыдный и уморительный. Старуха-пьяница была типичным персонажем древней комедии. Аристофан обвинял коллегу по цеху Евполида в плагиате: тот украл сюжет «Всадников» и состряпал свою комедию «Марикант», добавив в нее для пущего смеха пьяную старуху² (Aristoph. Nub. 553–555).

¹ Пусть у Семонида рассуждения о женщинах и не лишены некоторого комического эффекта (современному читателю трудно не рассматривать его образы как сатиру), но основной мотив поэта вполне серьезен, даже трагичен: так много женщин, похожих на ленивых, прожорливых и похотливых животных, и так мало женщин, подобных трудолюбивой пчеле! Вывод: большинство женщин представляют собою чистое зло, созданное Зевсом на погибель несчастным мужьям.

² Позднее в эллинистической эпиграмме пьяная старуха была выведена под нарицательным именем Марониды, то есть дочери Марона – жреца Аполлона, сына или кормильца Диониса, подарившего Одиссею мех с вином:

*Прах Марониды здесь, любившей выпивать
Старухи был зарыт. И на гробу ее
Лежит знакомый всем бокал аттический;
Тоскует и в земле старуха; ей не жаль
Ни мужа, ни детей в нужде оставленных,
А грустно оттого, что винный кубок пуст*

(Леонид Тарентский, III в. до н.э., Anth. Gr. VII. 455; пер. Л. Блуменау) [3, с. 142–143].

*Это надгробье седой Марониды, и сам ты, конечно,
Видишь из камня сосуд здесь на могиле ее.
Ведь подруге вина и болтунье и деток не жалко;
Дела ей нет до отца осиротевших детей.
Даже в могиле рыдает она о любимом сосуде –
Нет в нем ни капли вина; пуст он на стеле стоит*

(Антипатр Сидонский, II в. до н.э., Anth. Gr. VII. 353. Пер. Ю. Шульц) [3, с. 200].

Что касается сохранившихся фрагментов средней комедии, примечателен отрывок из «Фрасона» Алексиды, где муж укоряет жену за болтливость (Athen. Deipn. IV. 133c). Инвектива, обращенная в адрес зловерных жен, сохранилась также во фрагменте алексидовых «Прорицателей»: мужья живут в собственных домах как рабы женщин, подвергаются обидам, страдают от женской холодности, глупости и бесхозяйственности (Athen. Deipn. XIII. 558f). В «Равновесии» Алексид рассказывал, какими средствами украшают себя гетеры, водя за нос влюбленных в искусственную красоту (Athen. Deipn. XIII. 568a–d). Женской любви к вину были посвящены «Вакханки», «Мистиды» и «Пронзенная копьем» Антифана, «Танцовщица» и «Дважды горящий» Алексиды, «Пятиборье» Ксенарха, «Филинна» Аксионика (Athen. Deipn. X. 441c–442a).

Однако в новой комедии смех над женщинами и их пороками стихает. У Менандра все женские персонажи сплошь добродетельны и являются лишь жертвами трагических обстоятельств. Имеются, впрочем, реплики отдельных героев, например, о разнузданном образе жизни гетер (их осуждает добропорядочный хозяин в «Самиянках» – Men. Sam. 179–184) и о том, что женское воспитание развращает девочек, в отличие от воспитания мужского (так считает богатый юноша, влюбившийся в дочь Брюзги – Men. Mis. 384–389). К тому же, по свидетельству Афиня, в своих комедиях «Сжигаемая» и «Аррефора» или «Флейтистка» Менандр замечал устами героев, что женатый человек подобен умершему (Athen. Deipn. XIII. 559d). Однако подобные рассуждения высказывались его героями в качестве общих мест и к высмеиванию конкретных героинь или женских типов, насколько можно судить, не относились.

Это не значит, что с конца IV в. до н.э. над женщинами больше никто не будет смеяться. Женскому сластолюбию и ревности полностью посвящена «Ревнивица» Герода, а желанию во что бы то ни стало принарядиться – «Башмачник». И у поздних авторов женские слабости не обойдены – достаточно вспомнить хлесткую сатиру на женскую праздность и погоню за красотой в диалоге Лукиана «Две любви» (Luc. Amor. 39–43).

Шутки о представительницах прекрасной половины человечества из литературы и фольклора проникали и в сборники анекдотов. Такие сборники существовали, по свидетельству Афиня, еще со времени Филиппа Македонского, щедро вознаградившего афинских шутников, чтобы те записывали свои шутки и посылали ему (Athen. Deipn. XIV. 614d–t).

Но сохранился лишь один из подобных сборников – «Φιλόγελος» («Любитель посмеяться» или «Смехач»). Он бы составлен предположительно в II–IV вв. и неоднократно переписывался в средние века (известен «Филогелос» как раз из трех византийских рукописей). Авторами назывались Гиерокл и Филагрий, однако их невозможно надежно соотнести с известными позднеантичными писателями [8, с. 297; 16, р. 27–30; 19, с. 11–15]. Среди 265 шуток, вошедших в сборник, есть более тридцати сюжетов с женскими характерами. Справедливости ради, стоит сказать, что женщины в «Филогелосе» не выступают в качестве главных героев, однако «женский вопрос» все же «смехачом» не обойден. И в этом отношении сборник

«Филогелос» оказывается интересен, в том числе, как источник, фрагментарно отражающий позднеантичный быт, семейные отношения и нравы.

Предварительно следует сказать о центральных персонажах сборника – характерах, которые фигурируют в качестве героев шуток наиболее часто. Прежде всего, это *σχολαστικός* – буквально, схоластик. Он появляется в наибольшем количестве анекдотов – в 111 из 265. Отличительная черта схоластика – стремление во всем следовать разуму, логике, понимаемым предельно буквалистски. Значения слов схоластик понимает исключительно прямые: услышав, что к нему приходит старость, герой бежит к городским воротам, чтобы встретить ее (Philog. №43¹). Об этике его представления также крайне негибки: встретив школьного учителя своего умершего сына, схоластик приносит ему извинения за то, что ребенок не пришел в школу по причине смерти (Philog. №77). При этом он доверяет авторитетным мнениям, науке, эксперименту: услышав, что ворон живет больше двухсот лет, он покупает птицу и кормит ее, чтобы проверить этот факт (Philog. №257). Как видно, *σχολαστικός* – персонаж весьма своеобразный. Само это слово понимается переводчиками и комментаторами по-разному. В русском переводе² схоластик представлен как «педант». «Pedant» он и в английском переводе Ч. К. Бабба 1920 г. [12]. Также предлагались переводы «professor», «intellectual» и даже «idiot» (последнее – в английском переводе Д. Кромптона и в переводе Р. М. Т. Перейра на португальский язык) [16, р. 19–21; 13; 14; 15, р. 17]. Наиболее удачным все же представляется подход, который применили в начале XX в. и в его конце переводчики на немецкий и новогреческий языки. Ими «схоластик» не был переведен или заменен на то, что может показаться эквивалентом, а просто заключен в кавычки (соответственно, «Scholasticus» и «σχολαστικός») и сопровождается необходимыми комментариями [17, р. 458–466; 19, с. 117]. Это решение особенно хорошо тем, что полное соответствие слову *σχολαστικός* в современных языках трудно найти. Разумеется, он похож на «egghead», «чокнутого профессора», однако его возраст, статус и обстоятельства жизни никак не увязываются с этим героем нового и новейшего времени. Да, схоластик «Филогелоса» – человек, живущий в окружении книг (№№8, 16, 17, 44b, 55), а в нескольких анекдотах он выступает как преподаватель (№№61, 79 – притом в начальной школе). Но чаще он ученик (№№67, 68, 87, 91). Схоластик может быть врачом (№3), кредитором (№50). В одном анекдоте сообщается, что он софист (№90). Он чаще молод, но иногда у него уже есть свои маленькие дети (№№33, 57, 77, 95). Кроме того, схоластик, оставаясь полноправным гражданином своего полиса, владеет земельным участком и участвует в военных действиях (№№51, 82, 84). Основная отличительная черта схоластика – это не образованность, а своеобразный способ мышления, некоторая «узколобость» при несомненном наличии ума. Если же переводить *σχολαστικός* как «узколобый» или «заучка» – это, несомненно, убьет на корню весь комический эффект. Предложенный

¹ Нумерация дается по изданию: Φιλόγελος ἐκ τοῦ Ἰεροκλεοῦς καὶ Φιλαγρίου Γραμματικῶν / μετ. Μ. Αρβανίτη. Αθήνα, 1999 [19].

² Сегодня мы располагаем только переводами М. Л. Гаспарова, издавшего 63 анекдота [2, с. 348–350; 8, с. 297–302].

М. Л. Гаспаровым «педант» семантически очень хорош, однако слишком осовременивает схоластика, делая его героем рассказов начала XX века. Поэтому в данной статье в цитируемых переводах М. Л. Гаспарова схоластик будет оставаться «педантом», в авторских же переводах и пересказах шуток «Филогелоса» он останется самим собой – ведь о том, что это за персонаж, сказано достаточно.

В данном случае схоластик интересен нам тем, что среди его окружения есть женщины, и им также приходится быть героями смешных ситуаций, которыми богата жизнь этого персонажа.

Часто встречаются в качестве героев «Филогелоса» жители Абдеры (во Фракии), Ким (в Малой Азии) и Сидона (в Ливане) – городов, «имеющих славу нашего Пошехонья» [8, с. 297]. Абдериты, кимейцы и сидоняне выступают в анекдотах как предельно глупые люди. Впрочем, их глупость часто носит тот же характер, что и «педантичность» схоластика. О причинах появления такого литературного штампа можно лишь догадываться. Если Абдеры «прославились» как отечество философа Демокрита, не признавшего гения, а Кимы могли быть обязаны статусу «города дураков» из-за того, что не брали пошлин с приплывающих торговых судов (как будто не знали, что в городе есть море), то «славу» Сидона в этом отношении объяснить трудно [2, с. 349]. В любом случае, в упомянутых городах жили и женщины, которым приходилось взаимодействовать с типичными (по мнению авторов шуток) абдеритами, кимейцами и сидонянами.

Меньшее количество анекдотов «Филогелоса» посвящено другим персонажам, однако женщинам приходится в них быть женами, подругами, родственницами или просто собеседницами таких типов как остряк¹, ненасытный человек², пьяница, хвастун, астролог, предсказатель, человек с плохим запахом изо рта и, наконец, женоненавистник.

Повторимся, женщины «Филогелоса» практически никогда не являются главными героями шуток, притом даже грамматически. То, что на русский язык можно перевести как «в одного юношу-трагического актера были влюблены две женщины» (№241, этот анекдот будет приведен ниже), на древнегреческом выглядит как *νεανίσκος τραγῳδῶς ἠγαπήθη ὑπὸ γυναικῶν δύο*, – то есть, буквально «юноша-трагик был любим двумя женщинами». И по финальной реплике персонажа мы видим, что именно юноша является главным действующим лицом, а женщины – скорее, «обстановка». Однако и эта «обстановка» знакомит нас с женским миром поздней античности.

Этот мир, в общем, выглядит не так вызывающе, как в дионисийских комедиях Аристофана с их откровенными шутками, сюжетной и лексической разнузданностью. Скорее, он близок к реальному быту, где женщины не захватывают Акрополь, не руководят народным собранием, а выполняют одну из ролей, предложенных им еще Демосфеном: роль жены, матери и рачительной

¹ *Εὐτράπελος* – «шут» по М. Л. Гаспарову [8, с. 297]. Этот перевод, при всей его емкости, не представляется идеальным. «Шут» отсылает читателя к определенному образу жизни, даже профессии. Однако из текста мы видим, что *εὐτράπελος* может быть, например, мелким торговцем (№145).

² *Λιμώζηρος* – «обжора» по М. Л. Гаспарову [8, с. 297]; или же «вечно голодный».

хозяйки, роль подруги-гетеры или роль рабыни, безропотно сносящей любую прихоть хозяина (Dem. LIX. 123).

Именно такие «нормативные» женщины появляются в тех анекдотах сборника, где смеются вовсе не над ними и их слабостями, а, напротив, над мужскими типами. В «Филогелосе» мы видим обычных матерей, чье поведение не является сколь-нибудь отклоняющимся. Одна из таких матерей скорбит об умершем сыне-подростке, соучеником которого оказывается схоластик:

Σχολαστικὸς ἀποθανόντος συμφοιτητοῦ ἐπεσκέπτετο τοὺς γονέας. τοῦ δὲ πατρός αὐτοῦ ὀδυρομένου καὶ λέγοντος· Τέκνον, ἠπόρησάς με – τῆς δὲ μητρὸς λεγούσης· Τέκνον, ἐτύφλωσάς με – ὁ σχολαστικὸς πρὸς τοὺς ἐταίρους εἶπεν· Εἰ ταῦτα αὐτῷ πέπρακται, ἐχρήν αὐτὸν καὶ ζῶντα καυθῆναι.

Схоластик посетил родителей умершего школьного товарища. Отец того, причитая, говорил: «Дитя, ты оставил меня в несчастье!». Мать же восклицала: «Дитя, ты лишил мои глаза света!» (буквально: ты меня ослепил). Схоластик сказал своим товарищам: «Если он это сделал, то его и живьем стоило сжечь» (№69).

Матери, появляющиеся в тексте сборника шуток, пекутся о здоровье и судьбе своих детей. Для этого они обращаются к прорицателям – что, в общем, тоже совершенно нормально для эпохи:

Δύσκολος ἀστρολόγος παιδὸς νοσηροῦ γένεσιν λέγων, πολυχρόνιον αὐτὸν τῇ μητρὶ. ὡς ἐπαγγεϊλάμενος ἤτει τὸν μισθόν. τῆς δὲ εἰπούσης· Ἐλθόντι σοι αὔριον δώσω – ἔφη· Τί οὖν, εἰάν τὴν νύκτα ἀποθάνῃ καὶ ἐγὼ τὸν μισθὸν ἀπόλλω;

Ворчун-астролог, составив гороскоп больного мальчика, пообещал его матери, что ребенок будет жить очень долго, и потребовал с нее платы. Она сказала: «Приходите завтра, заплачу». Он возразил: «Как, а если ребенок ночью умрет, и я останусь без денег?» (№189, пер. М. Л. Гаспарова).

Ἀφύης μαθηματικὸς παιδίου γένεσιν λέγων εἶπεν· Οὗτος ἔσται ῥήτωρ, εἶτα ἑπαρχος, εἶτα ἡγεμών. τεθνηκότος οὖν τοῦ παιδὸς τούτου ἡ μήτηρ ἀπαντήσασα εἶπεν· Ὅν ἔλεγες ῥήτορα ἔσεοθαι καὶ ἄρχοντα καὶ ἡγεμόνα, ἀπέθανεν. ὁ δὲ ἔφη· Μὰ τὴν αὐτοῦ μνήμην, εἰάν ἐξῆσε, πάντα ταῦτα ἂν ἐγένετο.

Глупый прорицатель, составив гороскоп ребенка, сказал: «Он будет оратором, потом наместником, потом императором». Ребенок умер, и его мать потребовала денег назад, заявляя: «Тот, кому ты сулил быть оратором, правителем, императором, – умер». Тот ответил: «Клянусь его памятью, если бы он не умер, так бы оно и было» (№204, пер. М. Л. Гаспарова).

Матерям и другим кровным родственницам главных героев приходится терпеть их эксцентричные выходки. И здесь они остаются примерными греческими женщинами, безропотно сносящими безумства своих родных – по крайней мере, в текстах шуток они остаются безответными:

Ἀβδηρίτης τὸν πατέρα τελευτήσαντα κατὰ τὸν νόμον καύσας, δραμῶν εἰς τὴν οἰκίαν πρὸς τὴν μητέρα αὐτοῦ νοσοῦσαν εἶπεν· Ὀλίγα ἔτι περιττεύει ζύλα εἰάν οὖν βούλῃ καὶ δύνασαι, τοῖς αὐτοῖς κατακαύθητι.

Абдерит сжигал по обычаю своего умершего отца. Прибежав домой, он обратился к своей больной матери: «Еще немного дров осталось. Если желаешь, можешь сгореть вместе с ними» (№123).

Σχολαστικός νυκτός ἐπανεστή τῇ μάμμῃ αὐτοῦ. πληγὰς δὲ διὰ τοῦτο ὑπὸ τοῦ πατρὸς λαβὼν. Σὺ, εἶπεν, τοσοῦτος χρόνος ἐστὶν ἐξ οὗ τὴν μητέρα μου ὀχεύεις, μηδὲν ὑπ' ἐμοῦ παθὼν, καὶ νῦν ὀργίζῃ ἐπὶ τῇ μητρὶ σου ἅπαξ με εὐρών;

Педант ночью встал и полез к своей бабке; отец его за это отколотил. Педант сказал: «Сколько времени ты сам с моей матерью спишь, и я тебе слова не сказал, а стоило мне один раз лечь с твоей, и ты уже сердилась» (№45, пер. М. Л. Гаспарова).

Мужчины-герои «Филогелоса», надо сказать, далеко не всегда ведут себя столь скандально. Да и сама семья кажется им абсолютно естественной и всеобщей формой человеческого общежития:

Ἀβδηρίτης εὐνοῦχον ἰδὼν γυναικὶ ὀμιλοῦντα ἠρώτα ἄλλον, εἰ ἄρα γυνὴ αὐτοῦ ἐστὶ. τοῦ δὲ εἰπόντος εὐνοῦχον γυναικὰ ἔχειν μὴ δύνασθαι ἔφη· Οὐκοῦν θυγάτηρ αὐτοῦ ἐστὶν.

Абдерит увидел евнуха, разговаривавшего с женщиной, и спросил соседа, не жена ли это евнуха. Тот ответил, что евнух не может иметь жену. «Значит, это его дочь», – сказал абдерит (№115, пер. М. Л. Гаспарова).

К слову, примерные, «нормативные» незамужние девушки, дочери героев в «Филогелосе» тоже упоминаются. Как и следует ожидать, они достаточно стыдливы, чтобы не действовать в тексте шуток самим, а лишь служить предметом брачной сделки или случайно «попадать в объектив» главного героя (напротив, мальчишки «Филогелоса», сыновья центральных персонажей, очень активны: они бегают по двору, играют в мяч, изображают гладиаторов):

Εὐτράπελος ἰδὼν ἰατρὸν κόρην ὑπαλείφοντα ἔφη· Ὅρα, νεανίακε, μὴ τὴν ὄψιν θεραπεύων τὴν κόρην διαφθείρῃς.

Остряк увидел, как врач накладывает мазь на глаз цветущей девушке, и сказал: «Смотри, молодой человек, как бы тебе, врачуя глаз, не навредить девушке!» (№152).

Помимо «нравственного» понимания анекдота, здесь следует иметь в виду игру слов: *κόρη* – это не только «девушка», но и «глаз», «зрачок». Таким образом, послание остряка оказывается двойным: «врачуя глаз, не повреди зрачок» и «врачуя глаз, не навреди самой девушке».

Λιμόξηρος λιμοξήρῳ θυγατέρα ἐκδίδους καὶ ἐρωτώμενος, τί αὐτῇ δίδωσιν εἰς προῖκα· Οἰκίαν, ἔφη, δίδωμι, ἧς αἱ θυρίδες εἰς τὸ ἀρτοκοπεῖον βλέπουσιν.

Вечно голодный выдавал свою дочь за такого же. На вопрос, что он даст ей в приданное, ответил: «Я даю дом, окна которого смотрят на пекарню» (№221).

Тема свадьбы еще раз появляется в сборнике – брачный пир очень нравится герою:

Σχολαστικός ἐν γάμοις ἐστιαθεὶς εἶτα ἀναχωρῶν Εὐχομαι, εἶπεν, εὐτυχῶς καὶ ἀεὶ ταῦτα ὑμᾶς ποιεῖν.

Схоластик, пировавший на свадьбе, уходя, сказал: «Желаю вам быть счастливыми и праздновать свадьбу снова и снова» (№ 72).

Однако самое интересное, конечно, начинается после свадьбы. Не меньше, чем матери, жены типичных героев «Филогелоса» вынуждены мириться с их характерами и остротами. Как правило, жены остаются примерными и безответными:

Μισογύναιος στας ἐν τῇ ἀγορᾷ ἔλεγε· Πωλῶ μου τὴν γυναῖκα ἀτελώνητον. τινῶν δὲ εἰπόντων· Διὰ τί; εἶπεν· Ἵνα στερέσιμος γένηται.

Женоненавистник, стоя на агоре, возглашал: «Продаю жену без пошрины!». Спрашивавшим, отчего он так делает, отвечал: «Чтобы ее могли конфисковать»¹ (№ 248).

Μισογύναιος νοσήσας ἐν ἀπογνώσει, τῆς δὲ γυναικὸς αὐτῷ εἰπούσης· Ἐάν τι πάθῃς, ἀπάξομαι – ἀναβλέψας πρὸς αὐτὴν εἶπε· Ζῶντί μοι τοῦτο χάρισαί.

Женоненавистник безнадежно заболел. Жена сказала ему: «Если с тобой что-то случится, я удавлюсь». Он поднял на нее глаза и проговорил: «Доставь мне это удовольствие, пока я жив» (№ 250).

Εὐτράπελος ἀποδημήσας καὶ κηλίτης γενόμενος, ἐπανελθὼν ἠρωτᾶτο <ὕπὸ τῆς γυναικός>, τί ἤγαγεν. ὁ δὲ· Σοὶ μὲν, εἶπεν, οὐδέν, τοῖς δὲ μηροῖς σου προσκεφαλᾶδιον.

Остряк был в отъезде и у него вышла грыжа. Когда он вернулся, жена спросила, что тот привез. Остряк ответил: «Тебе ничего, а твоим бедрам – подушку» (№264).

Полное послушание жены мужу декларировалось в античном обществе как норма, но при этом допускалось, что в конкретных случаях дела могут обстоять совершенно иначе. Это положение вещей блестяще отражено в одной шутке «Филогелоса», где только что женившийся молодой человек очень хочет показать себя настоящим главой семьи. Он так старается казаться патриархом, что в итоге говорит совершенную глупость:

Νεανίσκος ἐρωτηθεὶς, <εἰ> ὑπὸ τῆς γυναικὸς αὐτοῦ κελεύεται ἢ πείθεται αὐτῷ ἐκείνη πάντα, ἐναβρυνόμενος ἔφη· Οὕτως με φοβεῖται ἢ γυνὴ μου· ἐὰν χάνω, χέζει.

У юноши спросили, командует им жена или во всем ему повинуются. Он, красуясь, сказал: «Жена меня так боится, что, стоит мне открыть рот, как она обделывается» (№252).

Впрочем, если женщин «Филогелоса» не способны вывести из себя шуточки остряка или мрачность женоненавистника, то мужа с дурным запахом изо рта стерпеть им крайне тяжело. Жены этих героев остаются в рамках приличий, но все же не могут удержаться от того, чтобы ответить мужьям:

Ὀζόστομος συνεχῶς τὴν γυναῖκα αὐτοῦ καταφιλῶν ἔλεγεν· Ἡ κυρία μου, ἢ Ἥρα μου, ἢ Ἀφροδίτη μου. κάκεινή ἀποστρεφόμενη ἔλεγεν· Ὀζεύς μου, Ὀζεύς μου.

Человек с плохим запахом изо рта постоянно любезничал с женой: «О госпожа моя, Гера моя, Афродита моя!». Та же, отворачиваясь, отвечала: «О Зевс мой (Оζεύς μου)!» (№ 234).

¹ Интересно, что сюжет анекдота, хоть и вызывает смех своей абсурдностью (муж не вправе продать свою жену – Plut. Rom. 22), вероятно, является отсылкой к римской правовой норме *commissa vestigalium nomine*, согласно которой незадекларированный товар может быть изъят у продавца [18, s. 59–61].

Эта шутка построена на непередаваемой игре слов: раздельное написание Ὁ Ζεὺς μου означает «О Зевс мой», а слитное Ὁ Ζεὺς μου – «моя вонючка». При устном рассказе эти варианты неразличимы.

Ὁ Ζόστομος τὴν γυναῖκα ἠρώτα λέγων· Κυρία, τί με μισεῖς; κάκεινη ἀπεκρίνατο λέγουσα· Ὅτι σύ με φιλεῖς.

Человек с плохим запахом изо рта спросил свою жену: «Госпожа, почему ты меня не любишь?». Та ответила: «Потому что ты меня любишь» (№236).

Ответ жены «ὅτι σύ με φιλεῖς» обозначает одновременно и «потому что ты меня любишь», и «потому что ты меня целуешь». На русский язык, увы, невозможно перевести эту реплику, сохранив и ее предельно конкретное значение (женщине не нравится целоваться с мужем, у которого пахнет изо рта), и афористичность (жена не любит мужа, потому что он ее любит).

Когда же супругов разлучает безжалостная смерть, вдовы «Филогелоса» скорбят по спутникам жизни. А вот о вдовцах сложно сказать то же самое...

Σχολαστικὸς νοσοῦντα φίλον ἀπῆλθεν ἐπισκέψασθαι. τῆς γυναίκος δ' αὐτοῦ εἰπούσης, ὅτι ἐκεῖνος ἤδη ἔξω ἔστιν· Ἐάν οὖν ἐπανεέλθῃ, φησίν, ἐρεῖς παραγεγενῆσθαι με.

Педант пришел навестить больного друга. Вышла заплаканная жена и сказала: «Его уже нет!». Педант сказал: «Когда вернется, передай, что я заходил» (№70, пер. М. Л. Гаспарова).

Σχολαστικὸς <τῆς> γυναίκος αὐτοῦ ἀποθανούσης σορὸν ἠγόραζε καὶ περὶ τῆς τιμῆς ἐζυγομάχει. τοῦ δὲ πωλοῦντος ὁμόσαντος μὴ ἔλαττον πέντε μυριάδων πωλήσειν, ὁ δὲ Ἐπειδὴ, ἔφη, προσείληψαι τῷ ὄρκῳ, λάβε μὲν τὰς πέντε μυριάδας, εἰς προσθήκην δέ μοι μικρὸν σορίδιον δός, ἵνα, ἐάν μου χρεῖα παιδίῳ γένηται, ἔτοιμον ἦ.

Схоластик, чья жена умерла, покупал гроб и спорил о цене. Продавцу, поклявшемуся, что не продаст меньше, чем за пять тысяч (драхм), сказал: «Раз уж принес клятву, возьми пять тысяч, а в придачу дай мне маленький гроб, чтоб он, когда подойдет моему ребенку, был готов!» (№ 97).

Μισογύναιος, τῆς γυναίκος αὐτοῦ ἀποθανούσης, ἐπὶ τῷ θάψαι ἐκήδευε. τινὸς δὲ ἐρωτήσαντος· Τίς ἀνεπαύσατο; ἔφη· Ἐγὼ ὁ ταύτης στερηθεῖς.

Потерявший супругу женоненавистник хоронил ее. Его спросили: «Кто обрел покой?». Тот ответил: «Я, потерявший эту женщину» (№ 249).

Μεθύσῳ ἐν καπηλείῳ πίνοντι ἐπιστάς τις ἔφη· Ἡ γυνή σου ἀπέθανεν. ὁ δὲ ἀκούσας πρὸς τὸν κάπηλον ἔφη· Οὐκοῦν, αὐθέντα, ἐκ τοῦ μελανοῦ κέρασον.

К пьянице (другой вариант – к схоластику), выпивающему в трактире, подошел некто и сказал: «Твоя жена скончалась». Тот, услышав, обратился к трактирщику: «Стало быть, хозяин, смешай черного вина» (№ 229).

Жизнь греческого мужчины, как известно, украшали не только законные жены, но и свободные женщины. Некоторые из них были действительно свободны и сами выбирали себе друзей, способных отблагодарить подарками за благосклонность. Такие «подруги», при успешном стечении обстоятельств, могли стать законными женами своих возлюбленных (по крайней мере, счастливый финал комедий Менандра это допускал). Другие женщины трудились в публичных домах и не могли распоряжаться своей выручкой самостоятельно, зачастую они были рабынями. Безусловно, это очень упрощенная картина того многообразия гетер,

порни, арфисток, танцовщиц и просто дам полусвета, которое знала античность [подробнее см.: 5; 6]. Но именно в таком упрощенном виде мы встречаем в «Филогелосе» картину отношений, свободных от супружеских уз. Заметим, что женщины в этих шутках снова ведут себя нормативно. Смех вызывает либо ситуация (но не сам факт внебрачных отношений), либо поведение мужчин.

Πεπανόπτωχος εἰωθῶς τὴν φίλην αὐτοῦ ἐξαπατᾶν ὡς εὐγενῆς ὄν καὶ πλοῦσιος, εἰς τοὺς γείτονας σιτεῦόμενος ὡς εἶδεν ἄφνω τὴν φίλην, στραφεὶς ἐφώνει· Πέμψον δέ μοι καὶ τὸ φιβλατόριον.

Бедный хвастун имел обычай врать своей подруге, что он благороден и богат. Обедая у соседей и случайно увидев подругу, он повернулся и крикнул: «Пошли мне плащ с золотыми застежками!» (№106).

Ἄλλος ὁμοίως μεγαλαυχούμενος, τελείως τε πενητεύων καὶ κατὰ τύχην νοσήσας, τῆς δὲ φίλης αὐτοῦ αἰφνίδιον ἐπεισελθούσης καὶ εὐρούσης αὐτὸν ἐπὶ ψιάθου κείμενον, εὐτραπεὶς ἤτιᾶτο τοὺς ἰατροὺς λέγων· Οἱ καλοὶ ἰατροὶ καὶ δόκιμοι τῆς πόλεως ἐκέλευσάν με ψιαθιοθῆναι.

Другой подобный ему бахвал вконец нуждался и, по несчастью, заболел. Перед своей подругой, внезапно пришедшей и обнаружившей его лежащим на тростниковой циновке, он устыдился и сослался на врачей, говоря: «Лучшие и испытаннейшие врачи города велели мне лежать на циновке!» (№107).

Εὐτράπελος ἰδὼν πορνοβοσκὸν μισθοῦντα μέλαιναν ἑταιρίδα εἶπε· Πόσον τὴν νύκτα μισθοίς;

Остряк увидел, как хозяин публичного дома¹ выдает жалованье черной гетере и спросил: «Сколько стоит ночь?» (№151).

Наконец, наиболее безответны в «Филогелосе», как и в реальности, женщины-рабыни. Они никогда ничего не говорят в текстах шуток, все действия производятся не ими, а над ними. Разумеется, они не распоряжаются ни своей жизнью, ни жизнью своих детей.

Σχολαστικῶ ἐκ δούλης τεκνώσαντι ὁ πατήρ συνεβούλευε τὸ παιδίον ἀποκτεῖναι. ὁ δὲ Πρῶτον, ἔφη, σὺ τὰ τέκνα σου κατόρυζον, καὶ οὕτως ἐμοὶ συμβούλευε τὸν ἐμὸν ἀνελεῖν.

У педанта родился ребенок от рабыни. Отец посоветовал убить его². Педант сказал: «Сперва своих детей похорони, а потом советуй мне моих убивать» (№ 57, пер. М. Л. Гаспарова).

Σχολαστικὸς δανειστῆς ναυκλήρω χρεώστη ἐνετέλλετο σορὸν αὐτῶ κομίσει καὶ δύο παιδικὰς τοῖς ὀκταέτεσι παιδίοις αὐτοῦ, δικάϊου μέτρου ὡς εἰς αὐξήσιν.

Схоластик-заимодавец велел своему должнику-судовладельцу привезти гроб для себя и двух девочек для его восьмилетних сыновей, чтобы товары были подходящего размера и на вырост (№ 50).

Но известны авторам «Филогелоса» и женщины выдающиеся – увы, только в негативном смысле. Неприятные черты женских характеров или их пороки – повод

¹ Хозяин публичного дома здесь назван словом *πορνοβοσκός* – буквально «пастух блудниц». Слово использовалось как в античных, так и в византийских источниках [10, с. 71].

² Родившийся у рабыни ребенок был собственностью ее владельца. Очень удачно замечание А. Тарвацкой: раз глава семейства, отец схоластика, мог только посоветовать сыну убить младенца, значит, рабыня рассматривалась не как собственность *pater familias*, а как личная собственность схоластика [18, с. 77–78].

посмеяться. В таких случаях женщине тоже вовсе не обязательно быть действующим лицом анекдота. И смеются тоже не столько над ней, а, скорее, над реакцией главного героя. Однако ситуацию создают именно женщины, пусть и оставаясь «обстановкой».

Какие женские пороки создают комическую ситуацию?

Во-первых, неуживчивый скверный характер:

Μισογύναιος γυναικα ἔχων γλωσσώδη καὶ λοιδόρον, τελευτησάσης δὲ αὐτῆς, ἐπὶ θυρεοῦ ἐξέφερε. τινὸς δὲ ἰδόντος καὶ τὴν αἰτίαν ἐρωτήσαντος ἀπεκρίνατο· Μαχίμη γὰρ ἦν.

У женоненавистника была болтливая и сварливая жена. Когда она умерла, муж вынес ее на щите. Тому, кто видя это, спросил о причине, женоненавистник ответил: «Она была воином» (№ 251).

Забавной оказывается и излишняя женская инициатива в любовных делах. Похотливая женщина – это смешно, заявляют авторы «Филогелоса». Даже если это молодая жена молодого человека (в чьем положении такое поведение естественно, однако неприлично), комический эффект сохраняется. Что уж говорить о похотливых старухах (вспомним сцену в «Женщинах в народном собрании» Аристофана, где старухи делят молоденького любовника – Ekkles. 877–1111):

Νεανίσκος πρὸς τὴν γυναικα οὖσαν ἀσελγῆ εἶπε· Κυρία, τί ποιοῦμεν; ἀριστοῦμεν ἢ ἀφροδισιάζομεν; κάκεινη πρὸς αὐτὸν ἔφη· Ὡς θέλεις· ψωμὶν οὐκ ἔστιν.

Юноша спросил у своей похотливой жены: «Госпожа, чем нам заняться: позавтракать или заняться любовью¹?». Та же ответила ему: «Как пожелаешь, но у нас нет ни кусочка» (№246).

Νεανίσκος τραγωδὸς ἠγαπήθη ὑπὸ γυναικῶν δύο, ὄζοστόμου καὶ ὄζοχρώτου. καὶ τῆς μιᾶς λεγούσης· Δός μοι, κῆρι, φιλήματα – τῆς δὲ ἄλλης· Δός μοι, κῆρι, περιπλοκάς – ἐκεῖνος ἀνεβόησεν· Οἴμοι, τί δράσω; δυοὶ κακοῖς μερίζομαι.

Юношу-трагика любили две женщины, одна – с дурным запахом изо рта, другая – с дурным запахом тела. Одна сказала: «Господин, поцелуй меня!». Другая же: «Господин, обними меня!». Юноша вскричал: «Горе мне, что делать? Разрываюсь меж двух зол!» (№241).

Νεανίσκος γραίας δύο καπριώσας ἐκάλεσε, πρὸς δὲ τοὺς οἰκείους διακόνοὺς ἔφη· Τὴν μίαν κεράσατε, τὴν δὲ θέλουσαν ἀφροδισιάσατε. αἱ δὲ ὑφ' ἐν εἶπον· Ἡμεῖς οὐ διψῶμεν.

Юноша пригласил двух похотливых² старух и сказал своим домашним слугам: «Смешайте для одной вино, а с той, что захочет, займитесь любовью³». Обе заявили: «Мы не хотим пить!» (№ 247).

Наконец, смешную ситуацию способно создать неприглядное поведение супруг-изменщиц.

Εὐτράπελος κάπηλος εἰρῶν ταξεώτην ἐπὶ τῇ γυναικὶ αὐτοῦ εἶπεν· Εὐρον, ὃ οὐκ ἐζήτουν.

¹ Буквально – ἀφροδισιάζομεν. Глагол является деноминативом от имени богини любви *Ἀφροδίτη*, что позволило Ч. К. Баббу в английском переводе использовать изящный оборот «devote ourselves to the rites of Aphrodite» [12, s. 94].

² Примечательно, что использовано слово *καπριώσα*, происходящее от *καπρία*, связанного с половыми органами свиньи. Такая лексика характерна и для комедий Аристофана [7, с. 122].

³ Здесь тот же глагол, что и в №246 – ἀφροδισιάσατε.

Остроумный лавочник, обнаружив таксеота¹ на своей жене, сказал: «Нашел, что не искал» (№ 145).

Οἰκοδέσποινα μωρὸν οἰκέτην ἔχουσα ἐμφατῆ καὶ ἰδοῦσα αὐτὸν ἀδροκέφαλον, ἐπιθυμήσασα αὐτοῦ, φιδάριον εἰς τὸ πρόσωπον βαλοῦσα, ἵνα μὴ ἐπιγνωσθῆ, συνέπαιζεν αὐτῷ. ὁ δὲ ἐν τῷ παίξειν συνεισῆλθεν αὐτῇ. καὶ τῷ δεσπότη συνήθως προσγελῶν εἶπε· κῦρι, κῦρι, τὸν ὄρχηστήν ἐβίγησα, καὶ ἡ κυρὰ ἦν ἔσωθεν.

У хозяйки был слабоумный раб. Увидев его мужское достоинство, хозяйка возжелала раба. Закрыв лицо маской, чтоб не быть узнанной, она стала с ним заигрывать. Раб ответил на заигрывания. После, как всегда посмеиваясь, он заявил хозяйку: «Господин, господин, я поимел² танцовщицу, а хозяйка была внутри³!» (№ 253).

Εὐτράπελόν τις ἐλοιδόρει, ὅτι Σοῦ τὴν γυναῖκα δωρεὰν ἔσχον. ὁ δὲ εἶπεν Ἐμοὶ μὲν ἀνάγκη τοσοῦτου κακοῦ ἀνέχεσθαι· σοὶ δὲ τίς ἀνάγκη;

Некто бранил остряка: «Я задаром поимел твою жену!». Тот же ответил: «Я-то вынужден спать с этим злом, а тебя какая нужда заставила?» (№ 265).

Мы видим, что «Филогелос» оказывается не особенно придиричив к женщинам. Смешны лишь женщины чрезмерно болтливые, бранящиеся; смешны излишне любвеобильные; смешны изменяющие мужьям. Но, в целом, в этих шутках совсем немного насмешек над женскими привычками и пороками. Мы не встречаем в сборнике ни женского пьянства (в отличие от пьянства мужского), ни обмана, ни страсти к украшениям и нарядам – всего того, что в избытке есть у авторов предыдущих эпох.

Слишком смело было бы делать вывод о влиянии некоторого смягчения отношения к женщине в позднеантичное и ранневизантийское время – «Филогелос» не представляется источником, надежно репрезентирующим отношение общества к различным проблемам (да и шутки, вошедшие в сборник, явно разновременные). Однако картина женского мира, которую видит читатель «Филогелоса», в каком-то смысле показательна: женщины не особенно часто бывают яркими и харизматичными, они спокойно живут в установленных для них рамках, однако и большого зла сами по себе не представляют.

Список использованных источников и литературы

1. Гарин С. В. ТО ПЕОС: Фигурный лист поверх Аристофана. Обсценная лексика в Классической Греции // *Universum: филология и искусствоведение*. – 2014. – № 4 (6). – [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/figovyuy-list-poverh-aristofana-obstsennaya-leksika-v-klassicheskoy-gretsii>

¹ *Ταξέωτης* – служитель при наместнике провинции, известный по византийским текстам [11, с. 63].

² Здесь использован глагол *βινέω* – крайне грубое слово, характерное и для комедий Аристофана (напр., *Aristoph. Ran.* 740). О лексике Аристофана [см. напр.: 1; 9].

³ В работе А. Тарвацкой рассмотрены правовые аспекты случаев, описанных в шутках «Филогелоса», если бы они происходили в правовом поле Римской империи с конца I в. до н.э. по IV в. н.э. Что касается анекдота о слабоумном рабе и хозяйке, согласно указу Константина I Великого от 326 г., этот адюльтер мог иметь тяжкие правовые последствия – смертную казнь для госпожи и сожжение заживо для раба. Впрочем, римское право учитывало недееспособность раба, вызванную его слабоумием [18, с. 66–68].

- Garin S. V. TO ΠΕΟΣ: Figovy list poverkh Aristofana. Obstsennaya leksika v Klassicheskoj Gretsii // *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*. – 2014. – № 4 (6). – [Elektronnyi resurs] <https://cyberleninka.ru/article/n/figovyy-list-poverh-aristofana-obstsennaya-leksika-v-klassicheskoy-gretsii>
2. Гаспаров М. Л. Занимательная Греция: Рассказы о древнегреческой культуре. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 384 с.
- Gasparov M. L. Zanimatel'naya Gretsija: Rasskazy o drevnegrecheskoj kul'ture. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998. – 384 s.
3. Греческая эпиграмма // Подг. Н. А. Чистякова. – СПб.: Наука, 1993. – 448 с.
- Grecheskaja epigramma // Podg. N. A. Chistyakova. – SPb.: Nauka, 1993. – 448 s.
4. История греческой литературы / Под ред. С. И. Соболевского, Б. В. Горнунга, С. Г. Гринберга и др. – М.–Л., 1946. – Т. I. – 487 с.
- Istoriya grecheskoj literatury / Pod red. S. I. Sobolevskogo, B. V. Gornunga, S. G. Grinberga i dr. – M. – L., 1946. – T. I. – 487 s.
5. Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции / Пер. с англ. В. В. Федорина. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. – 400 с.
- Likht G. Seksual'naya zhizn' v Drevnei Gretsii / Per. s angl. V. V. Fedorina. – M.: KRON-PRESS, 1995. – 400 s.
6. Молева Н. В. Гетеры на Боспоре // *Боспорские исследования*. – 2018. – Вып. XXXVI. – С. 87–99.
- Moleva N. V. Getery na Bospore // *Bosporskie issledovaniya*. – 2018. – Vyp. XXXVI. – S. 87–99.
7. Обидина Ю. С. Женские образы в комедиях Аристофана: источниковедческая перспектива и воображаемый реализм // «Запад-Восток»: Научно-практический ежегодник. – 2014. – С. 119–125.
- Obidina Yu. S. Zhenskie obrazy v komediyakh Aristofana: istochnikovedcheskaya perspektiva i voobrazhaemyi realizm // «Zapad-Vostok»: Nauchno-prakticheskii ezhegodnik. – 2014. – S. 119–125.
8. Памятники поздней античной поэзии и прозы II–V века / Под ред. М. Е. Грабарь-Пассек. – М.: Наука, 1964. – 360 с.
- Pamyatniki pozdnei antichnoj poezii i prozy II – V veka / Pod red. M. E. Grabar'-Passek. – M.: Nauka, 1964. – 360 s.
9. Славянская М. Н. Текст и «затекст» (дискурсивные заметки о языке комедий Аристофана) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. – 2014. – № 18. – С. 868–880.
- Slavyatinskaya M. N. Tekst i «zatekst» (diskursivnye zametki o yazyke komedii Aristofana) // *Indoevropeskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*. – 2014. – № 18. – S. 868–880.
10. Сорочан С. Б. Порни. О профессиональной проституции в Византии IV – IX вв. как сфере рынка торговли и услуг // *Древности*. 2012. С. 69–75.
- Sorochan S. B. Porni. O professional'noi prostitutsii v Vizantii IV – IX vv. kak sfere rynka trgovli i uslug // *Drevnosti*. 2012. S. 69–75.
11. Фомина М. С. Повесть о войне-таксоте в составе списков Златоустрия XIV – XVI в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. – 2017. – №2. – С. 60–68.
- Fomina M. S. Povest' o voine-taksiote v sostave spiskov Zlatostruya XIV – XVI v. // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. – 2017. – №2. – S. 60–68.
12. Bubb Ch. C. *The Jests of Hierocles and Philagrius*. – Cleveland: The Rowfant Club, 1920. – 110 p.
13. Crompton D. A. *Funny Thing Happened on the Way to the Forum: The World's Oldest Joke Book*. – London: Michael O'Mara Books Ltd., 2010. – 160 p.
14. Dawe R. D. *Philogelos*. Leipzig: Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana, 2000. – 115 p.
15. Hiérocles e Filágrio. *Philogelos (O Gracejador)* / Trad. R. M. T. Pereira. – Coimbra: Imprensa da Universidade de Coimbra, 2013. – 98 p.
16. Rapp A. *The ancient Greeks & Joe Miller* // *Anecdota Scowah*. – 1958. – №3. – P. 13–30.
17. Reich H. *Der Mimvs: Ein Litterar-Entwickelungsgeschichtlicher Versuch*. – Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1903. – 900 p.
18. Tarwacka A. *European Legal Culture Through the Prism of Jokes The Example of Philogelos*. – Wrocław: Pracownia Artystyczna Gałczyński Sp. z o.o., 2018. – 226 s.
19. Φιλόγελος ἐκ τοῦ Ἱεροκλεοῦς καὶ Φιλαγρίου Γραμματικοῦ / Μετ. Μ. Ἀρβανίτη. – Ἀθήνα: Ἐξάντας, 1999. – 120 σ.

J. T. Leybenson «The Laughter Lover» and the women's question: jokes about women and with the participation of women in the «Φιλόγελως» collection.

This article considers jokes from the «Φιλόγελως» collection of jokes of the II-IV centuries AD, which somehow concern female characters. Some of the jokes analyzed by the author are not directly jokes about women and their habits. On the contrary, they show normative female behavior against the background of extravagant antics of the main characters of anecdotes - scholastic, witty fellow, drunk, misogynist. However, a few jokes in the «Φιλόγελως» collection are directly ridicule female vices. These vices are grumbling and violent disposition, lust and marital infidelity. It is stated that, in general, this list of female vices is much shorter than those female qualities that were ridiculed by Old and Middle Athenian comedy. A number of antique anecdotes of the «Φιλόγελως» collection are published in translation into Russian for the first time.

Keywords: humour in Antiquity, women in Antiquity, the «Φιλόγελως» collection.

DOI 10.37279/2413-1741-2020-6-3-44-60

УДК 904'18(477.75)"08/10"

ЛОЩЕНАЯ КЕРАМИКА САЛТОВО-МАЯЦКИХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА. АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ

Майко В. В.

*Институт археологии Крыма РАН
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: vadimmaiko1966@mail.ru*

Рассматривается лощеная сероглиняная керамика салтово-маяцких памятников Крыма. Датируется она периодом существования данной археологической культуры полуострова в рамках середины VIII – первой половины X веков. Эта категория посуды неоднократно становилась предметом специальных исследований, но целиком ни разу не обобщалась. На основании преобладания этой посуды на салтовских памятниках, оставленных аланами, в Таврике, она традиционно связывается с этим этносом. В керамических комплексах салтовских памятников полуострова эта посуда составляет незначительный процент. Выделены основные её морфологические группы, хронология бытования которых, не всегда совпадает, и сделан вывод о том, что не все категории этой керамики можно сопоставлять с аланами.

Ключевые слова: салтово-маяцкие памятники Таврики, лощеная керамика, типология, хронология, территория распространения.

Своеобразной чертой керамического комплекса праболгар Таврики является присутствие небольшого количества лощеной столовой посуды. Последняя является одним из отличительных признаков, прежде всего аланских вариантов салтово-маяцкой культуры. Эта керамика Крыма за последние 30 лет не раз становилась предметом пристального внимания специалистов [3, с. 100–101; 16, с. 49–54; 13, с. 193–196; 24, с. 240–245; 9, с. 64–67; 25, с. 453–464;]. Детально рассматривался набор форм Таманского полуострова [2, с. 173–211; 42, с. 195–201; 43, с. 507–508] и степного Подонья [12, с. 99–152], что избавляет от повторений. Подчеркнем только, что в одной из последних работ В.С. Флёров, посвятивший этой категории керамики ряд специальных исследований [35, с. 94–102; 36, с. 170–181], вновь вернулся к теме технологии её изготовления. Автор справедливо отмечает трудности при анализе технико-технологических приемов изготовления подобных сосудов, связанные с наличием т.н. «слоя под лощение» уничтожающего следы первоначальной технологической обработки [39, с. 111–112]. Результатом исследований явился важный вывод о том, что производство лощеной столовой керамики у алан Подонья не вышло за рамки домашнего производства и «запаздывало» по отношению к производству кухонной посуды. Это объясняется стремлением сохранить традиционные способы производства и формы посуды, стремлением, которое не столкнулось с потребностями рынка [39, с. 117]. Это положение чрезвычайно актуально при анализе лощеной керамики Таврики, где наличие лощеной посуды не связано с импортом. Тем не менее, в настоящий момент накопился определенный

материал, позволяющий не только дополнить типологию, но и пересмотреть выводы о хронологии сосудов. Это в дальнейшем позволит конкретизировать суждения и об этническом составе крымских салтовцев.

На наш взгляд современная типология лощеной керамики салтовской Таврики может выглядеть следующим образом.

Тип I – кувшины. В литературе утвердилось мнение, высказанное еще И. А. Барановым о том, что это наиболее разнообразная категория лощеной керамики, с трудом поддающаяся типологизации [3, с. 100–101]. Тем не менее, имеющиеся в нашем распоряжении материалы, позволяют разделить сосуды на три достаточно стабильных варианта. *Вариант Ia* – приземистые кувшины с грушевидным туловом, невысокой шейкой и широким дном. В основном они различаются шириной дна, месторасположением плечиков в нижней части тулова и «вытянутостью» пропорций. На небольшом экземпляре из юго-восточного Крыма, на дне которого присутствует клеймо в виде креста, а на шейке – граффито (рис. 1, 1), ширина дна практически соответствует ширине плечиков, расположенных максимально близко к дну. Носик слива удлинен. Кувшины из Тау-Кипчака (рис. 1, 2) и Емельяновки (рис. 1, 3), богато украшенные лощеным орнаментом и «гусеничными» наколами, более вытянутых пропорций, плечики выражены ярче и подчеркнуты врезными горизонтальными линиями. О характере носиков слива судить сложно. Кувшин из Журавок (рис. 1, 6) и кургана 7 курганной группы у с. Дальнее [10, с. 60, рис. 29, 4], наиболее крупные из этой категории, имеют тулово, приближающееся к яйцевидному, плечи покатые, но всё равно расположенные в нижней части тулова. Горло, судя по всему, более широкое. По морфологии с этими последними сосудами близок экземпляр, обнаруженный в ходе раскопок городища Вишенное (рис. 1, 7), покрытый сплошным лощением без каких-либо орнаментальных мотивов. В отличие от остальных кувшинов технологически он менее совершенен с чем, возможно, и связано отсутствие орнаментации. Крупные фрагменты кувшинов этого варианта, известны и в раннем горизонте середины – второй половины VIII в. Тепсеньского городища (рис. 1, 9–11). О полном профиле, исходя из сохранности, судить сложно. Условно, к этому варианту можно отнести и небольшой кувшин, так же из материалов раскопок указанного городища (рис. 1, 5). Правда, он существенно отличается шириной венчика и практически полным отсутствием горла. Тем не менее, тулово близко к грушевидному и дно такое же широкое. На экземпляре присутствует сплошное лощение без каких-либо орнаментальных мотивов.

Вариант Ib – образует единственный кувшин из материалов раскопок городища Вишенное¹. Благодаря крупным фрагментам тулова подобных сосудов, найденных в раннесредневековых горизонтах Тепсеньского городища и средневековой Сугдеи, можно, предварительно говорить о правомочности выделения самостоятельного варианта. Он характеризуется ярко выраженной «яйцевидностью» тулова и расположением плечиков примерно по его центру, придающим сосуду стройные вытянутые пропорции. Дно достаточно узкое, а

¹ Выражаю глубокую признательность Ю. П. Зайцеву за возможность ознакомиться с результатами его раскопок.

шейка – высокая. Из материалов городища Тиритака происходит венчик кувшина с воронковидным горлом, отличающимся от всех проанализированных выше экземпляров (рис. 1, 8). Говорить о каком-либо новом варианте, исходя из сохранности, преждевременно.

Рис. 1. Лощеные кувшины типа I салтово-маяцких памятников Таврики.
1 – Почтовое [профиль по 46, с. 81, рис. 49, 7]; 2 – Тау-Кипчак; 3 – Емельяновка; 4, 7 – Вишенное; 5, 9-11 – Тепсень, 6 – Журавки; 8 – Тиритака [по 9, с. 187, рис. 49].

Вариант 1в – крупные кувшины с яйцевидным туловом, широкой высокой шейкой и слабо выраженным носиком слива. Сосуд из материалов раскопок поселения Тау-Кипчак (рис. 2, 1) и Тепсенского городища (рис. 2, 2) отличаются только наличием пояса «сетчатого» лощения по центру тулова у первого. К этому варианту можно условно отнести и меньший по размерам кувшин с «ойнахойевидным» туловом из раскопок поселения Тау-Кипчак (рис. 2, 4). Верхняя часть тулова украшена «сетчатым» орнаментом, по центру дна присутствует клеймо в виде маленького крестика.

И. А. Барановым подчеркивалось, что все кувшины этого типа характерны для раннего этапа салтово-маяцкой культуры Крыма [3, с. 101]. И это действительно так. Практически все экземпляры происходят либо из случайных находок (рис. 1, 1), либо из тризн и разрушенных праболгарских погребений крымской степи первой половины VIII в. (рис. 1, 3, 6), либо из синхронных горизонтов поселения Тау-Кипчак (рис. 1, 2) и городища Вишенное (рис. 1, 4, 7). В ранних горизонтах городища Тепсень (рис. 1, 5, 9–11) и городища Тиритака (рис. 1, 8) второй половины VIII в. они встречены уже только в виде фрагментов. В стратифицированных горизонтах Сугдеи второй половины VIII – первой половины IX вв. это только единичные фрагменты подобных кувшинов, в горизонтах второй половины IX – первой половины X вв. – они единичная естественная примесь снизу.

Тип II – кружки. Объединяет, в отличие от кувшинов, действительно морфологически разные формы, которые роднят только небольшие размеры и наличие одной массивной по отношению к тулову петлевидной ручки. Выделять какие-либо варианты или, даже, группы – преждевременно. У кружки из Херсонеса яйцевидное тулово с небольшим почти округлым дном и широкое горло с отогнутым венчиком (рис. 3, 1). Вероятно, аналогичное тулово и у кружки из Тепсеня, округлый профилированный венчик которой плавно отогнут (рис. 2, 6). Тулово кружки из Керчи ближе к грушевидному, а высокий венчик – едва заметно отогнут (рис. 3, 2). Кружка из раскопок северо-крымской экспедиции (рис. 3, 3) имеет аналогичный венчик, но еще более ярко выраженное грушевидное тулово. Тулово кружки из Тиритаки (рис. 3, 4) совершенно аналогично кувшинам варианта Ia, а высокий венчик плавно отогнут.

О хронологических рамках существования кружек судить сложно, вероятно, они характерны для всего периода существования салтово-маяцкой культуры полуострова

Тип III – кубышки. Хорошо выделяемый стабильный тип, представленный в настоящий момент пятью целыми формами. Тулово у кубышек из некрополя Конрат (рис. 3, 8) и Тепсеня (рис. 3, 10) аналогично кувшинам варианта Ia, венчик прямостоящий или слегка плавно отогнутый. Такова же форма и миниатюрной кубышки с Тепсеня (рис. 3, 5). У кубышки из тепсенского погребения, имеющей клеймо на дне в виде креста (рис. 3, 7) и Тиритаки (рис. 3, 9) при сходных морфологических показателях, тулово ближе к яйцевидному. Остановимся на их анализе, а, главное, на существующих аналогиях, подробнее.

Специалистам хорошо известно, что кубышки в керамическом комплексе салтово-маяцких поселений Таврики чрезвычайно редки [24, с. 240–245]. При этом

важно отметить, что две кубышки их пяти (рис. 3, 7, 8) зафиксированы в качестве погребальной посуды. Это пока единственные примеры нахождения салтовской лощеной керамики в некрополях оседлого салтовского населения полуострова. Напомним, что Тиритакская кубышка, как и кубышка из погребения 2 могильника Конрат, имела две петлевидные ручки.

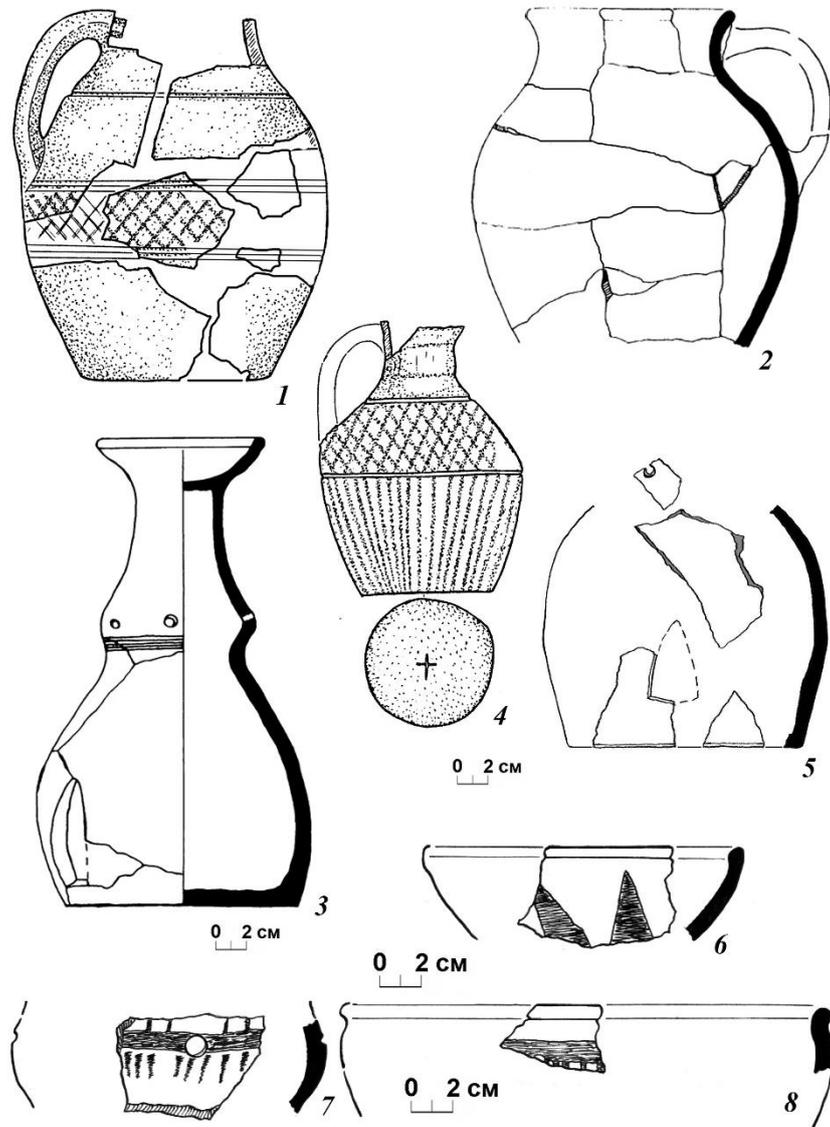

Рис. 2. Лощеные кувшины типа II, светильники и миски салтово-маяцких памятников Таврики.

1,4 – Тау-Кипчак; 2,3 – Тепсень; 5-8 – Сугдея.

Примерно в таком же ассортименте кубышки найдены в сопредельных регионах – на Таманском полуострове [22, с. 173–211; 41, рис. 10, 8–13; 42, с. 195–200, рис. 110–112; 43, с. 174–187, рис. 117–125]. К числу редких находок кубышки относятся и на памятниках основного ареала салтово-маяцкой культуры. Большой частью они найдены в катакомбных могильниках бассейна Северского Донца [19, с. 118; 37, с. 190, рис. 22; 40, с. 167–172, рис. 9–11; 1, рис. 8, 3; 26, табл. 5; 45, с. 342, табл. I, 6; IV, 3; 11, с. 69, 74, рис. 4, 3, г; 6, 6, г; 44, с. 115, рис. III, 2; 33, с. 218; 32, с. 302, 304, рис. 4, 2; 5, 7; 34, с. 365; 23, с. 287]. В зависимости от наличия или отсутствия у кубышек ручек С. А. Плетнёва разделила их на два типа [21, с. 136]. В отдельную форму кубышки с двумя ручками выделил В.С. Флёров [36, с. 170]. В. А. Сарапулкин выделил кубышки с ручкой в отдельный вид и разделил его на типы, в зависимости от места их крепления [27, с. 49–50]. Совершенно иной точки зрения придерживается К. И. Красильников, который причислил к ним только сосуды без ручек [12, с. 115]. Дискуссионным остается и функциональное назначение кубышек. По мнению К. И. Красильникова, они предназначались для «погребальной ритуально-обрядовой практики» [11, с. 77; 12, с. 115], но, на наш взгляд, это утверждение излишне категорично. Как совершенно справедливо отметил В. С. Флёров, о назначении этих сосудов можно только догадываться. Учитывая их небольшую вместимость, в них могли храниться лекарственные средства, пряности и иные пищевые добавки, употреблявшиеся в небольшом объеме. Женщины могли использовать их для хранения мазей и украшений [40, с. 167].

Датировать кубышки можно уверенно всем периодом существования салтово-маяцкой культуры полуострова. В погребении 2 некрополя Конрат (рис. 3, 8) кубышка зафиксирована в комплексе второй половины IX – начала X вв. [15, с. 294–309]. Этим же временем датируются и две, происходящие из культурного слоя кубышки городища на плато Тепсень (рис. 3, 5, 10).

Единичной, пока, формой представлен кувшин с баночным туловом и относительно широкой шейкой из материалов Тиритаки (рис. 3, 11). В целом эта форма подобна некоторым вариантам ойнахой баклинского типа. Однако отличается более широкое дно.

Тип IV – горшки-корчаги. Объединяет многочисленные сосуды с конусовидным туловом, плечики которых расположены в верхней его части. Горло практически отсутствует, каплевидный венчик хорошо выделан и отогнут. В большинстве случаев корчаги формованы из серой глины и украшены лощеным вертикальным орнаментом с петлевидными уплощенными и подовальными в сечении ручками, в свою очередь украшенными лощеными поперечными полосами. Для полуострова керамика этого типа шире всего представлена в Сугдее (рис. 4, 4, 7–13). Меньше её на Тепсене (рис. 4, 1, 3) и только отдельные крупные фрагменты верхних частей встречены на поселениях, например Героевском (рис. 4, 2, 6) и в Керчи (рис. 4, 5).

За пределами полуострова в последнее время целые формы подобных корчаг с яйцевидным и шаровидным туловом были получены при исследованиях уникального по богатству материала салтово-маяцкого поселения Гора Чиркова 1 на

Таманском полуострове [31, с. 238, рис. 7, 4; 30, с. 298, рис. 8, 4]. Авторы отметили их преобладанием на памятниках Подонья и, особенно, бассейна Северского Донца. Однако, в целом для памятников аланского варианта этой культуры они хотя и типичны, но встречаются реже, чем в Крыму и на Тамани. На памятниках Таманского полуострова, они действительно представлены хорошо. Помимо собственно поселения Гора Чиркова 1, они известны благодаря раскопкам Таматархи [18, с. 40, рис. 25, 4, 5; 42, с. 195–200], поселения Артюшенко I [6, с. 80, рис. 5], городища Кепы [29, с. 110–111, рис. 7, 4; 41, с. 493, рис. 10, 8]. На Тамани одна из наиболее представительных коллекций горшков-корчаг происходит из раскопок Фанагории. Она представлена множеством крупных фрагментов профильных частей и всего двумя археологически целыми формами. В.Н. Чхаидзе, исходя из фрагментарности материала, разделил их всех на горшки, собственно корчаги и пифосы [43, с. 507, рис. 117, с. 508, рис. 118, с. 124, рис. 124]. На наш взгляд, большая часть из них относится именно к анализируемым сосудам.

По материалам раскопок Дмитриевского могильника С. А. Плетнёва разделила эти сосуды на три типа, в основу которых были положены их размеры, прежде всего соотношение параметров тулова [21, с. 137], с чем согласились и другие специалисты [27, рис. 35, 1–10]. Все выделенные исследовательницей типы справедливо последовательно соотносились с т.н. салтовскими пифосами в направлении подобия морфологии тулова и венчика. На наш взгляд наиболее верным критерием для типологии должна быть не столько морфология тулова, сколько профилировка венчика. Отметим, что у всех горшков-корчаг типа 3 по С. А. Плетнёвой с яйцевидным, а, скорее, конусовидным туловом венчики хорошо выделаны и отогнуты, а у сосудов варианта 1 и 2 чаще встречается слегка отогнутый уплощенный венчик. Подчеркнём ещё раз, что все Сугдейские экземпляры по типологии С. А. Плетнёвой относятся к типу 3, который морфологически наиболее подобен салтовским пифосам.

По мнению В. Н. Зинько и Л. Ю. Пономарёва подобные корчаги, обнаруженные в Крыму, являются местным подражанием лощеным привозным сосудам [8, с. 153], что выглядит очень правдоподобно. С. А. Плетнёва и И. А. Баранов связывали их появление с влиянием соответственно Волынцевской и Пастырской культур [19, с. 121; 3, с. 101], не доказывая это какими-либо конкретными примерами. И в одной, и в другой культуре подобные формы неизвестны. Тем не менее, хорошо известно, что одним из отличительных признаков Волынцевской археологической культуры является присутствие в керамическом комплексе т.н. гончарных горшков волынцевского типа прямостоящим венчиком. Пропорции их и лощеная орнаментация действительно очень близки горшкам-горчагам с яйцевидным туловом. Отличия заключаются в наличии у последних петлевидных ручек и хорошо выделенного у некоторых экземпляров отогнутого венчика. В случае же наличия у горшков-корчаг уплощенного слегка отогнутого или прямостоящего венчика, как, например, из раскопок Фанагории [43, с. 508, рис. 118, 6], сопоставление с гончарными горшками

волынцевского типа становится аргументированным. Причины этого ещё предстоит выяснить. Закрытые комплексы и стратиграфические горизонты Сугдеи однозначно свидетельствуют о том, что эта категория лощеной посуды появляется не ранее середины IX в. и активно бытует до конца существования салтовской культуры полуострова.

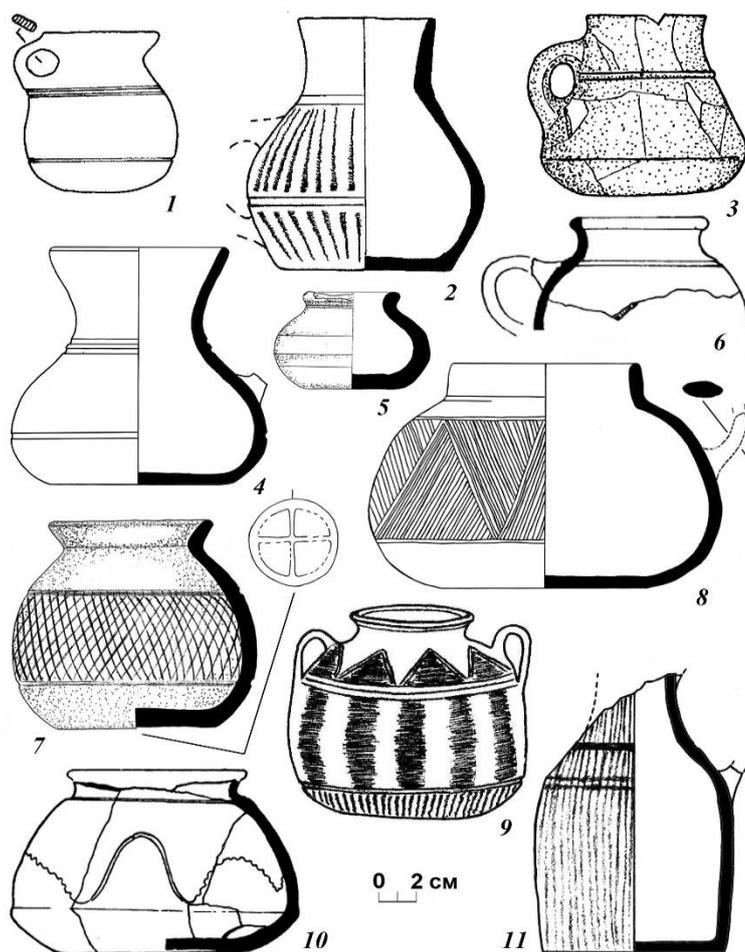

Рис. 3. Лощеные кружки, кубышки и кувшин салтово-маяцких памятников Таврики.

1 – Херсонес [по 46, с. 81, рис. 49, 5]; 2 – Керчь; 3 – Северный Крым; 4,11 – Тиритака [по 9, с. 248, рис. 120; с. 196, рис. 61]; 5,7 – Тепсень [по 4, рис. 17, 2; 5, рис. 18]; 6,10 – Тепсень; 8 – могильник Конрат; 9 – Тиритака [по 7, с. 130, рис. 164].

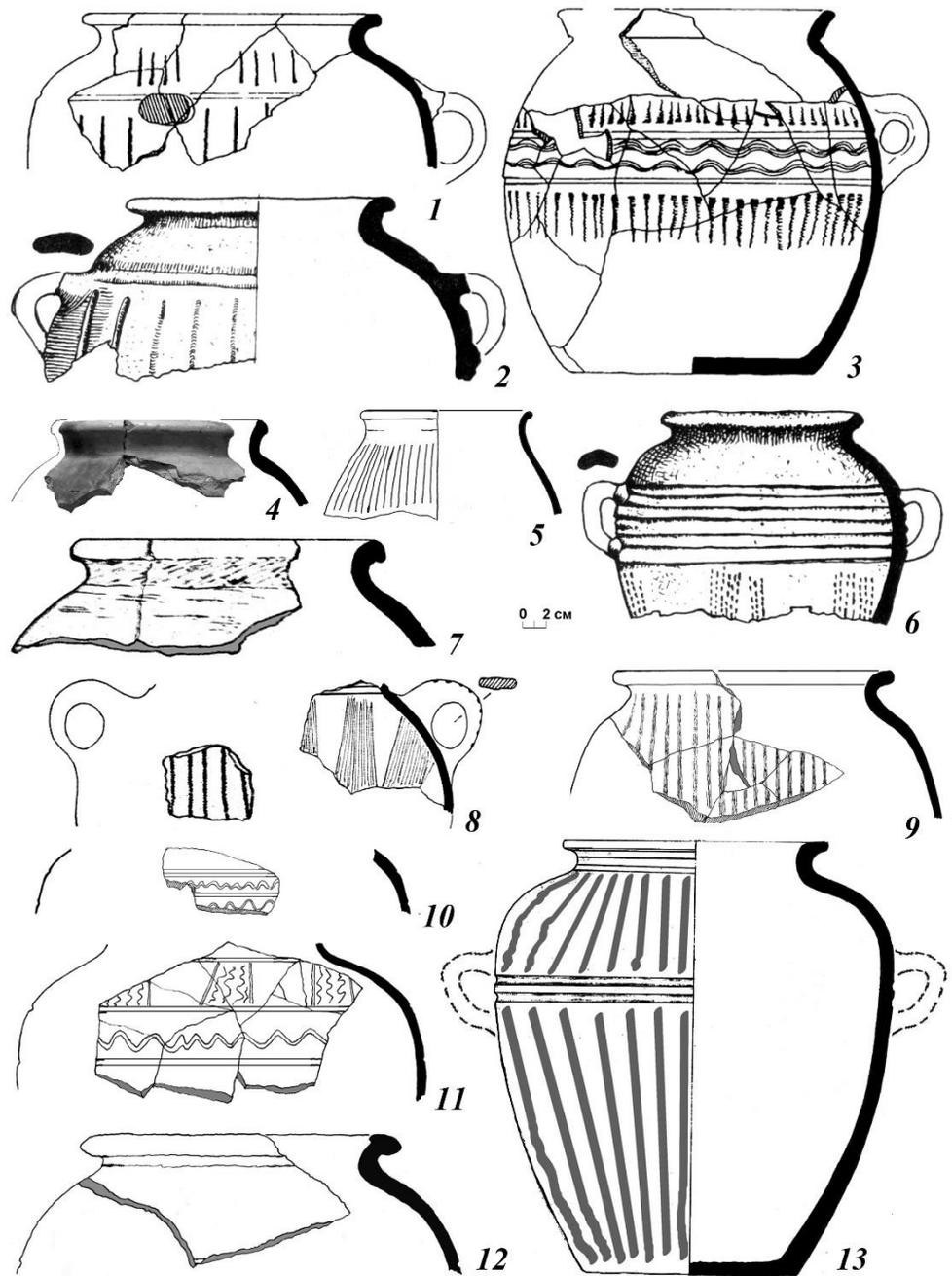

Рис. 4. Лощеные горшки-корчаги салтово-маяцких памятников Таврики.
1,3 – Тенсень; 2,6 – Героевское [по 3, с. 100, рис. 35, 6,9]; 4,7–13 –
Сугдея; 5 – Керчь.

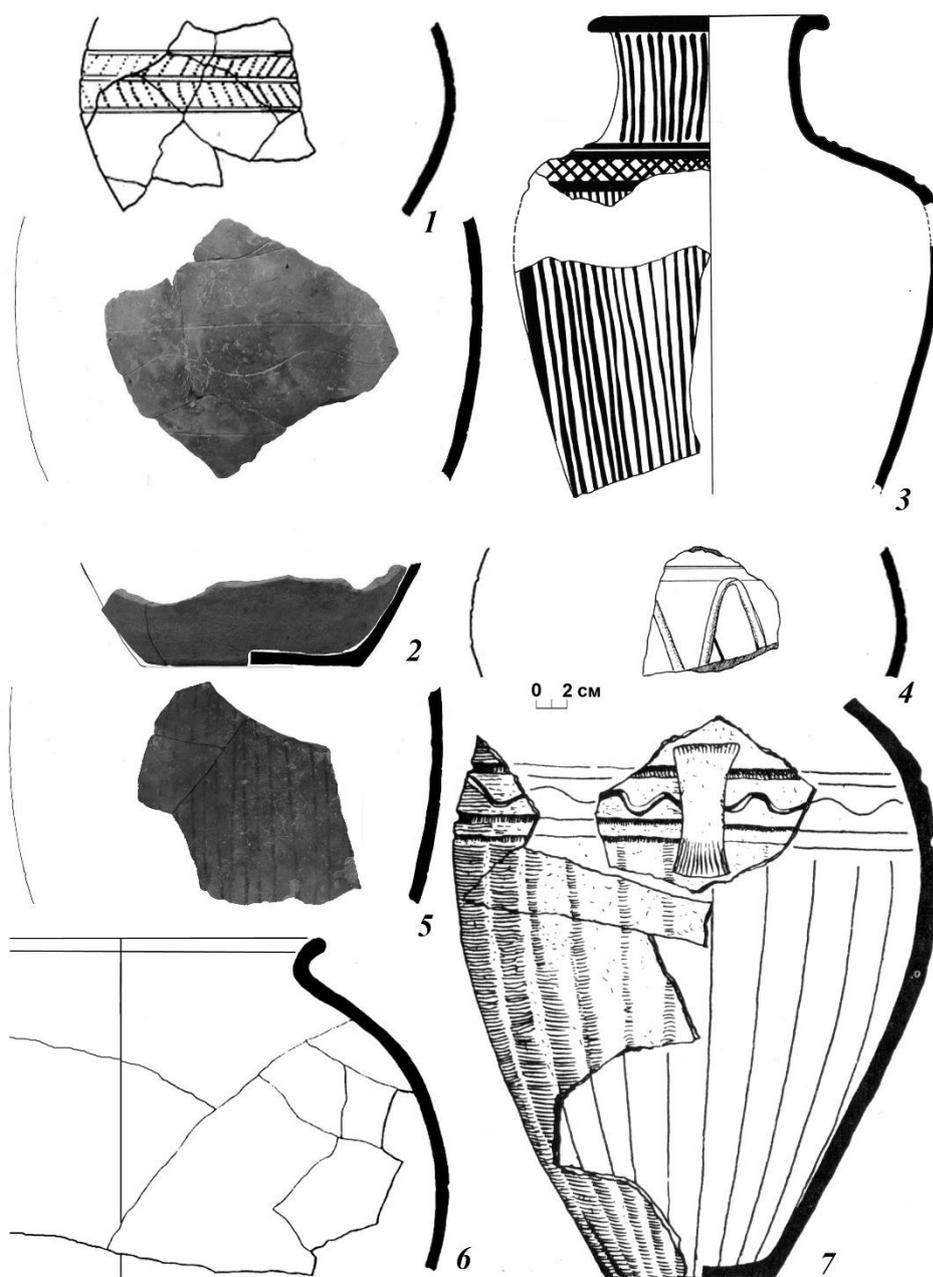

Рис. 5. Лощеные тифосы салтово-маяцких памятников Таврики.
 1,2,6 – Тепсень; 3 – Тиритака [по 9, с. 210, рис. 82]; 4,5 – Сугдея; 7 –
 Кordon-Оба [по 3, с. 100, рис. 35, 7].

Тип V – салтовские пифосы. Это крупные сосуды с конусовидным туловом, максимально высоко расположенными плечами, практически без шейки, с плавно отогнутым, хорошо проработанным каплевидным венчиком. Отличает их от предыдущего типа только размеры и несколько другая система орнаментации. Несколько фрагментов, позволяющих частично реконструировать тулово, происходят из материалов Тепсеньского памятника (рис. 5, 1, 2, 6), Судакской крепости (рис. 5, 4, 5) и поселения Кордон-Оба (рис. 5, 7). Помимо пролощенных вертикальных полос, почти все сосуды украшены «гусеничным» или волнистым орнаментом, заключенным между тремя горизонтальными линиями. За пределами полуострова наиболее близок нашим экземплярам пифос из тризны 75 Дмитровского некрополя. Интересно отметить, что они сосуществуют на праболгарских памятниках полуострова с типичными красноглиняными крупными пифосами. В Сугдее они представлены исключительно фрагментами и частями тулова. Интересно отметить, что пифосы, выделенные С. А. Плетнёвой на материалах Дмитровского могильника, имеют орнаментацию в виде вертикальных тонких валиков, расположенных в верхней части тулова [21, с. 138]. Подобные варианты орнаментации в Сугдее не встречены. Не исключено, что ещё одним типобразующим признаком является наличие т-образного венчика, о чем свидетельствуют материалы раскопок Фанагории [43, с. 514, рис. 124, 2–8]. Выделяется пифос из Тиритаки (рис. 5, 3), имеющий высокое, а, самое главное, узкое, по сравнению с другими экземплярами, горло.

Тип VI – миски. Все они обнаружены в Сугдее (рис. 2, 6–8). Первый фрагмент миски с каплевидным отогнутым венчиком (рис. 2, 8), принадлежит к типу чаш, характеризующихся небольшой высотой и широким дном. Исходя из большого количества находок на Правобережном Цимлянском городище [38, с. 515, рис. 24, 1–4], исследователь склонен рассматривать данный памятник в качестве одного из центров их производства отмечая при этом широкий ареал их распространения. Тем не менее, на памятниках салтово-маяцкой культуры данные миски все же единичны [21, с. 127–128; 40, с. 178, рис. 5, 26, 27]. В этой связи интересно отметить, что типологически близкие гончарные миски известны в материалах Волынцевского поселения [28, с. 281, рис. 60, 11] и Битицкого городища. Второй фрагмент (рис. 2, 6) является венчиком небольшого пиалобразного сосуда [40, с. 176, рис. 3, 18; 43, с. 513, рис. 123, 16]. Третий фрагмент (рис. 2, 7) отнести к конкретному типу затруднительно.

Представляет интерес находка фрагментов черноангобированного коричневоглиняного светильника с подлощенной поверхностью из Сугдеи (рис. 2, 5). В нижней части его тулова сделаны крупные треугольные отверстия. Круглые сквозные дырки присутствуют и в верхней части тулова.

Реконструировать форму трудно, но найти аналогии попытаться можно. Одними из наиболее типологически близких являются светильники, выделенные на материалах городища на плато Тепсень (рис. 2, 3) и известные в материалах поселения «Балка Лисовицкого I» в округе средневековой Таматархи [17, с. 488–490; 14, с. 33, рис. 2]. Последние вместо простых отверстий для выхода дыма, были украшены шестиконечными звёздами. Более отдаленная аналогия – светильники на конусовидном основании с подтреугольными или овальными отверстиями для выхода дыма Саркела-Белой Вежи [20, с. 161, рис. 47, 27; 22, с. 229, рис. 77: 1, 2]. Можно предположить, что салтовские светильники-курильницы в виде кувшинов выполняли не столько хозяйственные, сколько культовые функции. Это, отчасти, объясняет их малочисленность в составе керамических комплексов салтово-маяцких памятников Крыма и Тамани.

Подводя итоги, можно отметить, что лощеная керамика салтово-маяцких памятников Таврики, несмотря на всё кажущееся разнообразие форм, четко укладывается в шесть основных типов, хорошо известных в Подонье, Приазовье и на Тамани. Для периода до середины VIII в. характерны кувшины типа I. Сосуды типов II, III, V, VI – встречаются на протяжении всего периода салтовской культуры полуострова. Горшки-корчаги типа IV появляются только в середине IX в. и бытуют до конца существования рассматриваемой культуры. Они значительно чаще встречаются в городских памятниках, а для сельских поселений менее характерны. Связь сосудов типов I–III, V, VI с аланским этносом несомненна, горшки-корчаги более характерны для праболгар. Предложенные типология и выводы носят предварительный характер и по мере получения нового материала будут, конечно, корректироваться.

Список использованных источников и литературы

1. Аксёнов В. С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // Донская археология. № 1–2 / Отв. ред. В. Е. Максименко. Ростов-на-Дону, 2001. С. 62–78.
Aksyonov V. S. Rubezhanskij katakombnyj mogil'nik saltovo-mayackoj kul'tury na Severskom Donce // Donskaya arheologiya. № 1–2 / Otv. red. V. E. Maksimenko. Rostov-na-Donu, 2001. S. 62–78.
2. Атавин А. Г. Лощеная керамика средневековой Фанагории // Боспорский сборник. Вып. 1 / Ред. Я. М. Паромов. М.: б/и, 1992. С. 173–211.
Atavin A. G. Loshchenaya keramika srednevekovoj Fanagorii // Bosporskij sbornik. Vyp. 1 / Red. Ya. M. Paromov. M.: b/i, 1992. S. 173–211.
3. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К., 1990. 168 с.
Baranov I. A. Tavrika v epohu rannego srednevekov'ya (saltovo-mayackaya kul'tura). K., 1990. 168 s.
4. Бочаров С. Г. Отчет о раскопках средневекового поселения на холме Тепсень (пос. Коктебель) в 2006 году (раскопы 8–9). Симферополь, 2007 // Архив ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН». Инв. кн. 6, инв. № 1119, папка 1466.

**ЛОЩЕНАЯ КЕРАМИКА САЛТОВО-МАЯЦКИХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА.
АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ**

- Bocharov S. G. Otchet o raskopkah srednevekovogo poseleniya na holme Tepsen' (pos. Koktebel') v 2006 godu (raskopy 8–9). Simferopol', 2007 // Arhiv FGBUN «Institut arheologii Kryma RAN». Inv. kn. 6, inv. № 1119, папка 1466.
5. Бочаров С. Г. Отчет о раскопках средневекового поселения на холме Тепсень (пос. Коктебель) в 2006 году (раскоп 6). Симферополь, 2007а // Архив ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН». Инв. кн. 6, инв. № 1123, папка 1470.
- Bocharov S. G. Otchet o raskopkah srednevekovogo poseleniya na holme Tepsen' (pos. Koktebel') v 2006 godu (raskop 6). Simferopol', 2007a // Arhiv FGBUN «Institut arheologii Kryma RAN». Inv. kn. 6, inv. № 1123, папка 1470.
6. Виноградов Ю. А. Салтово-маяцкие комплексы поселения Артющенко I на Таманском полуострове // ЗВОРАО. Новая серия. Т. I (XXVI). СПб., 2002. С. 73–81.
- Vinogradov Yu. A. Saltovo-mayackie komplekсы poseleniya Artyushchenko I na Tamanskom poluostrove // ZVORAO. Novaya seriya. T. I (XXVI). SPb., 2002. S. 73–81.
7. Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. № 25: Боспорские города. Т. I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. / Под ред. В. Ф. Гайдукевича, М. И. Максимовой. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 15–134.
- Gajdukevich V. F. Raskopki Tiritaki v 1935–1940 gg. // MIA. № 25: Bosporskie goroda. T. I. Itogi arheologicheskikh issledovaniy Tiritaki i Mirmekiya v 1935–1940 gg. / Pod red. V. F. Gajdukevicha, M. I. Maksimovoj. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. S. 15–134.
8. Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // Би. Вып. I. Симферополь, 2001. С. 147–158.
- Zin'ko V. N., Ponomaryov L. Yu. Issledovanie rannesrednevekovykh pamyatnikov v okrestnostyakh poselka Geroevskoe // BI. Vyp. I. Simferopol', 2001. S. 147–158.
9. Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том. I. Археологические комплексы VIII–X вв. / при участии А. К. Каспарова, В. Е. Науменко, Д. Ю. Пономарёва, И. А. Пономарёвой, А. В. Порогова Симферополь-Керчь: АДЕФ-Україна, 2009. 328 с. (Боспорские исследования. Supplementum 5).
- Zin'ko V. N., Ponomarev L. YU. Tiritaka. Raskop XXVI. Tom. I. Arheologicheskіe komplekсы VIII–X vv. / pri uchastii A. K. Kasparova, V. E. Naumenko, D. YU. Ponomareva, I. A. Ponomarevoj, A. V. Porotova Simferopol'-Kerch': ADEF-Ukraina, 2009. 328 s. (Bosporskie issledovaniya. Supplementum 5)
10. Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма. Запорожье, 1994. 123 с.
- Koltuhov S.G., Kislyj A.E., Toshchev G.N. Kurgannye drevnosti Kryma. Zaporozh'e, 1994. 123 s.
11. Красильников К. И. Могильник древних болгар у с. Желтое на Северском Донце // Проблемы на прабългарската история и култура. Т. 2 / Отгов. ред. Р. Рашев. София: Аргес, 1991. С. 62–81.
- Krasil'nikov K. I. Mogil'nik drevnih bolgar u s. ZHeltoe na Severskom Donce // Problemi na prab"lgarskata istoriya i kul'tura. T. 2 / Otdov. red. R. Rashev. Sofiya: Arges, 1991. S. 62–81.
12. Красильников К. И. Лощеная керамика из степного массива салтово-маяцкой культуры (типология, орнаментика, клейма) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время. Донецк, 2009. С. 99–152.
- Krasil'nikov K. I. Loshchenaya keramika iz stepnogo massiva saltovo-mayackoj kul'tury (tipologiya, ornamentika, klejma) // Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. T. 7. Hazarskoe vremya. Doneck, 2009. S. 99–152.
13. Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев, 2004. 316 с.
- Majko V. V. Srednevekovoe gorodishche na plato Tepsen' v yugo-vostochnom Krymu. Kiev, 2004. 316 s.
14. Майко В. В., Пономарёв Л. Ю. Салтово-маяцкий могильник Конрат на Керченском полуострове (по результатам раскопок 2015 г.) // История и археология Крыма. Вып. VII. Симферополь, 2018. С. 294–309.
- Majko V. V., Ponomaryov L. YU. Saltovo-mayackij mogil'nik Konrat na Kerchenskom poluostrove (po rezul'tatam raskopok 2015 g.) // Istoriya i arheologiya Kryma. Vyp. VII. Simferopol', 2018. S. 294–309.

15. Майко В. В. Об одном типе светильников населения Таврики и Тамани салтово-маяцкого времени // Міхевські читання. Вип. 1. Харків, 2019. С. 30–35.

Majko V. V. Ob odnom tipe svetil'nikov naseleniya Tavriki i Tamani saltovo-mayackogo vremeni // Mihev's'ki chitannya. Vip. 1. Harkiv, 2019d. S. 30–35.

16. Майко В. В., Сьомин С. В. Аланський середньовічний посуд Криму VIII -першої половини Х ст. // Український керамологічний журнал. № 1. 2003. С. 49–54.

Majko V. V., S'omin S. V. Alans'kij seredn'ovichnij posud Krimu VIII -pershoi polovini H st. // Ukraïns'kij keramologichnij zhurnal. № 1. 2003. S. 49–54.

Naumenko V. E. Stolovaya posuda // Zin'ko V. N., Ponomarev L. Yu. Tiritaka. Raskop XXVI. Tom. I. Arheologicheskie komplekсы VIII–X vv. Simferopol'-Kerch', 2009. S. 60–63.

17. Петров П. А., Соколов П. М. Новый тип средневековых керамических масляных светильников из окрестностей Таматархи // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции. Карачаевск, 2018. С. 488–490.

Petrov P. A., Sokolov P. M. Novyj tip srednekovykh keramicheskikh maslyanykh svetil'nikov iz okrestnostej Tamatarhi // Kavkaz v sisteme kul'turnyh svyazej Evrazii v drevnosti i srednekov'e. НКНKH «Kрупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Karachaevsk, 2018. S. 488–490.

18. Плетнёва С. А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 5–7.

Pletnyova S. A. Srednekovaya keramika Tamanskogo gorodishcha // Keramika i steklo drevnej Tmutarakani. M., 1963. S. 5–7.

19. Плетнёва С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967. 198 с. (МИА. № 142).

Pletnyova S. A. Ot kochevij k gorodam. Saltovo-mayackaya kul'tura. M., 1967. 198 s. (MIA. № 142).

20. Плетнёва С. А. Восточноевропейские степи во второй половине VIII-X в. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 62–75.

Pletnyova S. A. Vostochnoevropskie stepi vo vtoroj polovine VIII-X v. Saltovo-mayackaya kul'tura // Step'i Evrazii v epohu srednekov'ya. M., 1981. S. 62–75.

21. Плетнёва С. А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М., 1989. 288 с.

Pletnyova S. A. Na slavyano-hazarskom pogranch'e (Dmitrievskij arheologicheskij kompleks). M., 1989. 288 s.

22. Плетнёва С. А. Древнерусский город в кочевой степи (опыт историко-стратиграфического исследования) // МАИЭТ. Supplementum 1. Симферополь, 2006. 248 с.

Pletnyova S. A. Drevnerusskij gorod v kochevoj stepi (opyt istoriko-stratigraficheskogo issledovaniya) // MAIET. Supplementum 1. Simferopol', 2006. 248 s.

23. Плетнёва С. А., Николаенко А. Г. Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. 1976. № 3. С. 279–298.

Pletnyova S. A., Nikolaenko A. G. Volokonovskij drevnebolgarskij mogil'nik // SA. 1976. № 3. S. 279–298.

24. Пономарёв Л. Ю. Лощеная керамика салтово-маяцких поселений на городище Тиритака и в окрестностях пос. Эльтиген // VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007. С. 240–245.

Ponomaryov L. Yu. Loshchenaya keramika saltovo-mayackikh poselenij na gorodishche Tiritaka i v okrestnostyakh pos. El'tigen // VIII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednekov'ya. Svyatilishcha i sakral'nye ob'ekty. Kerch', 2007. S. 240–245.

25. Пономарёв Л. Ю., Пономарёва И. А. Редкие формы салтово-маяцкой nelloщенной керамики из раннесредневековых поселений Керченского полуострова (предварительная информация) // Сугдейский сборник. Вып. IV. Киев – Судак, 2010. С. 453–464.

Ponomaryov L. YU., Ponomaryova I. A. Redkie formy saltovo-mayackoj neloshchenoj keramiki iz rannesrednekovykh poselenij Kerchenskogo poluostrova (predvaritel'naya informaciya) // Sugdejskij sbornik. Vyp. IV. Kiev – Sudak, 2010. S. 453–464.

**ЛОЩЕНАЯ КЕРАМИКА САЛТОВО-МАЯЦКИХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА.
АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ**

26. Савченко Е. И. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа (Материалы работ Северокавказской экспедиции). Вып. I / Отв. ред. И. С. Каменецкий. М.: Наука, 1986. С. 70–101.
- Savchenko E. I. Krymskij mogil'nik // Arheologicheskie otkrytiya na novostrojках. Drevnosti Severnogo Kavkaza (Materialy rabot Severokavkazskoj ekspedicii). Вып. I / Отв. ред. И. С. Каменецкий. М.: Наука, 1986. С. 70–101.
27. Сарапулкин В. А. Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры: Дисс. ... канд. ист. наук. Липецк, 2003. 203 с.
- Sarapulkin V. A. Keramika i keramicheskoe proizvodstvo lesostepnogo varianta saltovo-mayackoj kul'tury: Diss. ... kand. ist. nauk. Lipeck, 2003. 203 s.
28. Смиленко А. Т., Юренко С. П. Керамика // Славяне юго-восточной Европы в предгосударственный период. Глава V. Восточные славяне в VIII–IX вв. Киев, 1990. С. 279–290.
- Smilenko A. T., Yurenko S. P. Keramika // Slavyane yugo-vostochnoj Evropy v predgosudarstvennyj period. Glava V. Vostochnye slavyane v VIII–IX vv. Kiev, 1990. S. 279–290.
29. Сокольский Н. И. Кепы // Античный город. М., 1963. С. 97–114.
- Sokol'skij N. I. Kepy // Antichnyj gorod. M., 1963. S. 97–114.
30. Супренков А. А., Науменко В. Е., Пономарёв Л. Ю. Северо-восточный участок поселения VIII–X вв. Гора Чиркова 1: хозяйственные комплексы группы 3 (по итогам раскопок 2015 г.) // БИ. Вып. XXXVII. Керчь-Симферополь, 2018. С. 263–301.
- Suprenkov A. A., Naumenko V. E., Ponomaryov L. Yu. Severo-vostochnyj uchastok poseleniya VIII–X vv. Gora Chirkova 1: hozyajstvennye komplekсы группы 3 (po itogam raskopok 2015 g.) // BI. Вып. XXXVII. Kerch'-Simferopol', 2018. S. 263–301.
31. Супренков А. А., Науменко В. Е., Пономарёв Л. Ю. Поселение VIII–X вв. Гора Чиркова 1 на Таманском полуострове: хозяйственные комплексы группы 4 (по материалам раскопок 2015 г.) // История и археология Крыма. Т. X. Симферополь, 2019. С. 205–248.
- Suprenkov A. A., Naumenko V. E., Ponomaryov L. Yu. Poselenie VIII–X vv. Gora Chirkova 1 na Tamanskom poluostrove: hozyajstvennye komplekсы группы 4 (po materialam raskopok 2015 g.) // Istorija i arheologiya Kryma. T. X. Simferopol', 2019. S. 205–248.
32. Татаринов С. И., Копыл А. Г. Дроновские древнеболгарские могильники на р. Северский Донец // СА. 1981. № 1. С. 300–307.
- Tatarinov S. I., Kopyl A. G. Dronovskie drevnebolgarskie mogil'niki na r. Severskij Donec // SA. 1981. № 1. S. 300–307.
33. Татаринов С. И., Копыл А. Г., Шамрай А. В. Два праболгарских могильника на Северском Донце // СА. 1986. № 1. С. 209–221.
- Tatarinov S. I., Kopyl A. G., Shamraj A. V. Dva prabolgarskih mogil'nika na Severskom Donce // SA. 1986. № 1. S. 209–221.
34. Татаринов С. И., Федяев С. В. Новые раннеболгарские погребения из могильника Дроновка-3 (Лиманское озеро) на Северском Донце // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2 / Гл. ред. А. В. Евлевский. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001. С. 365–374.
- Tatarinov S. I., Fedyaev S. V. Novye rannebolgarskie pogrebeniya iz mogil'nika Dronovka-3 (Limanskoe ozero) na Severskom Donce // Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. T. 2 / Gl. red. A. V. Evglevskij. Doneck: Izd-vo DonNU, 2001. S. 365–374.
35. Флёров В. С. О клеймах салтово-маяцкой лощеной керамики // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 94–102.
- Flyorov V. S. O klejmah saltovo-mayackoj loshchenoj keramiki // Arheologiya i voprosy etnicheskoi istorii Severnogo Kavkaza. Groznyj, 1979. S. 94–102.
36. Флёров В. С. Распространение лощеной керамики на территории салтово-маяцкой культуры // Плиска-Преслав. Прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976. София, 1981. Т. 2. С. 170–181.
- Flyorov V. S. Rasprostranenie loshchenoj keramiki na territorii saltovo-mayackoj kul'tury // Pliska-Preslav. Prab'lgarskata kul'tura. Materiali ot b'lgaro-s'vetskata sreshcha, Shumen, 1976. Sofiya, 1981. T. 2. S. 170–181.
37. Флёров В. С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / Отв. ред. С. А. Плетнёва. М.: Наука, 1984. С. 142–199.

Flerov V. S. Mayackij mogil'nik // Mayackoe gorodishche. Trudy Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoj ekspedicii / Otv. red. S. A. Pletneva. M.: Nauka, 1984. S. 142–199.

38. Флёров В. С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987–1988, 1990 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. 1994. С. 441–516.

Flyorov V. S. Pravoberezhnoe Cimlyanskoe gorodishche v svete raskopok v 1987–1988, 1990 gg. // МАИЭТ. Вып. IV. 1994. С. 441–516.

39. Флёров В. С. О технологии изготовления салтово-маяцкой лощеной керамики // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14. Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2000. С. 111–119.

Flyorov V. S. O tekhnologii izgotovleniya saltovo-mayackoj loshchenoj keramiki // Arheologiya vostochnoevropeskoj lesostepi. Вып. 14. Evrazijskaya step' i lesostep' v epohu rannego srednevekov'ya. Voronezh, 2000. S. 111–119.

40. Флёров В. С. Лощеные миски, блюда, чаши, кубышки Хазарского каганата // БИ. Симферополь, 2001. Вып. 1. С. 159–184.

Flyorov V. S. Loshchenye miski, blyuda, chashi, kubyshki Hazarskogo kaganata // BI. Simferopol', 2001. Вып. 1. С. 159–184.

41. Чхаидзе В. Н. Средневековое сельское поселение на городище Кепы // ДБ. Т. М., 2006. С. 487–517.

Chkhaidze V. N. Srednevekovoe sel'skoe poselenie na gorodishche Kepy // DB. T. M., 2006. S. 487–517.

42. Чхаидзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: ТАУС, 2008. 328 с.

Chkhaidze V. N. Tamatarha. Rannesrednevekovyj gorod na Tamanskom poluostrove. M.: TAUS, 2008. 328 s.

43. Чхаидзе В. Н. Фанагория в VI–X веках. М., 2012. 590 с.

Chkhaidze V. N. Fanagoriya v VI–X vekah. M., 2012. 590 s.

44. Швецов М. Л. Могильник «Зливки» // Проблемы на прабългарската история и култура. Т. 2 / Отгов. ред. Р. Рашев. София: Аргес, 1991. С. 109–123.

SHvecov M. L. Mogil'nik «Zlivki» // Problemi na prab"lgarskata istoriya i kul'tura. T. 2 / Otvov. red. R. Rashev. Sofiya: Arges, 1991. S. 109–123.

45. Швецов М. Л., Санжаров С. Н., Прынъ А. В. Два новых сельских могильника в Подонцовье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время / Гл. Ред.. А. В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001. С. 333–346.

SHvecov M. L., Sanzharov S. N., Pryn' A. V. Dva novyh sel'skih mogil'nika v Podoncov'e // Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. T. 2. Hazarskoe vremya / Gl. Red.. A. V. Evglevskij. Doneck: Izd-vo DonNU, 2001. S. 333–346.

46. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. 164 с.

Yakobson A. L. Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoj Tavriki. L., 1979. 164 s.

Список сокращений:

БИ	- Боспорские исследования
ДБ	- Древности Боспора
ЗВОРАО	- Записки восточного отделения Российского археологического общества
МАИЭТ	- Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
СА	- Советская археология
ХА	- Хазарский альманах

Maiko V.V. Hollow ceramics of the Saltovo-Mayaki monuments of Crimea. Source base analysis

The article considers the cherished gray clay ceramics of the Saltovo-Mayaki monuments of Crimea. It dates from the period of existence of this archaeological culture of the peninsula within the middle of the VIII– the first half of the X centuries. This category of dishes has repeatedly become the subject of special

*ЛОЩЕНАЯ КЕРАМИКА САЛТОВО-МАЯЦКИХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА.
АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ*

studies, but has not been generalized in its entirety. Based on the predominance of this dish on the Saltovo monuments left by the Alans in Taurica, it is traditionally associated with this ethnos. In the ceramic complexes of the Saltovo monuments of the peninsula, this utensils is a small percentage. Its main morphological groups were distinguished, the chronology of the existence of which does not always coincide, and it was concluded that not all categories of this ceramics can be compared with Alans.

Keywords: Saletovo-Mayaki monuments of Taurika, hollow ceramics, typology, chronology, distribution territory.

DOI 10.37279/2413-1741-2020-6-3-61-68

УДК 904 (477.75)

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ КИТЕЯ

Молев Е. А.

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Российская Федерация.
E-mail: molev.eugeny@yandex.ru*

Оборонительная система боспорского города Китея исследовалась практически на протяжении всех полевых сезонов, начиная с 1972 и по 2012 г. Исследованные объекты были опубликованы, что позволило автору сделать вывод о роли Китея, как города-крепости. В полевых сезонах 2016–2017 гг. в центральной приморской части городища, на восточном участке раскопа I был открыт еще один небольшой участок крепостной стены и башни позднеантичного времени. Особенность его в том, что он возведен не на известных уже внешних границах города, а внутри его и защищает только небольшой приморский участок. Время строительства башни и стены определяется находкой под фундаментом северной стены башни (кладки 106) статера Радамсада 614 г. б.э. (317–318 гг. н.э.). Это первая линия укреплений городища, построенная в столь позднее время в Китее.

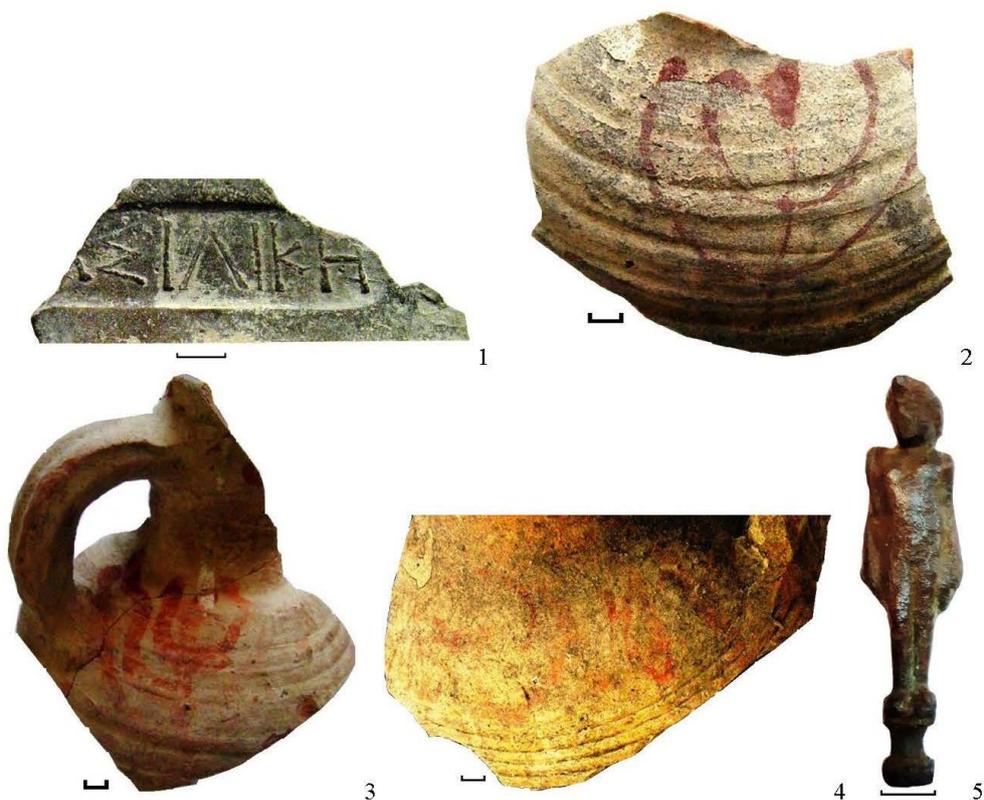
Ключевые слова: Боспор, Китей, стены, башни, укрепления, городище.

Оборонительная система боспорского города Китея исследовалась практически на протяжении всех полевых сезонов, начиная с 1972 и по 2012 г. Исследованные объекты были опубликованы [1, с. 297-312; 2, с. 193-199], что позволило нам сделать вывод о роли Китея, особенно в первые века н.э., как города-крепости. Однако, в полевых сезонах 2016–2017 гг. в центральной приморской части городища, на восточном участке раскопа I был открыт еще один небольшой участок крепостной стены и башни позднеантичного времени (Рис. 1-4). Особенность его в том, что он возведен не на известных уже внешних границах города, а внутри его и защищает только небольшой приморский участок, значительная часть которого, к тому же, на сегодня разрушена эрозией береговой черты городища. Время строительства башни и стены определяется находкой под фундаментом северной стены башни (кладки 106) статера Радамсада 614 г. б.э. (317–318 гг. н.э.; инв. № НВФарх.-17562¹). Это дает основание предполагать, что башня и стена были построены в самом начале IV в. н.э. В ходе строительства этой линии укреплений были частично сnivelированы более ранние слои городища, следствием чего стало появление в слое времени строительства стены и башни находок более раннего времени.

Основная стена (кладка 102) расположена по диагонали от северо-западного угла раскопа до юго-восточного. С севера к ней примыкают кладки 103, 106 башни «К» и очаг 104. Кладка сложена из двух панцирей более крупных камней и забутовки между ними средним и мелким бутом (Рис. 1, 3, 4). Толщина её сохранившейся части 1,5 м, длина – 13,3 м. Учитывая разрушение южного панциря,

¹ Все находки хранятся в Восточно-Крымском историко-культурном музее-заповеднике.

толщина стены могла быть и больше. Максимальная высота открытой части северного панциря – 1,72 м. Камни северного (внешнего) панциря слегка подтесаны с наружной стороны, а в западной и центральной ее части есть и несколько хорошо обработанных прямоугольных блоков. Южный панцирь, за исключением небольшого участка в квадрате 34, разрушен и стоит на трещине. Никаких следов пристроек к стене с южной стороны не выявлено.

В центральной части северного панциря стены 102 есть небольшой уступ внутрь, который, вероятно, был сделан специально для сооружения в этом месте очага 104 (Рис. 5). Во всяком случае, на плитах нижнего ряда здесь следы огня, что позволяет считать этот уступ южной стеной очага.

Башня «К» образована кладками 103, 105 и 106. Все кладки по типу наиболее близки трехслойным однорядным, постелистым, кладкам по классификации С. Д. Крыжицкого [3, с. 24. Рис. 5. Тип 14], датирующимися автором первыми веками н.э. Для строительства стены и башни прежние сооружения на этой территории были разобраны и на их месте вырыт котлован до уровня зеленовато-серой предматериковой глины, на которой и лежат фундаменты всех кладок башни.

Кладка 103, являющаяся восточной стеной башни «К», сильно разрушена, сохранились только камни ее основания. Сложена она была из двух рядов подтесанных с наружной стороны плит и забутовки между ними из бута и глинистого грунта (Рис. 3–4). Камни кладки очень разные по размерам и в средней ее части плохо подогнаны, что, возможно, связано с ее разрушением еще в древности. Средний размер камней кладки 0,5 х 0,3 х 0,2 м. Толщина её сохранившейся части 0,94–1 м, длина – 3,5 м. Высота открытой части – 0,6–0,9 м. Уровень основания от реперной точки – 25.64¹. Кладка 103, соединяется со стеной 102 впритык, что свидетельствует о том, что первоначально в этом районе была построена стена, а уже потом к ней была пристроена башня.

Кладка 105 – западная стена башни с дверным проемом между ней и кладкой 102 (Рис. 3–4) сложена из частично обработанных плит разных размеров в два ряда и забутовки между ними из мелкого камня и глинистого грунта. Наружная сторона камней кладки подтесана. Камни довольно плотно подогнаны друг к другу. Средние размеры камней 0,7 х 0,45 х 0,3 м. Толщина кладки 0,7 м, длина (с дверным проемом) – 3,3 м. Максимальная высота сохранившейся части – 1 м. В южной части кладки у стены 102 дверной проем. По-видимому, здесь могла находиться вылазочная калитка из башни. Размеры ее – 1,1 х 0,68 м. Высота сохранившейся части – 0,5 м. Уровень основания – 25.59.

Кладка 106, являющаяся северной стеной башни «К», открыта частично. Северная ее и восточная части уходят в борта квадрата, поэтому внешние размеры башни пока неопределимы. Кладки 103 и 105 пристроены к кладке 106 впритык. По открытой части видно, что она была сложена из двух рядов крупных и средних камней и забутовки между ними из бута и глинистого грунта (Рис. 3–4). Средний размер камней кладки 0,5 х 0,3 х 0,2 м. Толщина ее 1 м, длина во внутренней части башни 4,4 м. Высота сохранившейся части 1 м. Уровень основания – 25.60.

Судя по тому, что западная и восточная стены башни присоединяются к стене 102 впритык, первоначально в этом районе строилась стена, а потом к ней пристраивалась башня. Строительство новой линии укреплений внутри города, вероятнее всего, связано с вражескими нападениями, которым подвергся город во второй половине III в. н.э., о чем свидетельствуют следы разрушений и пожаров в западной части раскопа [4, с. 324; 5, с. 113]. В результате этих набегов часть территории города была заброшена и население сконцентрировалось в его приморской части.

В юго-восточном углу башни между кладками 102 и 103 находился очаг 104, сложенный из блоков обожженной глины (печины) (Рис. 5). Самый большой и единственный ее блок сохранившийся полностью примыкает к стене 103. Его размеры 82 х 70 х 15 см. Западнее и севернее сохранились только полуразвалившиеся остатки стен очага. Грунт в заполнении очага – золистый темно серый суглинок с включениями кусков печины. Уровень пода очага несколько выше уровня фундамента стены 102, но соответствует уровню основания восточной стены

¹ Все замеры даны по балтийской системе координат. Реперной отметкой является самая высокая точка на вершине зольного холма в центре городища (Рис. 1).

башни «К». Очаг, несомненно, предназначался для приготовления пищи и отопления башни в зимнее время.

Рядом с очагом и впритык к западному фасу стены 103 был найден алтарь (Инв. № КЛ-2736). Вероятнее всего, очаг был сооружен одновременно с башней. Что же касается алтаря, то он, судя по аналогиям [6, с. 146. Рис. 54/3; 7, с. 109. Рис. 55б], может датироваться и более ранним временем, а здесь оказался как строительный материал в кладке 103.

В юго-западном углу башни «К» открыт небольшой каменный ящик закрытый крышкой – округлой каменной плитой диаметром 42 см (Рис. 6, 7). Ящик сложен из тонких плоских плиток и известковой обмазкой. Толщина плит 1,2 см. Размеры ящика – 30 x 25 x 20 см. Грунт в заполнении ящика светло-серый, рыхлый с зеленоватым оттенком, с включениями мелких костей. По определению А. К. Каспарова это 6 костей овцы и одна кость рыбы. Вероятнее всего – это была закладная жертва при строительстве стены и башни.

Культурный слой, в котором лежат открытые укрепления, представляет собой светло-серый суглинок обильно насыщенный крупными, средними и мелкими камнями по всей площади раскопа. Уровень основания слоя в северо-западном углу квадрата 33 – 26.31. Находок в нем, в целом, немного. Основная их масса сконцентрирована по всем квадратам в основании слоя. В квадратах 34-35 в верхних двух штыках находок не было совсем.

Всего в слое найдено 3883 целых и фрагментированных вещей. Толстостенная керамика слоя составляет всего 4% общего числа находок и представлена венчиком, фрагментом донца и 85 стенками боспорских пифосов, 59 фрагментами позднебоспорских соленов и 1 южнопонтийского, фрагментом круглого и двумя

фрагментами коньковых калиптеров, двумя венчиками боспорских лутериев и тремя фрагментами венчиков синопских лутериев. Один фрагмент боспорского калиптера с клеймом ΒΑΣΙΛΙΚΗ (Табл. I, 1), датируемым А. В. Ковальчук 265 г. до н.э. [9, с. 20]

Амфорный материал представлен 3027 фрагментами и традиционно составляет самую большую группу находок (77,9%). Среди профильных фрагментов более трети (35%) принадлежит амфорам III–V вв. н.э. Среди стенок амфор почти треть составляют фрагменты профилированных стенок амфор типа Зеест 986, датируемых IV в. н.э. [8, с. 175]. Особенно заметно их преобладание на квадрате 37 в башне «К». На нескольких из них сохранились дипинти: в виде двойной буквы пси (Табл. I, 2); фрагмент горла с ручкой и дипинти из букв пи, пси и еще одной сильно стертой буквы (Табл. I, 3); дипинти на плечиках амфоры с неясным изображением (Табл. I, 4).

Керамическая посуда в находках слоя представлена 533 находками, что составляет 13,7% находок слоя. Преобладают фрагменты красноглиняной кружалной посуды (51,9%). Большинство находок датируются II–V вв. н.э. Отметим, что все немногочисленные фрагменты парадной (чернолаковой и краснолаковой) посуды найдены в последнем штыке слоя и только к югу от стены 102. При отсутствии их в северной части раскопа это, в определенной мере, дает некоторое основание говорить о том, что жилые помещения города в то время находились к югу от этой стены и ее оборонительные функции были ориентированы на север. Из хорошо датированных находок посуды отметим фрагмент венчика краснолаковой миски типа поздний римский С (Табл. I, 6). Аналогичные находки неоднократно встречались в Китее [10, Кат. № 83–91]. Они датируются V в. н.э. [11, р. 337]

Третьими по численности находок являются остеологические материалы – 110 (2,8%). Преобладают кости крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, собак и свиней. Среди изделий из кости представлены овечьи астрагалы (10), используемые в качестве игральные кости и изделия, определяемые Б. Г. Петерсом [12, с. 162], как рашпили (4). Аналогичные изделия неоднократно встречались на разных раскопах городища Китая. В настоящее время они признаются некоторыми исследователями наковальнями для правки и разбивки лезвий зубчатых или гофрированных серпов [13, с. 382–388]. Но мне представляется определение Б. Г. Петерса более верным. Все остальные находки костяных изделий единичны.

Среди остальных находок наиболее значимыми являются целые или хорошо сохранившиеся вещи. Они поддаются более точной датировке, что, в свою очередь, позволяет более точно выделить особенности этапов истории города. Уникальной для Китея находкой является бронзовая миниатюрная статуэтка в виде полуобнаженной женской фигурки (Табл. 1,5), возможно являющаяся ручкой ключа. Точный аналогий ей не найдено.

Из других находок выделяются фрагмент и два целых светильника. Фрагмент (рожок и часть рельефного щитка) закрытого красноглиняного светильника по сохранившимся остаткам рельефа имеет достаточно многочисленные аналогии в находках на Боспоре (Табл. I, 7). О. Вальдгауэр датирует такие светильники III–IV вв. н.э. [14, с. 324. № 309], М. Л. Бернхард – II в. н.э. [15, с. 234. № 5].

Второй светильник слоя – гончарный, серо-глиняный с рожком выделенным круговой рельефной полоской (Табл. I, 8), относится к группе А типу 4 гончарных светильников по нашей классификации [16, с. 211]. Такой тип светильников существовал до IV в. н.э. [17, с. 15]. Аналогичный светильник без ручки уже был найден в Китее в слое II–I вв. до н.э. и, что любопытно, также как и этот над линией крепостной стены [16, с. 234. № 5].

Третий светильник – лепной, ладьевидный с ручкой в виде прилепа (Табл. II, 9) относится к группе Б типу 6 нашей классификации [16, с. 226]. Такие светильники в Китее появляются уже в слое IV–III вв. до н.э., но преобладают в слое I–II вв. н.э.

Единственная и не совсем понятная находка – нижняя часть миниатюрного лепного изделия на трех ножках (в центре – сквозное отверстие) (Табл. I, 10). Возможно это фрагмент светильника, аналогичного из находок в Тиритаке [18, с. 156. Табл. XXIV, 7]. Его дата – III–IV вв. н.э.

Но самая интересная находка слоя, к тому же впервые найденная в Китее – это свинцовая блесна в виде рыбки (Табл. I, 11). Она использовалась для индивидуального лова рыбы на удочку и свидетельствует, наряду с другими находками [19, с. 123-142], о существовании такого вида рыболовства в Китее.

Нумизматический материал слоя представлен статером Радамсада (309–310 гг.) и двумя статерами Фофорса (295/6 и 302 гг. н.э.). Все они найдены в верхнем слое каменного завала на линии кладки 102 и маркируют собой последний период ее существования.

Прочие находки слоя фрагментарны и, за исключением ножек стеклянных рюмкообразных сосудов светло-зеленого стекла, многократно находимых в Китее и датированных IV–V вв. н.э. [20, с. 417. Табл. I,4], и плохо датируются.

Датированный материал дает, как мы видели, очень широкие хронологические рамки: от III в. до н.э. до VI в. н.э. Однако абсолютно преобладают материалы III–V вв. н.э. Подводя итог работам на восточном участке раскопа I отметим, что здесь впервые прослежены работы по укреплению города в последний период его существования (III–VI вв. н.э.), свидетельствующие о разорении значительной части города врагами и сосредоточении населения в центральной приморской части города.

Список использованных источников и литературы

1. Молев Е.А. Система обороны Китея // Боспорские исследования. Т. 2. Керчь, 2002. – С. 297–312.
- Molev E.A. Sistema obrony Kiteya // Bosporskie issledovaniya. T. 2. Kerch', 2002. – S. 297–312.
2. Молев Е.А. Особенности оборонительной системы боспорского города Китея (по материалам раскопок 1971–2012 гг.) // Крым и Северное Причерноморье в археологических исследованиях 1956–2013 гг. / The Crimea and the Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956–2013, Światowit, Supplement Series C: Pontica et Caucasia, vol. 1, M.Matera, R. Karasiewicz-Szczypiorski, eds, Warszawa, 2017. – P. 193–199.
- Molev E. A. Osobennosti oboronitel'noj sistemy bosporskogo goroda Kiteya (po materialam raskopok 1971–2012 gg.) // Krym i Severnoe Prichernomor'e v arheologicheskikh issledovaniyah 1956–2013 gg. / The Crimea and the Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956–2013, Światowit, Supplement Series C: Pontica et Caucasia, vol. 1, M.Matera, R. Karasiewicz-Szczypiorski, eds, Warszawa, 2017. – P. 193–199.
3. Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев: Наукова Думка, 1982. – 168 с.
- Kryzhickij S. D. Zhilye doma antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya. Kiev: Naukova Dumka, 1982. – 168 s.
4. Молев Е. А. Новая башня в системе укреплений Китея // XIII Боспорские чтения. Керчь, 2012. – С. 324–327.
- Molev E. A. Novaya bashnya v sisteme ukrepleniy Kiteya // XIII Bosporskiye chteniya. Kerch. 2012. – S. 324–327.
5. Молев Е. А., Марков К. В., Матукина А. Н. Юго-западный участок обороны Китея // Культурный слой. Вып. 1. Н. Новгород, 2012. – С. 110–116.
- Molev E. A. Markov K.V. Matukina A. N. Yugo-zapadnyy uchastok obrony Kiteya // Kulturnyy sloj. Vyp. 1. N. Novgorod. 2012. – S. 110–116.
6. Винокуров Н. И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М., 1998. – 152 с.
- Vinokurov N. I. Arkheologicheskiye pamyatniki urochishcha Artezian v Krymskom Priazovye. M., 1998. – 152 s.
7. Масленников А. А. Сельские святилища Европейского Боспора. М.; Тула: изд. Гриф и К., 2007. – 562 с.
- Maslennikov A. A. Selskiye svyatilishcha Evropeyskogo Bospora. M.; Tula: izd. Grif i K.. 2007. – 562 s.
8. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. № 83. 1961. – 180 с.
- Zeyest I.B. Keramicheskaya tara Bospora // MIA. № 83. 1961. – 180 s.
9. Ковальчук А. В. Керамические строительные материалы Боспора в эпоху эллинизма (типология и хронология боспорских черепичных клейм) // Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.
- Kovalchuk A. V. Keramicheskiye stroitelnyye materialy Bospora v epokhu ellinizma (tipologiya i khronologiya bosporskikh cherepichnykh kleym) // Dis. ... kand. ist. nauk. M.. 2007.
10. Молев Е. А., Молева Н. В. Боспорский город Китей. Ч. II. Керчь, 2016. – 452 с.
- Molev E. A., Moleva N. V. Bosporskiy gorod Kitey. Ch. II. Kerch, 2016. – 452 s.
11. Hayes J. W. Late Roman pottery. L., 1972. – 500 p.
12. Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1986. – 142 с.
- Peters B. G. Kostoreznoye delo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomorya. M.: Nauka. 1986. – 142 s.
13. Антипина Е. Е. По следам костяных «рашпилей» из античных памятников Северного Причерноморья // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Ростов-на-Дону, 2013. – С. 382–388.
- Antipina E. E. Po sledam kostyanykh «rashpiley» iz antichnykh pamyatnikov Severnogo Prichernomorya // Prichernomorye v antichnoye i rannesrednevekovoye vremya. Rostov-na-Donu. 2013. – S. 382–388.
14. Waldhauer O. Die Antiken Tonlampen. St.-Petersburg, 1914.

15. Bernhard M. L. Lampki starozytne. Warszawa: Sztuka, 1955.
16. Молев Е. А. Боспорский город Китей. Симферополь; Керчь, 2010. – 316 с.
Molev E. A. Bosporskiy gorod Kitey. Simferopol; Kerch. 2010. – 316 с.
17. Арсеньева Т. М. Светильники Танаиса. М.: Наука, 1988. – 142 с.
Arsenyeva T. M. Svetilniki Tanaisa. M.: Nauka, 1988. – 142 s.
18. Кастанаян Е. Г. Лепная керамика Боспора. Л.: Наука, 1981. – 177 с.
Kastanayan E. G. Lepnaya keramika Bospora. L.: Nauka. 1981. – 177 s.
19. Молев Е. А. О рыболовстве в Китее // Боспорские исследования. Т. XXV. Симферополь; Керчь, 2011. – С. 123–142.
Molev E. A. O rybolovstve v Kiteye // Bosporskiye issledovaniya. T. XXV. Simferopol; Kerch, 2011. – S. 123-142
20. Молев Е.А. Фрагменты стеклянных сосудов из раскопок Китея // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2004. Т. V. – С. 405-421.
Molev E.A. Fragmenty steklyannykh sosudov iz raskopok Kiteya // Bosporskiye issledovaniya. Simferopol; Kerch, 2004. T. V. – S. 405-421.

Molev E. A. Late antique fortifications of Kyta.

The defensive system of the Bosporan city of Kyta was studied practically throughout all field seasons, from 1972 to 2012. The investigated objects were published, which allowed the author to draw a conclusion about the role of Kyta as a fortified city. In the field seasons 2016–2017. in the central coastal part of the settlement, in the eastern section of excavation I, another small section of the fortress wall and tower of the late antique period was discovered. Its peculiarity is that it was erected not on the already known external borders of the city, but inside it and protects only a small seaside area. The time of the construction of the tower and the wall is determined by the find under the foundation of the northern wall of the tower (masonry 106) of the stater Radamsad 614 g. b.e. (317–318 AD). This is the first line of fortifications built at such a late time in Kyta.

Keywords: Bosphorus, Kyta, walls, towers, fortifications, ancient settlement.

DOI 10.37279/2413-1741-2020-6-3-69-91

УДК 910.4(091):929ДЕБАЙ

ПИСЬМА И ТРУДЫ БАРОНА ДЕ БАЯ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»

(из коллекции архива и научной библиотеки)

Прохорова Т. А.¹, Беднарчик Г. И.², Лоргина Т. В.³

^{1,3} *Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический», г. Севастополь, Российская Федерация.
E-mail: grejprut@mail.ru; lorgina.t@gmail.com*

² *Колледж «Черниховски», Нетания, Израиль.
E-mail: gadbed@yahoo.fr*

В 1894 году на раскопках и в музее в Херсонесе впервые побывал французский ученый Жозеф де Бай (1853–1931) – археолог, этнограф, историк, путешественник и коллекционер. В 1894 и 1905 гг. барон де Бай побывал в Крыму и посетил музей в Херсонесе. Память об этом осталась на страницах «Книг для посетителей Херсонесского музея», хранящихся в архиве музея-заповедника. Барон был лично знаком с первым заведующим раскопками и музеем в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжиничем, состоял с ним в переписке и неоднократно передавал в дар для музейной библиотеки свои сочинения. Научная библиотека Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» обладает весьма представительным собранием его трудов, отличающимся уникальным составом, историей поступления, наличием дарственных надписей и других владельческих знаков. Барон де Бай популяризировал среди своих коллег во Франции исторические и археологические древности юга России, Херсонеса в частности, и немало сделал для установления прочных научных и культурных связей Франции с Россией, в том числе на поприще археологии.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, путешествие, Крым, барон Жозеф де Бай, К. К. Косцюшко-Валюжинич, музей, «Склад местных древностей», научная библиотека.

В 1894 и 1905 гг. французский ученый Жозеф барон де Бай (1853–1931) побывал в Крыму и посетил музей в Херсонесе. Археолог, этнограф и историк, он немало сделал для установления прочных научных и культурных связей Франции с Россией, в том числе на поприще археологии, значительную часть жизни посвятил путешествиям. Россию, в которой ему приходилось подолгу жить и работать, барон де Бай объехал практически целиком, был вхож в круги известных ученых, художников, общественных и государственных деятелей, пользовался большим уважением [18, с. 84].

Жозеф де Бай – фигура яркая и неординарная, представитель старинного аристократического рода, уроженец французской провинции Шампань, образец исследователя-путешественника конца XIX – начала XX в., коллекционер и популяризатор. Он начал знакомиться с Россией в 1890 г., куда приезжал в течение ряда лет и совершил несколько крупных археологических и этнографических экспедиций. Последнее десятилетие XIX – начало XX в. отмечено новым этапом в развитии отечественной науки: российскими учеными был накоплен и продолжал

увеличиваться обширный материал по культуре различных народов, появлялись подробные описательные работы, повысился профессионализм этнографов и археологов. Исследовательский интерес заставлял ученых проникать в отдаленные горные и пустынные районы, добираться до заброшенных сел и деревень, стремиться в самые глухие и дальние уголки, неведомые ученому миру. Россия с ее едва обозримыми границами, бескрайними просторами, множеством народов, богатством истории и культуры, создавала благоприятную почву для развития научной мысли. Именно в России барон де Бай смог утолить свою жажду изысканий. Этим объясняется широчайшая география его исследований – Сибирь, Урал, Поволжье, Кавказ, Крым, Прибалтика, Украина, центральные районы России. Благодаря своим путешествиям барон де Бай – археолог и исследователь не по профессии, а по призванию, – сегодня является героем ряда научных работ [Избранную библиографию о нем см.: 7, с. 417; см. также: 5; 6]. Весьма представительная библиография трудов о нем сложилась и у зарубежных исследователей, среди которых выделяются общие и специальные работы Анны Чейшвили, Жан-Жака Чапри и ряда других [27–33].

Но не только деятельная и харизматичная натура барона подогревает к себе интерес со стороны исследователей, но и, пожалуй (и даже в первую очередь), огромное наследие ученого, включающее археологические труды, путевые заметки, переписку, дневники, богатейший фотоархив, коллекции археологических, этнографических и документальных памятников, которое до сих пор остается не только неизученным, но даже неизвестным. Исследователи предпринимали ряд попыток ввести в научный оборот архивные материалы, хранящиеся в различных собраниях, в том числе в зарубежных частных коллекциях, однако фундаментального и комплексного труда, к сожалению, не написано до сих пор [7–9; 11; 12].

Кроме всего, за пределами внимания исследователей оставался такой важный и любопытный вопрос как пребывание барона де Бая в Крыму – поездки, контакты и его исследовательская деятельность. А ведь крымский опыт путешествий барона представляет собой важную часть его общих исследований – здесь он не только накопил богатый материал, на основе которого им написано несколько значимых работ, но и существенно продвинулся в изучении волновавшей его на тот период так называемой готской проблемы. С целью исправить существующий пробел в историографии в 2017–2018 гг. в трех выпусках «Ученых записок Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки» была опубликована статья в трех частях под названием «Крым в описании и на фотографиях французского путешественника Жозефа де Бая (1905 г.)» [18–20]. Автор работы – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Элеонора Борисовна Петрова – впервые опубликовала перевод сочинения Иосифа Августовича де Бая, как его называли в России, «В Крыму» («En Crimée»). Книга, вышедшая в Париже в 1906 г. [26], ранее не переводилась на русский язык и введена автором статьи в научный оборот в полном объеме (в переводе Г. И. Беднарчика), включая уникальные фотографии, сделанные в ходе путешествия по Крыму.

Знакомясь с этим ценным источником, читатель попадает в Крым начала XX века и погружается в удивительную атмосферу, которая царила тогда на полуострове. Симферополь, Бахчисарай, Евпатория, Феодосия, Старый Крым, Судак, Новый Свет, Инкерман, Балаклава, развалины древнего Херсонеса, Севастополь, Ялта, Алушка, Никита, Гурзуф, Алушта проходят перед глазами исследователя, который с профессиональным интересом изучал нравы и быт населявших полуостров народов. Путешествие барона по Крыму – прекрасный источник, перевод которого написан не менее прекрасным литературно-академическим языком. Знакомство с данной работой во многом послужило источником вдохновения для подготовки публикуемого исследования.

Дополнительным толчком для написания настоящей статьи стало то, что в книжном собрании Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» сформировался комплекс сочинений барона де Бая, представленный книгами, отпечатками статей и брошюрами – как отдельными изданиями, так и в виде аллигатов в составе конвюлютов, – и составляющий часть обширного научного наследия французского археолога, путешественника и этнографа. Богатейшая книжная коллекция этого автора рассыпана по музейным и библиотечным хранилищам, представлена в частных собраниях. Одним из примеров может служить коллекция его сочинений в Государственной публичной исторической библиотеке – более ста наименований трудов де Бая, представленных несколькими экземплярами из частных дореволюционных собраний, музейных библиотек, исторических обществ [7]. Научная библиотека Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» обладает более скромным по размерам и разнообразию собранием его трудов, но, бесспорно, отличающимся своим собственным уникальным составом, историей поступления, наличием дарственных надписей и других владельческих знаков.

Но все же главной и основной целью данного исследования служит публикация писем барона де Бая, адресованных заведующему раскопками и создателю музея в Херсонесе Карлу Казимировичу Косцюшко-Валюжиничу (1847–1907). Письма сохранились в архиве Государственного музея-заповедника «Херсонеса Таврический» в личном фонде К. К. Косцюшко-Валюжинича и доступны исследователям. В распоряжении архивистов оказались три письма, написанные в 1894–1895 гг. и свидетельствующие о том, что барон состоял со своим корреспондентом в теплых приятельских отношениях. Первое письмо было отправлено им из Киева 18 сентября 1894 г. [15]. Из содержания письма следует, что Жозеф де Бай к концу сентября 1894 г. завершал свое путешествие по России и направлялся домой, в Париж. Там его ожидало осмысление увиденного, обработка накопленного материала, кабинетная работа, светские приемы и, безусловно, подготовка к новым экспедициям. Поездка в Крым, без сомнения, запомнилась ему и посещением Херсонеса.

Археологический музей в Херсонесе имел официальное название «Склад местных древностей из раскопок Императорской Археологической Комиссии с 19 мая 1888 года» и действовал с 1892 г., когда К. К. Косцюшко-Валюжинич в построенном им небольшом сарае у Карантинной бухты разместил все имевшиеся в

его распоряжении находки из раскопок 1888 и 1889 гг. [21]. В 1894 г. экспозиция была значительно расширена за счет предметов «греческого автономного периода истории Херсонеса», «периода подчинения Херсонеса римским императорам» и «периода подчинения Херсонеса византийским императорам», найденных им при производстве археологических работ [10]. Уже тогда в музее были представлены многие значимые памятники, которые и сегодня украшают экспозиции античного и византийского отделов: мраморная стела с присягой граждан Херсонеса; постамент статуи жреца Биона, сына Симия, – подношение богине Деве, IV в. до н. э.; постамент статуи Афины Сотейры, установленной сыном Героида, IV в. до н. э.; коллекция клейм на амфорных ручках (с именами херсонесских астиномов, изображениями и греческими надписями), III в. до н. э.; фрагменты архитектурных деталей; гипсовые, глиняные и восковые фигуры, отлитые по древним формам, найденным в 1888 г. в мастерской коропласта (формы с изображениями Диониса, Аполлона, Афины Паллады и Афродиты и некоторые другие в количестве 26 единиц были высланы 13 сентября 1888 г. в Императорскую Археологическую Комиссию); эпиграфические памятники, фрагменты мраморной скульптуры, гончарные трубы от городского водопровода и многое другое [4, с. 143–146]. Именно таким музеем увидел барон де Бай 14 (26) сентября 1894 г.

Карлу Казимировичу хорошо было известно имя барона де Бая, который прославился благодаря своей феноменальной находке – в 1870 г. им было обнаружено около ста гротов неолитической эпохи в долине Пети-Морен во Франции. Имя молодого ученого, который не имел специального образования, быстро облетело научные круги Европы, США и Англии, куда он неоднократно приезжал по приглашению различных научных сообществ, а вскоре стал частым гостем и в России. Помимо экспедиционных поездок барон де Бай приезжал и на проходившие в России археологические съезды, в которых он исправно участвовал с 1890 г., где обзавелся полезными знакомствами среди российских ученых. Косцюшко-Валюжинич в значительной степени интересовался успехами французского коллеги, а после личного знакомства с бароном стал собирать труды де Бая для своей личной и музейной библиотеки.

Теплый прием, оказанный путешественнику Косцюшко-Валюжиничем, богатство и разнообразие памятников, увиденных им в музее, не оставили французского ученого равнодушным. Главным образом запомнились де Баю предметы, относящиеся к истории готы, которая волновала его больше остальных, а вместе с тем и связанные с ней так называемые готские древности. О своих впечатлениях и размышлениях по этому поводу он написал в «Книге для посетителей Херсонесского музея»: «Крым вообще и замечательные находки на территории Херсонеса, в частности, предоставляют нам обширный материал периода первого века нашей эры для его археологического изучения. Я имею в виду украшения варварских народов, формы и техника изготовления которых типичны. Именно на юге России следует искать место зарождения производства этих ювелирных изделий. Именно здесь возникло искусство, названное позже меровингским, элементы которого были заимствованы на Востоке, а затем распространились до самых западных областей Европы.

В Крыму это искусство пришло на место древнегреческого и предшествовало византийскому; период его появления совпал по времени с готским владычеством на полуострове. Готы унесли его с собой в Дакию. А уже затем, контактирующие с готами, все остальные народы переняли их стиль производства ювелирных украшений. Барон де Бай»¹ [14].

Эта тема настолько сильно захватила барона де Бая, что по возвращении во Францию в своем письме он адресовал Карлу Казимировичу просьбу поделиться фотографиями или рисунками предметов, имевших отношение к истории пребывания готов в Крыму. Вероятно, вокруг этого строились и разговоры обоих ученых при встрече. О чем еще могли говорить? Говорили, наверняка, о любви к археологии, о достижениях и планах. А уже на следующий день, 15 сентября 1894 г., барон де Бай вернулся в музей вновь, чтобы подарить директору музея свое сочинение «*Le cimetièrè wisigothique d'Herpes*» (табл. 1, № 20), на титульном листе которого красовалась дарственная надпись: «Ученому и любезному исследователю руин Херсонеса. На память о визите, о котором нижеподписавшийся сохранит наилучшие воспоминания. Барон де Бай»². Некоторое время спустя, 4 ноября 1894 г., Косцюшко-Валюжинич отдал подаренный оттиск в переплетную мастерскую Я. П. Зелигмана, а вместе с ним – еще шесть трудов де Бая, которые теперь в виде оформленных брошюр пополнили библиотеку при Херсонесском музее – «Складе местных древностей» (табл. 1, № 13, 15 *b*, 16, 19 *a*, 21, 24) [24]. Возвращаясь к письму де Бая, которое заканчивается обещанием барона по возвращении в Париж выслать Карлу Казимировичу несколько брошюр, которых нет в библиотеке Косцюшко-Валюжинича, закономерным видится предположение, что именно эти брошюры (оформленные директором музея в твердый переплет в мастерской Я. П. Зелигмана) и были присланы ему по почте от автора. Все эти сочинения хранятся в научной библиотеке Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический». Два из них – «*L'influence de l'art des Goths en Occident: communication faite au Congrès historique et archéologique de Liège (Aout 1890)*» и «*Les bronzes émaillés de Mostchina Gouvernement de Kalouga (Russie)*» (табл. 1, № 15 *b*, 16) позднее были объединены в конволют «Труды барона де Бая». Когда это произошло – установить сложно, однако совершенно очевидно, что произойти это могло не ранее 1894 г., когда Карл Казимирович занялся оформлением музейной библиотеки. Этот конволют состоит из четырех аллигатов. Помимо двух вышеназванных сочинений в него вошли также труды «*Le trésor de Szilagy-Somlyo (Transylvanie)*» и «*Une châsse de la cathédrale d'Astorga, province de Léon (Espagne): communication faite au IX-e Congrès russe d'archéologie, Tenu a Vilna (1893)*» (табл. 1, № 18, 23).

В продолжение готской темы отметим еще один конволют под названием «Древности готские», в котором в качестве аллигатов представлено семь сочинений барона де Бая (табл. 1, № 3, 4, 6, 7, 10, 12, 19 *b*). История формирования этого

¹ Перевод Г. И. Беднарчика.

² Выражаем благодарность А. С. Намойлик за помощь в прочтении и переводе дарственной надписей на книгах барона де Бая из научной библиотеки Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический».

конволюта и путь его попадания в научную библиотеку Херсонесского музея представляют широкое поле для исследований и послужат, бесспорно, темой будущих публикаций. Сейчас же отметим, что названный конволют был частью личной библиотеки известного русского историка византийского и древнерусского искусства, археолога Никодима Павловича Кондакова (1844–1925), о чем свидетельствуют владельческие штампы на отдельных аллигатах и экслибрис Н. П. Кондакова на форзаце. На одном из аллигатов – титульном листе сочинения «La nécropole d'Habblingbö (Gotland)» (табл. 1, № 12) – дарственная надпись: «Господину Кондакову с почтением от автора. Барон де Бай». На четырех аллигатах имеется владельческий штамп Н. П. Кондакова (табл. 1, № 6, 7, 10, 12).

Неясное происхождение для научной библиотеки Херсонесского музея имеют еще два конволюта трудов барона де Бая под названием «Археологические заметки». На корешке обоих переплетов золотым тиснением нанесены буквы «И. Г. И. Н. Ъ» – аббревиатура Института гражданских инженеров Императора Николая I. На форзаце помещен экслибрис библиотеки Института, проставлены библиотечные штампы.

Первый конволют – это собрание из шести сочинений барона де Бая, написанных в промежутке между 1883 и 1895 гг. (табл 1, № 1, 5, 8, 9, 15 а, 27). Здесь, как и в других конволютах, аллигаты собраны не в хронологическом, а в произвольном порядке и представляют собой отписки из журналов и газет. Этот конволют является ярким примером того, насколько широки и многогранны были интересы барона де Бая: это и исторические исследования, и археологические заметки, и даже биографические штудии (одно сочинение посвящено творчеству великого русского художника Виктора Васнецова, а во втором автор провел настоящее генеалогическое расследование и представил историю баронетства и рода де Бай). Второй конволют в собрании музея из бывшей библиотеки Института гражданских инженеров Императора Николая I объединил под одной обложкой семь сочинений барона, охватывающих по времени написания еще больший временной промежуток – с 1886 по 1899 г. (табл. 1, № 2, 22, 26 а, 28, 29, 30, 31). Вошедшие в него труды также отличаются широтой и разнообразием тем. Можно предположить, что обе книги поступили в музей от одного источника одновременно, что не могло быть ранее 1899 г. – именно этим годом датируется последнее сочинение, вошедшее в состав второго конволюта. История перемещения этих книг – очередная загадка для исследователей, которую предстоит разгадать.

Наш обзор был бы неполным без упоминания еще об одном небольшом конволюте, состоящем из трех аллигатов (табл. 1, № 11, 14, 17). Сочинение «Cimetière de Bergères-les-Vertus (Marne)» в составе этого конволюта имеет на титульном листе дарственную надпись следующего содержания: «Господину Косцюшко с почтением от автора. Барон де Бай». Но еще более замечательной является дарственная надпись на аллигате «Archéologie gauloise, cimetière de Vert-la-Gravelle (Marne)» (табл. 1, №14), выполненная на русском языке (приводим ее с сохранением орфографии автора): «До звиданя. Барон де Бай»¹. Следует полагать, что эти книги попали в коллекцию Косцюшко-Валюжинича примерно в это же

¹ Так в тексте.

время. Более того, дарственная надпись на последнем аллигате буквально могла означать «До скорой встречи» или «Скоро увидимся» и, соответственно, выражала надежду на скорое свидание в Херсонесе. Барон де Бай мечтал вернуться в Крым и не исключал возможность очередной поездки на юг России.

Подогреваемый интересом к крымским древностям, барон де Бай продолжал строить планы о дальнейших исследованиях, в ожидании которых он обращался к своему новому знакомому и коллеге Карлу Казимировичу с просьбой помочь в собирании нужного ему материала. Об этом мы узнаем из второго письма, написанного им Косцюшко-Валюжиничу 10 мая 1895 г. из Парижа [16]. Однако в том году Жозефу де Баю не удалось вернуться в Крым, ведь впереди у него была грандиозная поездка на Урал, которая состоялась летом 1895 г. Вместо этого очарованный прошлогодним приемом, который был ему оказан в Херсонесе, французский исследователь поделился впечатлениями, оставшимися у него от поездки, в среде своих коллег из Общества антикваров Франции, что возымело определенный эффект. Европейские ученые, с интересом следившие за успехами русской научной мысли, с удовольствием узнавали о ходе археологических работ на юге России. Поэтому вскоре часть из них засобиравлась в дальнюю поездку, дабы лично познакомиться с музеем и раскопками в Херсонесе.

В своем письме от 10 мая 1895 г. Жозеф де Бай отрекомендовал Косцюшко-Валюжиничу своего друга Александра Бутру (1846–1899) – путешественника, искусствоведа и историка искусства, который на протяжении ряда лет выступал поверенным в миссиях Министерства изящных искусств Франции, был корреспондентом газеты «Время» («Temps») и «Газеты политических и литературных дебатов» («Journal des Débats Politiques et Littéraires»), членом-корреспондентом Общества антикваров Франции. Несколько раз А. Бутру приезжал в Россию с целью создания там отделений организации «Alliance française» для всех желающих изучать французский язык и французскую культуру. Во время своего визита в Крым он привез переданную в дар К. К. Косцюшко-Валюжиничу очередную брошюру де Бая. Есть основания полагать, что этой брошюрой было сочинение «Antiquités Franques trouvées en Bohême». На титульном листе – дарственная надпись: «Господину Косцюшко, [директору музея и раскопок] в Херсонесе в дар от автора. Барон де Бай». Согласно сохранившимся финансовым документам, брошюра была переплетена в типографии и мастерской Д. О. Харченко в 1896 г., но переплетена столь неаккуратно и неудачно, что надпись была существенно повреждена. Титульный лист этого труда нерадивый переплетчик решил наклеить на обложку, отчего часть надписи была заломлена и сегодня читается с трудом (табл. 1, № 25). Брошюра попала в руки Карлу Казимировичу с визитом французского гостя, который посетил музей 30 сентября (12 октября) 1895 г. Память об этом визите хранит «Книга для посетителей Херсонесского музея» за 1895 г. [13]. По итогам своего путешествия Александр Бутру написал в 1897 г. статью, которую назвал «En Crimée» и посвятил описанию Крыма (к слову, под таким же названием вышло сочинение Жозефа де Бая по итогам его поездки в Крым в 1905 г.). В 1896–1897 гг. библиотека при Херсонесском музее пополнилась двумя трудами А. Бутру. Согласно счетам из типографии Д. О. Харченко за 1896 г.,

Карл Казимирович заказал переплет двух брошюр – «De l'influence Italienne sur Quelques icônes russes» и «L'Algérie et la Tunisie à travers les âges. Deux conférences faites dans la salle de la Société de Géographie de Paris les 2 et 27 décembre 1892», принадлежащих перу этого автора [22; 25].

Интересно, что помимо А. Бутру двумя неделями ранее музей и раскопки в Херсонесе посетили двое других членов Общества антикваров Франции – об этом свидетельствуют автографы, оставленные французскими учеными в «Книге для посетителей Херсонесского музея» [1]. Судя по сохранившимся подписям, в музее 14(26) сентября 1895 г. побывали маркиз Александр де Люр-Салюс и Леон-Густав Шлюмберже (1844–1929). Последний – известный французский историк, археолог, крупный специалист в области нумизматики и византийской сигиллографии, заслуживший всеобщее признание благодаря своим работам по истории Византии. В «Книге для посетителей Херсонесского музея» сохранился его хоть и небольшой, но искренний отзыв: «Очень заинтересовался византийскими развалинами Херсона и многочисленными памятниками, так [...] обнаруженными господином Косцюшко. Я восхищен всем тем, что увидел и о существовании чего даже не подозревал»¹ [1]. Этот отзыв отражает реальную картину, которая существовала в исторической науке. Действительно, Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич только начинал открывать древний Херсонес, впереди у него еще были грандиозные открытия, но о «Русской Трое» уже заговорили не только в России, но и за рубежом. Налаживание связей с иностранными коллегами укрепляло авторитет отечественных ученых и российской науки вообще.

Уже через год в научной библиотеке при Херсонесском музее появилось пять сочинений Г. Шлюмберже – коллеги и нового знакомого К. К. Косцюшко-Валюжинича. Согласно счету из мастерской Д. О. Харченко за 1896 г., это были следующие работы французского ученого: «Un Tableau reliquaire byzantin inédit du X-e siècle», «Sceaux et bulles des empereurs latins de Constantinople», «Les nouvelles acquisitions du Louvre», «Poids de verre étalons monétiformes d'origine byzantine», «Quelques monuments byzantins inédits (amulettes, méreaux, etc.)» [22]. В архиве музея-заповедника сохранилось также письмо французского византолога и статья в газете, написанная по итогам научной поездки Г. Шлюмберже в Крым и Херсонес.

О визите французских ученых стало известно и барону де Баю. Это он отметил в своем третьем письме, адресованном Карлу Казимировичу, по всей видимости, не ранее октября 1895 г., когда и А. Бутру и другие его коллеги уже вернулись в Париж. О своих впечатлениях от поездки они могли говорить на совместных заседаниях Общества антикваров Франции, рассказывать о переживаниях от увиденного, делиться мнениями. Все это подтверждают слова барона де Баю: «Это – одновременно увлекательная и очень важная задача – знакомить французов с Вашей страной, показывая ее несметные археологические богатства, и подчеркивать вклад русских ученых в мировую науку» [17]. Таким образом, благодаря барону де Баю у Карла Казимировича появилось несколько новых знакомых среди зарубежных историков, значительно расширился круг профессиональных связей, что, без

¹ Перевод Г. И. Беднарчика.

сомнения, было весьма полезно Косцюшко-Валюжиничу как практикующему археологу и специалисту.

В 1896 и 1897 гг. барон де Бай в очередной раз отправился на Урал [8], в 1897 г. состоялась его миссия в Пензенскую губернию [3], а с осени 1897 г. он был в Грузии, куда приезжал на протяжении шести лет. И все же в череде поездок, экспедиций, встреч барон де Бай не забывал о Крыме. На полуостров он приехал в 1905 г. и посвятил два месяца путешествию по различным его уголкам. Подробности этого вояжа хорошо известны благодаря уже знакомой нам книге барона «En Crimée» [26]. 8 (21) сентября 1905 г. французский ученый приехал в Херсонес, где его встретил уже немолодой, но все так же горячо любящий археологию и свое дело Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич.

До неузнаваемости изменился Херсонес: существенно расширена площадь раскопок, раскопками обнажены стены отдельных зданий и целые кварталы, быстрыми темпами шло изучение древнего некрополя, открыты новые памятники – церкви, часовни, общественные здания, оборонительные стены. Изменился и музей древностей в Херсонесе, во дворе которого выросла экспозиция крупных предметов, античная и византийская экспозиции условно выделены в отдельное музейное пространство, за счет пристроек расширены фонды музея. В «Книге для посетителей Херсонесского музея» Жозеф де Бай оставил свой автограф. Под ним подписался Лев Устинович Ильин, который сопровождал барона во время его путешествия [2]. Тогда же им, вероятно, была подписана брошюра «Note sur des bijoux barbares en forme de mouches» (прил. 2, № 26 b). Дело в том, что дарственная надпись помещена на форзаце, следовательно, автор имел возможность подписать ее уже после того, как был выполнен переплет. Согласно счету от 14 мая 1898 г., брошюра была переплетена в писчебумажном магазине и типолитографии Д. О. Харченко, и только через несколько лет автор смог оставить дарственную надпись на форзаце: «Господину Косцюшко, руководителю археологических раскопок Херсонеса в Севастополе. На добрую память». Случилось это, по всей видимости, в 1905 г. во время очередного путешествия барона в Крым.

Смеем предположить, что во время этого визита барон де Бай порадовал директора музея еще одним подарком – своим новым сочинением «En Lithuanie», вышедшим в 1905 г. Дарственная надпись на титуле гласит: «Господину Косцюшко в Херсонесе в дар от автора». Примечательно, что свой автограф к подписи барон де Бай оставил на русском языке – «Барон де Бай». Брошюра была переплетена в мастерской при магазине Торгового дома Т. А. Робаков в Севастополе, о чем свидетельствует счет от 5 июля 1906 г. [23].

Дальнейшая жизнь барона де Бая была мало связана с археологией, но все так же была связана с Россией, которая стала для него вторым домом и в 1914–1920 гг. – временным пристанищем. Немаловажно, что Крым и древний Херсонес в частности были для него не только объектом изучения, но и частью его новой родины, а, значит, и частью жизни «полурусского-полуфранцуза» Жозефа де Бая.

В данной статье мы публикуем три письма Жозефа де Бая Карлу Казимировичу Косцюшко-Валюжиничу. Приступая к публикации писем, оговорим некоторые

особенности работы над текстом. Мы посчитали необходимым опубликовать оригинальный текст писем на французском языке, который представлен целиком, без сокращений, в авторской редакции, с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации. Перевод опубликован ниже, выполнен в соответствии с нормами современного русского языка. Текст писем ровный, не имеет подчеркиваний, вставок, в нем нет зачеркнутых слов. Это в значительной степени облегчило работу с текстом. Наши вставки и дополнения заключены в квадратные скобки. Текст писем распознан практически полностью. Если слово написано неразборчиво, оно также заключено в квадратные скобки и обозначено отточием или заменено другим, подобранным нами и близким по смыслу.

Материалы архива музея-заповедника во многом проливают свет на то, как формировалась книжная коллекция трудов барона де Бая в научной библиотеке Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический». С большой долей вероятности удалось выяснить источники и условия поступления сочинений этого автора в музейную библиотеку, определить обстоятельства, при которых они были переданы, приобретены либо подарены музею. Некоторые труды Жозефа де Бая были частью личной библиотеки Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича, после кончины которого они влились в общий книжный фонд музея. С полной уверенностью можно утверждать, что благодаря личному интересу барона де Бая к трудам заведующего раскопками в Херсонесе и знакомству с ним число работ французского ученого на полках музейной библиотеки с каждым годом увеличивалось. В то же время нельзя отрицать и заинтересованность Карла Казимировича в наполнении своего книжного собрания трудами зарубежных коллег, в том числе новинками научной литературы.

Эти факторы – все в комплексе каждый и по отдельности – послужили тому, что в научной библиотеке музея-заповедника хранится 32 наименования трудов барона де Бая, созданных в промежутке между 1883 и 1905 гг. 27 сочинений объединены в четыре конволюта, восемь работ представлены в виде книг и отдельных брошюр. Три статьи представлены в двух экземплярах. Семь работ имеют дарственные надписи, причем две из них – на русском языке. В таблице 1, опубликованной ниже, приведены выявленные в библиотеке работы барона де Бая. Таблица состоит из пяти столбцов: первый – порядковый номер сочинения в таблице; второй – полное наименование работы на французском языке, указанное на титульном листе издания (ниже в отдельных случаях приведено название сборника, в котором первоначально труд был опубликован и части которого он служит оттиском; в этом случае название сборника выделено курсивом); третий – библиотечный шифр и инвентарный номер книги; четвертый – особенности издания (указано наименование конволюта, если сочинение является аллигатом; отмечены дарственные надписи в переводе на русский язык, владельческие и библиотечные штампы, особенности переплета); пятый столбец назван «Примечания», где отмечены дополнительные сведения, полученные на основе архивных материалов.

Книжная коллекция трудов барона де Бая из научной библиотеки Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» и архивные материалы публикуются впервые.

Письма Жозефа де Бая К. К. Косцюшко-Валюжиничу¹

1

Kief 18/29 sept. 1894

Monsieur,

Ma première pensée en arrivant ici, a été de vous exprimer mon grand plaisir d'avoir fait votre connaissance et ma gratitude pour votre charmant accueil. Je conserverai un excellent souvenir des trop [agréables] moments passés à Chersonèse auprès de vous. N'oubliez pas, je vous en prie, votre promesse de consacrer quelques pages à mes études archéologiques, afin de les faire connaître en Russie. En fixant l'attention de vos compatriotes sur mes travaux, vous ferez naître des critiques, qui m'orienteront et vous m'obtiendrez des documents qui compléteront ceux que je possède déjà. C'est de la discussion que jaillit la lumière.

Il me serait bien utile de posséder les dessins ou les photographies des objets que vous possédez à Chersonèse et qui peuvent servir de point de comparaison avec ceux que je daigne comme appartenant à l'art gothique.

Dans quelques jours je serai rentré à Paris et je me ferai un devoir de vous adresser quelques-unes de mes brochures que vous ne possédez pas.

En attendant, croyez-moi, Monsieur,

Votre tout dévoué

Baron de Baye.

Перевод

Киев, 18/29 сентября² 1894 [г.]

Господин [Косцюшко-Валюжинич],

по прибытии в Киев, моей первой мыслью было сообщить Вам о том, сколь огромное удовольствие я получил от знакомства с Вами, а также выразить мою глубокую признательность за Ваш очаровательный прием. Я навсегда сохраню в моей памяти прекрасное воспоминание о [приятных]³ моментах, проведенных с Вами. Прошу Вас помнить о Вашем обещании посвятить несколько строк моим археологическим изысканиям, чтобы о них узнали и в России. Обратив внимание Ваших соотечественников на мои работы, Вы будете способствовать появлению рецензий, которые помогут мне сориентироваться в моих будущих исследованиях и дополнят их новыми материалами. Ведь именно в спорах рождается истина.

¹ Перевод Г. И. Беднарчика.

² Здесь ошибка. Разница стилей, возникшая из-за смены юлианского календаря на григорианский, привела к тому, что исторические даты после III в. н. э. переводятся в современное летосчисление прибавлением к дате разницы, свойственной данному столетию. Расхождение в сутках между «старым» и «новым» стилями в XIX в. составляет 12 дней. Находясь в России 18 сентября 1894 г., барон де Бай, чтобы понять, какой день был тогда в Париже, должен был прибавить 12 суток, что соответствует 30 сентября.

³ Слово написано неразборчиво.

Для меня было бы очень полезно, если бы Вы выслали мне рисунки или фотографии предметов из коллекции Херсонесского музея, которые дали бы мне возможность сравнить их с произведениями готского искусства.

Через несколько дней я вернусь в Париж и обязательно вышлю Вам несколько моих брошюр, которых у Вас еще нет.

На этом, господин [Косцюшко], примите мои искренние заверения.

Ваш барон де Бай.

НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 51. Л. 119, 119 об., 120. Автограф, оригинал. Гербовый бланк автора письма с изображением монограммы из четырех букв фамилии «Baye».

2

Paris 10 mai 1895

Cher Monsieur,

Permettez-moi de vous adresser un excellent ami, Monsieur Boutroue qui doit se rendre l'été prochain en Crimée. Veuillez lui faire visiter les travaux archéologiques que vous dirigez avec autant de zèle que de science. J'ai conservé un bien excellent souvenir de l'accueil, que vous m'avez fait l'an dernier et des choses intéressantes, que vous m'avez montré. Si vous pouviez encore me donner quelques débris de vases vernissés avec représentations d'animaux, je vous en serais infiniment reconnaissant. Je désire continuer l'étude de cette céramique, au sujet de laquelle les archéologues ne paraissent pas être d'accord. Malheureusement je n'ai pas devant moi, que peu de documents et peu d'échantillons.

Monsieur Boutroue vous transmettra avec cette lettre une brochure et tous mes meilleurs souvenirs.

Votre bien dévoué,
Baron de Baye.

Перевод

Париж, 10 мая 1895 [г.]

Дорогой господин [Косцюшко],

разрешите мне направить к Вам моего замечательного друга, господина Александра Бутру, который этим летом должен посетить Крым. Прошу Вас показать ему места археологических раскопок, которыми Вы руководите с таким энтузиазмом и научным рвением. У меня осталось чудесное воспоминание о [том] замечательном приеме, коим Вы меня удостоили в прошлом году, и о тех интересных вещах, которые Вы мне тогда показали. Не могли бы Вы передать мне несколько фрагментов лакированных ваз с изображениями животных, за что я был бы Вам бесконечно благодарен. Мне бы хотелось продолжить изучение этой керамики, по поводу коей археологи, судя по всему, так и не пришли к единому мнению. К сожалению, у меня пока еще слишком мало материалов и образцов.

Господин Бутру передаст Вам вместе с этим письмом мою очередную брошюру, а вместе с ней – мои наилучшие пожелания.

Ваш барон де Бай.

НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 51. Л. 141, 141 об., 142. Автограф, оригинал.

3

Cher Monsieur,

Les échantillons de céramique que mon ami M[onsieur] Alexandre Boutrou vient de me remettre de votre part, me prouvent que vous n'avez pas oublié celui que l'an dernier a eu le grand plaisir de faire votre connaissance. Merci mille fois de votre précieux souvenir qui me parvient à mon retour d'une longue mission archéologique dans la Russie orientale et en Sibérie. Vous voyez que je suis toujours attiré vers Votre Patrie hospitalière et les nombreuses amitiés que j'y ai acquises. C'est une tâche bien attrayante et bien grande à la fois que de faire connaître et apprécier tout ce que la Russie possède de richesses archéologiques et tout ce que les savants russes font pour la science. Mon dernier voyage a été fort intéressant, malheureusement le temps me manque pour vous donner quelques détails à son sujet. Après une absence de plus de cinq mois, je me trouve ici accablé de travail.

Vous avez eu cette année des visites des savants français qui sont mes confrères de la Société des antiquaires. Je vous en félicite et m'en réjouis, car je ne cesse d'encourager les archéologues français de se rendre en Russie.

Veillez agréer, cher Monsieur l'expression de mon dévouement et de mon amitié.

Baron de Baye.

Paris, 58, avenue de la Grande Armée.

Перевод

[не ранее октября 1895 г.]

Дорогой господин [Косцюшко],

образцы керамики, которые мой друг господин Александр Бутру только что передал мне от Вас, доказывают, что Вы не забыли того, кто год назад имел величайшее удовольствие познакомиться с Вами. Тысячу раз спасибо за Ваш ценнейший сувенир, доставленный мне по возвращении после продолжительной археологической экспедиции на восток России и в Сибирь. Как видите, меня постоянно влечет к Вашей гостеприимной Родине, к многочисленным друзьям, которых я приобрел там. Это – одновременно увлекательная и очень важная задача – знакомить французов с Вашей страной, показывая ее несметные археологические богатства, и подчеркивать вклад русских ученых в мировую науку. Мое недавнее путешествие было очень интересным, к сожалению, я не обладаю достаточным количеством времени, чтобы детально рассказать Вам о нем. После более, чем пятимесячного отсутствия в Париже, я буквально завален работой.

Мне известно, что в этом году Херсонес посетили мои собратья из Общества антикваров. Поздравляю Вас с этим событием и радуюсь вместе с Вами, так как не перестаю побуждать французских археологов почаще приезжать в Россию.

Примите, дорогой господин [Косцюшко], мои искренние заверения в моей дружбе и преданности Вам.

Барон де Бай.

Париж, проспект Великой Армии, 58.

НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 51. Л. 150, 150 об., 151. Автограф, оригинал.

**Труды барона де Бая в фондах Государственного музея-заповедника
«Херсонес Таврический»¹**

№ п/п	Название	Шифр НБ ГМЗ ХТ	Особенности издания (дарственные надписи барона де Бая, владельческие знаки и проч.)	Примечания
1.	Baronnie de Baye: documents historiques réunis par le Baron J. de Baye. Chalons-sur-Marne, 1883. 34 с.	902.6 В33 Инв. 20397	Конволют трудов барона де Бая «Археологические заметки». Штамп и переплет библиотеки Института гражданских инженеров Императора Николая I.	
2.	Note sur des carreaux emailles de la Champagne par M. le Baron J. de Baye. [Paris, 1886]. 19 с.	902.6 В33 Инв. 12205	Конволют трудов барона де Бая «Археологические заметки». Штамп, экслибрис и переплет библиотеки Института гражданских инженеров Императора Николая I. Из библиотеки профессора Н. В. Султанова, приобретенной Институтом.	
3.	Le torques était porté par les hommes chez les Gaulois par M. le baron J. de Baye. Caen, 1886. 28 с. <i>Extrait du «Bulletin monumental», 52 volume, 1886.</i>	902.6 В33 Инв. 20399	Конволют «Древности готские».	
4.	Bijoux vandales des environs de Bone (Afrique) par M. le Baron J. de Baye. Paris, 1888. 16 с. <i>Extrait des «Mémoires de la Société nationale des Antiquaires de France», t. XLVIII</i>	902.6 В33 Инв. 20399	Конволют «Древности готские».	
5.	Croix Lombardes: trouvées en Italie. <i>Extrait de la «Gazette archeologique» de 1888.</i> Paris, 1888. 17 с. + 2 tabl.	902.6 В33 Инв. 20397	Конволют трудов барона де Бая «Археологические заметки». Штамп и переплет библиотеки Института гражданских инженеров Императора Николая I.	
6.	Les bijoux gothiques de Kertch par le Baron J. de Baye. Paris, 1888. 10 с. <i>Extrait de la «Revue</i>	902.6 В33 Инв. 20399	Конволют «Древности готские». Владельческий штамп Никодима Павловича	

¹ Составители – Т. В. Лоргина, Т. А. Прохорова.
Выражаем благодарность Н. В. Рубаненко за оказанную помощь и консультации.

	<i>archéologique</i> .		Кондакова.	
7.	Les bijoux francs et la fibule Anglo-Saxonne de Marilles (Brabant) par le Baron J. de Baye. Caen, 1889. 11 c.	902.6 B33 Инв. 20399	Конволют «Древности готские». Владельческий штамп Никодима Павловича Кондакова.	
8.	Le tombeau de Wittislingen au Musée national Bavarois (Munich). Paris, 1889. 10 c. + 2 pl. <i>Extrait de la «Gazette archeologique» de 1889.</i>	902.6 B33 Инв. 20397	Конволют трудов барона де Бая «Археологические заметки».	
9.	La croix de Dmitri Donskoi, XIV siècle, par M. le baron J. de Baye. 4 c. <i>Extrait de la Revue de l'Art chrétien. Tome 1, 5 livraison, 1890.</i>	902.6 B33 Инв. 20397	Конволют трудов барона де Бая «Археологические заметки». Штамп и переплет библиотеки Института гражданских инженеров Императора Николая I. Штамп библиотеки Николая Султанова.	
10.	L'art des barbares a la chute de l'Empire Romain par le baron J. de Baye. Paris, 1890. 16 c. <i>Extrait du «L'anthropologie», tome I, № 4, 1890.</i>	902.6 B33 Инв. 20399	Конволют «Древности готские». Владельческий штамп Никодима Павловича Кондакова.	
11.	Cimetière de Bergères-les-Vertus (Marne). Arcis-sur-Aube, 1890. 8 c. + 2 pl. <i>Extrait de la «Revue de Champagne et de Brie».</i>	902.6 B33 Инв. 5802	Конволют трудов барона де Бая. Дарственная надпись на титуле, перевод с французского: «Господину Косцюшко с почтением от автора». Автограф барона де Бая.	Дар К. К. Косцюшко-Валюжиничу.
12.	La nécropole d'Habblingbö (Gotland) par le baron J. de Baye. Bruxelles, 1890. 11 c. <i>Extrait des «Annales de la société d'archéologie de Bruxelles», tome IV, 1890.</i>	902.6 B33 Инв. 20399	Конволют «Древности готские». Владельческий штамп Никодима Павловича Кондакова. Дарственная надпись на титуле, перевод с французского: «Господину Кондакову с почтением от автора». Автограф барона де Бая.	Дар Н. П. Кондакову.
13.	Le Congrès historique et archéologique de Liège (Aout 1890) par le Baron J. de Baye. Paris, 1890. 14 c.	902.6 B33 Инв. 5808		Переплетена в мастерской Я. П. Зелигмана (счет от 4 ноября 1894 г.).
14.	Archéologie gauloise, cimetière de Vert-la-Gravelle (Marne). Paris, 1891. 8 c. + 1 pl. <i>Extrait de la «Revue de</i>	902.6 B33 Инв. 5802	Конволют трудов барона де Бая. Дарственная надпись на титуле, на русском языке: «До свидания. Барон де Бай».	Дар К. К. Косцюшко-Валюжиничу.

**ПИСЬМА И ТРУДЫ БАРОНА ДЕ БАЯ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»**

	<i>Champagne et de Brie».</i>			
15 <i>a,b.</i>	L'influence de l'art des Goths en Occident : communication faite au Congrès historique et archéologique de Liège (Aout 1890) par le Baron J. de Baye. Paris, 1891. 7 c. + 6 pl.	902.6 B33 Инв. 20397	Конволют трудов барона де Бая «Археологические заметки». Штамп и переплет библиотеки Института гражданских инженеров Императора Николая I.	
		902.6 B33 Инв. 5804	Конволют трудов барона де Бая.	Счет от 4 ноября 1894 г. из мастерской Я. П. Зелигмана.
16.	Les bronzes émaillés de Mostchina Gouvernement de Kalouga (Russie) par le Baron J. de Baye. Paris, 1891. 11 c. + 4 pl.	902.6 B33 Инв. 5804	Конволют трудов барона де Бая.	Счет от 4 ноября 1894 г. из мастерской Я. П. Зелигмана.
17.	L'Art barbare en Hongrie par le Baron de Baye. Bruxelles, 1892. 15 c.	902.6 B33 Инв. 5802	Конволют трудов барона де Бая.	
18.	Le trésor de Szilagy-Somlyo (Transylvanie) par le Baron J. de Baye. Paris, 1892. 17 c. + 4 pl.	902.6 B33 Инв. 5804	Конволют трудов барона де Бая.	
19 <i>a,b.</i>	La bijouterie des Goths en Russie par le baron J. de Baye. Paris, 1892. 46 c. + 5 pl.	902.6 B33 Инв. 1866		Счет от 4 ноября 1894 г. из мастерской Я. П. Зелигмана.
	<i>Extrait des «Mémoires de la Société nationale des Antiquaires de France», tome LI.</i>	902.6 B33 Инв. 20399	Конволют «Древности готские».	
20.	Le cimetière wisigothique d'Herpes: Charente: communication faite au Congrès des Sociétés savantes, a la Sorbonne, dans la séance du 23 mai 1891 par le baron J. de Baye. Angoulême, 1892. 12 c. + 26 pl. <i>Extrait du «Bulletin et Mémoires de la Société archéologique et historique de la Charente», sixieme série, tome I (années 1890-1891).</i>	902.6 B33 Инв. 5805	Дарственная надпись на титуле, перевод с французского: «Ученому и любезному исследователю руин Херсонеса. На память о визите, о котором нижеподписавшийся сохранит наилучшие воспоминания». Автограф барона де Бая. Дата – 3/15 сентября 1894 г.	Дар К.К. Косцюшко-Валюжиничу. Переплетена в мастерской Я. П. Зелигмана (счет от 4 ноября 1894 г.).
21.	Souvenir du Congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques de Moscou en 1892. XI session. Paris, 1893. 45 c.	902.6 B33 Инв. 5790		Переплетена в мастерской Я. П. Зелигмана (счет от 4 ноября 1894 г.).

22.	Le Congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques de Moscou en 1892 par le baron de Baye. Paris, 1893. 26 c.	902.6 B33 Инв. 12205	Конволют трудов барона де Бая «Археологические заметки». Штaмп, экслибрис и переплет библиотеки Института гражданских инженеров Императора Николая I. Из библиотеки профессора Н. В. Султанова, приобретенной Институтом.	
23.	Une chässe de la cathédrale d'Astorga, province de Léon (Espagne) : communication faite au IX-e Congrès russe d'archéologie, Tenu a Vilna (1893) par le baron de Baye. Paris, 1894. 8 c. + 3 pl.	902.6 B33 Инв. 5804	Конволют трудов барона де Бая.	
24.	Compte-rendu des travaux du neuvième Congrès russe d'archéologie 1893, précédé d'une étude historique sur la Lithuanie et Vilna par le baron de Baye. Paris, 1894. 140 c.	902.6 B33 Инв. 5803		Переплетена в мастерской Я. П. Зелигмана (счет от 4 ноября 1894 г.).
25.	Antiquités Frankes trouvées en Bohême par baron de Baye. Caen, 1894. 36 c. <i>Extrait du «Bulletin Monumental» (année 1894).</i>	902.6 B33 Инв. 5801	Дарственная надпись на обложке обрезана, читается не полностью: « <i>Господину Косцюшко, [директору музея и раскопок] в Херсонесе в дар от автора.</i> » Автограф барона де Бая.	Дар К. К. Косцюшко-Валюжиничу. Переплетена в типографии и переплетной мастерской Д. О. Харченко в 1896 г.
26 a,b.	Note sur des bijoux barbares en forme de mouches par le baron de Baye. Paris, 1895. 22 c. <i>Extrait des «Mémoires de la Société nationale des Antiquaires de France», t. LIV.</i>	902.6 B33 Инв. 12205	Конволют трудов барона де Бая «Археологические заметки». Штaмп, экслибрис и переплет библиотеки Института гражданских инженеров Императора Николая I. Из библиотеки профессора Н. В. Султанова, приобретенной Институтом.	
		902.6 B33 Инв. 1864	Дарственная надпись на форзаце, перевод с французского: « <i>Господину Косцюшко, руководителю археологических раскопок Херсонеса в Севастополе. На добрую память.</i> » Автограф барона де Бая.	Дар К. К. Косцюшко-Валюжиничу. Переплетена в писчебумажном магазине и типолитографии Д. О. Харченко (счет от 14 мая 1898 г.)
27.	Le peintre russe Wossenetzoff: conférences	902.6 B33	Конволют трудов барона де Бая «Археологические заметки».	

**ПИСЬМА И ТРУДЫ БАРОНА ДЕ БАЯ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»**

	de M. baron de Baye. <i>L'université de Paris. № 68, Avril-Mai 1895. 8 c.</i>	Инв. 20397		
28.	Sépulture du X-e siècle a Kiev par le baron de Baye. Paris, 1896. 16 c. + 1 pl. <i>Extrait des «Mémoires de la Société nationale des Antiquaires de France», t. LV.</i>	902.6 B33 Инв. 12205	Конволют трудов барона де Бая «Археологические заметки». Штамп, экслибрис и переплет библиотеки Института гражданских инженеров Императора Николая I. Из библиотеки профессора Н. В. Султанова, приобретенной Институтом.	
29.	La nécropole d'Ananino (Gouvernement de Viatka, Russie) par le baron de Baye. Paris, 1897. 26 c. <i>Extrait des «Mémoires de la Société nationale des Antiquaires de France», t. LVI.</i>	902.6 B33 Инв. 12205	Конволют трудов барона де Бая «Археологические заметки». Штамп, экслибрис и переплет библиотеки Института гражданских инженеров Императора Николая I. Из библиотеки профессора Н.В. Султанова, приобретенной Институтом.	
30.	Extrait des procès-verbaux de la Société nationale des antiquaires de France. 1898. 8 c.	902.6 B33 Инв. 12205	Конволют трудов барона де Бая «Археологические заметки». Штамп, экслибрис и переплет библиотеки Института гражданских инженеров Императора Николая I. Из библиотеки профессора Н. В. Султанова, приобретенной Институтом.	
31.	Extrait des procès-verbaux de la Société nationale des antiquaires de France. 1899. 28 c.	902.6 B33 Инв. 12205	Конволют трудов барона де Бая «Археологические заметки». Штамп, экслибрис и переплет библиотеки Института гражданских инженеров Императора Николая I. Из библиотеки профессора Н. В. Султанова, приобретенной Институтом.	
32.	En Lithuanie: souvenirs d'une mission par le baron de Baye. Paris, 1905. 47 c.	902.6 B33 Инв. 6016	Дарственная надпись на титуле, перевод с французского: «Господину Косцюшко в Херсонесе в дар от автора». Автограф барона де Бая на русском языке.	Дар К. К. Косцюшко-Валюжиничу. Переплетена в мастерской при магазине Торгового дома Т. А. Робаков в Севастополе (счет от 5 июля 1906 г.)

Список использованных источников и литературы

1. Автограф Александра Люр-Салюса и Леона-Густава Шлюмберже в «Книге для посетителей Херсонесского музея». 14 сентября 1895 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 166. Л. 47.
Avtograf Aleksandra Lyur-Salyusa i Leona-Gustava Shlyumberzhe v «Knige dlya posetitelei Khersonesskogo muzeia». 14 sentyabrya 1895 g. // Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika «Khersones Tavricheskii». F. 1. D. 166. L. 47.
2. Автографы барона де Бая и Л. У. Ильина в «Книге для посетителей Херсонесского музея». 8 сентября 1905 г. // Научно-архивный отдел Государственного музея-заповедника «Khersones Tavricheskii». Ф. 1. Д. 171. С. 137.
Avtografy barona de Baya i L. U. Il'ina v «Knige dlya posetitelei Khersonesskogo muzeia». 8 sentyabrya 1905 g. // Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika «Khersones Tavricheskii». F. 1. D. 171. P. 137.
3. Белоусов С. В., Борисов А. В., Букреева Е. М. и др. Научная миссия французского ученого барона де Бая в Пензенскую губернию в 1897 году / С. В. Белоусов и др. // Центр и периферия. – 2016. – № 1. – С. 58–65.
Belousov S. V., Borisov A. V., Bukreeva E. M. i dr. Nauchnaya missiya frantsuzskogo uchenogo barona de Baya v Penzenskuyu guberniyu v 1897 godu [Scientific mission of the french scientist Baron de Baye in the Penza Governorate in 1897] / S. V. Belousov i dr. // Tsentr i periferiya. – 2016. – № 1. – P. 58–65.
4. Бернов М. А. Из Одессы пешком по Крыму: письма русского пешехода / М. А. Бернов. – СПб.: тип. Глазунова, 1896. – 240 с.
Bernov M. A. Iz Odessy peshkom po Krymu: pis'ma russkogo peshekhoda [From Odessa by foot in the Crimea: letters of a Russian pedestrian] / M. A. Bernov. – Sankt-Peterburg: tip. Glazunova, 1896. – 240 p.
5. Букреева Е. М. Корреспондент Особого комитета Музея 1812 года барон де Бай (1853–1931): материалы к биографии / Е. М. Букреева // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. VIII: сб. материалов. – М., 2009. – Вып. 181. – С. 241–257. – (Труды ГИМ).
Bukreeva E. M. Korrespondent Osobogo komiteta Muzeia 1812 goda baron de Bai (1853–1931): materialy k biografii [Correspondent of the Special Committee of the Museum of 1812, Baron de Bay (1853-1931): materials for a biography] / E. M. Bukreeva // Epokha 1812 goda. Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya. VIII: sb. materialov. – Moskva, 2009. – Vyp. 181. – P. 241–257. – (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia).
6. Букреева Е. М. Русские струны французской души барона де Бая / Е. М. Букреева // Золотая палитра: информац.-аналит. журн. – М., 2010. – № 2. – С. 52–59.
Bukreeva E. M. Russkie struny frantsuzskoi dushi barona de Baya [Russian strings of the French soul of Baron de Bay] / E. M. Bukreeva // Zolotaya palitra: informatsionno-analiticheskii zhurnal. – Moskva, 2010. – № 2. – P. 52–59.
7. Букреева Е. М. Труды барона де Бая в фондах Государственной публичной исторической библиотеки / Е. М. Букреева // Чертковский исторический сборник: Российская империя во времени и пространстве. – М., 2019. – Вып. II. – С. 417–442.
Bukreeva E. M. Trudy barona de Baya v fondakh Gosudarstvennoi publichnoi istoricheskoi biblioteki [The works of Baron de Baye in the State public historical library] / E. M. Bukreeva // Chertkovskii istoricheskii sbornik: Rossiiskaya imperiya vo vremeni i prostranstve. – Moskva, 2019. – Vyp. II. – P. 417–442.
8. Ванюшева К. В. Встреча с «другим»: переписка О. Е. Клера об организации поездки барона Ж. де Бая на Урал в 1896 г. / К. В. Ванюшева // Ежегодник финно-угорских исследований. – Ижевск, 2016. – Т. 10. – Вып. 3. – С. 101–109.

Vanyusheva K. V. Vstrecha s «drugim»: perepiska O. E. Klera ob organizatsii poezdki barona Zh. de Baya na Ural v 1896 g. [Meeting with «others»: correspondence of O. E. Clair about the organization of the trip of Baron J. de Baye to the Urals in 1896] / K. V. Vanyusheva // Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy. – Izhevsk, 2016. – Т. 10. – Вып. 3. – Р. 101–109.

9. Данилова О. С. Жозеф де Бай на Урале: новые материалы французских архивов / О. С. Данилова // Уральский исторический вестник. – 2016. – № 3 (52). – С. 130–138.

Danilova O. S. Zhofez de Bai na Urale: novye materialy frantsuzskikh arkhivov [Joseph de Baye in the Urals: new materials from the French archives] / O. S. Danilova // Ural'skii istoricheskii vestnik. – 2016. – № 3 (52). – Р. 130–138.

10. [Косцюшко-Валюжинич К. К.] Из древностей, хранящихся в Херсонесском музее, добытых во время раскопок, производящихся с 1888 года по Высочайшему повелению Императорской Археологической Комиссии // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 3. Л. 49, 49 об., 50, 50 об., 51, 51 об., 52, 52 об., 53, 53 об.

[Kostyushko-Valyuzhinich K. K.] Iz drevnostei, khranyashchikhsya v Khersonesskom muzee, dobytykh vo vremya raskopok, proizvodyashchikhsya s 1888 goda po Vysochaishemu poveleniyu Imperatorskoj Arkheologicheskoi Komissii // Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskii». F. 1. D. 3. L. 49, 49 ob., 50, 50 ob., 51, 51 ob., 52, 52 ob., 53, 53 ob.

11. Николаева Е. Е. Октябрь 1917 года в Москве по дневникам барона Жозефа де Бая (из собрания ОПИ ГИМ) / Е. Е. Николаева // Великая Российская Революция, 1917: сто лет изучения: мат. межд. науч. конф. Москва, 09–11 октября 2017 г. – М., 2017. – С. 732–739.

Nikolaeva E. E. Oktyabr' 1917 goda v Moskve po dnevnikam barona Zhofeza de Baya (iz sobraniya Otdela pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya) [October 1917 in Moscow on the diaries of Baron Joseph de Baye (from the collection of the Department of written sources of the State historical museum)] / E. E. Nikolaeva // Velikaya Rossiiskaya Revolyutsiya, 1917: sto let izucheniya: mat. mezhd. nauch. konf. Moskva, 09–11 oktyabrya 2017 g. – Moskva, 2017. – Р. 732–739.

12. Николаева Е. Е. Первая мировая война в дневниках и письмах барона Жозефа де Бая (по материалам ОПИ ГИМ) / Е. Е. Николаева // Труды ГИМ. – М., 2017. – Вып. 204. – С. 138–155.

Nikolaeva E. E. Pervaja mirovaja vojna v dnevnikah i pis'mah barona Zhofeza de Baja (po materialam Otdela pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya) [The first world war in the diaries and letters of Baron Joseph de Bay (based on materials of the Department of written sources of the State historical museum)] / E. E. Nikolaeva // Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. – Moskva, 2017. – Вып. 204. – Р. 138–155.

13. Отзыв Александра Бутру в «Книге для посетителей Херсонесского музея». 30 сентября 1894 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 166. Л. 50.

Otzyv Aleksandra Butru v «Knige dlja posetitelej Hersonesskogo muzeja». 30 sentjabrja 1894 g. // Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskii». F. 1. D. 166. L. 50.

14. Отзыв барона де Бая в «Книге для посетителей Херсонесского музея». 14 сентября 1894 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 166. С. 145.

Otzyv barona de Baja v «Knige dlja posetitelej Hersonesskogo muzeja». 14 sentjabrja 1894 g. // Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskii». F. 1. D. 166. P. 145.

15. Письмо барона де Бая К. К. Косцюшко-Валюжиничу. 18 сентября 1894 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 51. Л. 119, 119 об., 120.

Pis'mo barona de Baja K. K. Koscjushko-Valjuzhinichu. 18 sentjabrja 1894 g. // Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskii». F. 1. D. 51. L. 119, 119 об., 120.

16. Письмо барона де Бая К. К. Косцюшко-Валюжиничу. 10 мая 1895 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 51. Л. 141, 141 об., 142.

Pis'mo barona de Baja K. K. Koscjushko-Valjuzhinichu. 10 maja 1895 g. // Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskii». F. 1. D. 51. L. 141, 141 об., 142.

17. Письмо барона де Бая К. К. Косцюшко-Валюжиничу. [Октябрь 1895 г.] // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 51. Л. 150, 150 об., 151.

Pis'mo barona de Baja K. K. Koscjushko-Valjuzhinichu. [Oktjabr' 1895 g.] // Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskii». F. 1. D. 51. L. 150, 150 об., 151.

18. Петрова Э. Б. Крым в описании и на фотографиях французского путешественника Жозефа де Бая (1905 г.). Часть 1. Южный берег Крыма / Э. Б. Петрова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2017. – Т. 3 (69). – № 4. – С. 84–108.

Petrova Je. B. Krym v opisanii i na fotografijah francuzskogo puteshestvennika Zhozefa de Baja (1905 g.). Chast' 1. Juzhnyj bereg Kryma [Crimea in the description and photos of the French traveler Joseph de Baye (1905). Part 1. The Southern coast of the Crimea] / Je. B. Petrova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2017. – Т. 3 (69). – № 4. – Р. 84–108.

19. Петрова Э. Б. Крым в описании и на фотографиях французского путешественника Жозефа де Бая (1905 г.). Часть 2. Юго-Восточный Крым / Э. Б. Петрова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2018. – Т. 4 (70). – № 1. – С. 54–78.

Petrova Je. B. Krym v opisanii i na fotografijah francuzskogo puteshestvennika Zhozefa de Baja (1905 g.). Chast' 2. Jugo-Vostochnyj Krym [Crimea in the description and photos of the French traveler Joseph de Baye (1905). Part 2. South-Eastern Crimea] / Je. B. Petrova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2018. – Т. 4 (70). – № 1. – Р. 54–78.

20. Петрова Э. Б. Крым в описании и на фотографиях французского путешественника Жозефа де Бая (1905 г.). Часть 3. Симферополь, Бахчисарай, Евпатория, Севастополь / Э. Б. Петрова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2018. – Т. 4 (70). – № 2. – С. 108–147.

Petrova Je. B. Krym v opisanii i na fotografijah francuzskogo puteshestvennika Zhozefa de Baja (1905 g.). Chast' 3. Simferopol', Bahchisaraj, Evpatorija, Sevastopol' [Crimea in the description and photos of the French traveler Joseph de Baye (1905). Part 3. Simferopol, Bakhchisaray, Evpatoria, Sevastopol] / Je. B. Petrova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2018. – Т. 4 (70). – № 2. – Р. 108–147.

21. Прохорова Т. А. «Дорога к музею...» История создания и эволюции античной экспозиции Херсонесского музея / Т. А. Прохорова // ХСб. – Севастополь, 2019. – Вып. 20. – С. 136–156.

Prohorova T. A. «Doroga k muzeju...» Istorija sozdanija i jevoljucii antichnoj jekspozicii Hersonesskogo muzeja [History of creation and evolution of the ancient exposition of the Museum in Tauric Chersonese] / T. A. Prohorova // Hersonesskij sbornik. – Sevastopol', 2019. – Вып. 20. – Р. 136–156.

22. Счет для библиотеки при Херсонесском складе древностей из типографии и переплетной мастерской Д. О. Харченко. Копия. [1896 г.] // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 46. Л. 166 об.

Schet dlja biblioteki pri Hersonesskom sklade drevnostej iz tipografii i perepletnoj masterskoj D. O. Harchenko. Kopija. [1896 g.] // Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Khersones Tavricheskii». F. 1. D. 46. L. 166 ob.

23. Счет из мастерской при магазине Торгового дома Т. А. Робаков в Севастополе при библиотеке при Херсонесском музее древностей. 5 июля 1906 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 47. Л. 178.

Schet iz masterskoi pri magazine Torgovogo doma T. A. Robakov v Sevastopole pri biblioteke pri Khersonesskom muzee drevnostei. 5 iyulya 1906 g. // Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Khersones Tavricheskii». F. 1. D. 47. L. 178.

24. Счет из переплетной Я. П. Зелигмана для библиотеки при Херсонесском музее на сумму. 4 ноября 1894 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 46. Л. 127, 127 об.

Schet iz masterskoj pri magazine Torgovogo doma T.A. Robakov v Sevastopole pri biblioteki pri Hersonesskom muzee drevnostej. 5 ijulja 1906 g. // Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Khersones Tavricheskii». F. 1. D. 47. L. 178.

25. Счет из писчебумажного магазина Д. О. Харченко на сумму 6 рублей 60 копеек за переплетенные книги для библиотеки при Херсонесском складе. [1897 г.] // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 46. Л. 200.

Schet iz pischebumazhnogo magazina D. O. Harchenko na summu 6 rublej 60 kopeek za perepletennye knigi dlja biblioteki pri Hersonesskom sklade. [1897 g.] // Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Khersones Tavricheskii». F. 1. D. 46. L. 200.

26. Baye J., de. En Crimée / J. de Baye. – Paris: Libraire Nilsson, 1906. – 55 с.

27. Charpy J.-J. Les recherches du baron de Baye. Un travail à réhabiliter et des archives à pister / J.-J. Charpy // Résumé des interventions. Journée archéologique régionale de Champagne-Ardenne. – Châlons-en-Champagne, 2011. – P. 3–5.

28. Charpy J.-J. M. le baron de Baye, ses méthodes d'acquisition, et de documentation de collections: l'exemple de la tombe Saint-Jean-sur-Tourbe (Marne) / J.-J. Charpy // Études marnaises. – 2013. – Т. CXXVIII. – P. 7–40.

29. Charpy J.-J. Le baron de Baye et Augustin Roland, les débuts de leurs relations. L'Archéologie préhistorique dans les marais de Saint-Gond au début du XXe siècle / J.-J. Charpy // Études marnaises. – 2015. – Т. CXXX. – P. 13–40.

30. Cheishvili A. Concerning a photo by Baron de Baye / A. Cheishvili // Khornabuji. – Tbilisi, 2011. – № 1. – С. 290–293.

31. Cheishvili A. «In Abkhasia, memories of a mission» by Le Baron de Baye / A. Cheishvili // Khornabuji. – Tbilisi, 2011. – № 1. – С. 294–301.

32. Cheishvili A. The Georgian archaeological and ethnographical collections in France / A. Cheishvili // Georgian Antiquities. – Tbilissi, 2013. – № 16. – P. 286–295.

33. Pic M. Le baron de Baye (1853–1931), collecteur de céramiques dans l'empire russe pour le musée de Sèvres / M. Pic // Revue des musées de France. – 2016. – № 5. – P. 73–84.

Список сокращений

- ГИМ – Государственный исторический музей
НАО ГМЗ ХТ – Научно-архивный отдел Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический»
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ХСб – Херсонесский сборник

Prokhorova T. A., Bednarchik G. I., Lorgina T. V. The letters and works of baron de Baye in the State museum-reserve «Tauric Chersonese» (from the collection of the archive and scientific library).

In 1894, the French scientist Joseph de Baye (1853–1931), an archaeologist, ethnographer, historian, traveler and collector, had visited the excavations and Museum in Chersonesus for the first time. In 1905, Baron de Baye had revisited the Crimea and the Museum in Chersonesus. The memory of this remains on the pages of «Books for visitors of the Chersonesus Museum», stored in the archive of the Museum-reserve. The Baron was personally acquainted with K. K. Kosciusko-Valyuzhinich, who was the first head of the excavations and Museum in Chersonesus, also was in correspondence with him and repeatedly donated his own works to the Museum library. The scientific library of the state Museum-reserve «Tauric Chersonese» has a very representative collection of his works, characterized by a unique composition, the history of receipt, the presence of gift inscriptions and other proprietary signs. Baron de Baye popularized the historical and archaeological antiquities of the South of Russia among his colleagues in France, Chersonesus in particular, and did a lot for establishment of strong scientific and cultural ties between France and Russia, including in the field of archaeology.

Keywords: Tauric Chersonese, travel, the Crimea, Baron Joseph de Baye, K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich, the Museum, the «Warehouse of local antiquities», scientific library.

DOI 10.37279/2413-1741-2020-6-3-92-126

УДК 94(470)''1238/1480''(093)

СВЕДЕНИЯ ЕГИПЕТСКОГО ХРОНИСТА АБД АЗ-ЗАХИРА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИСТОРИИ КРЫМА ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIII В.¹

Сидоренко В. А.

*Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: crimeastor@rambler.ru*

Предпринимается попытка восстановления исходного текста с описанием проходившего через Крым четвертого посольства эль-Малик аз-Захира Бейбарса (1260–1277) к правителю Золотой Орды Берке – фрагмента Лондонской рукописи секретаря канцелярии мамлюкского султана эль-Малик аз-Захира Бейбарса (1260–1277) и его биографа – Абд аз-Захира (1223–1293) «al-Rawḍ al-zāhir fī sīrat al-Malik al-Zāhir» (Сад видимого в биографии эль-Малик аз-Захира) с восполнением пропусков в тексте компиляциями египетских хронистов: Шафи, б. Али (1252–1329), ан-Нувайри (1279–1333), эль-Муф ад-Даля (1259–1341), Ибн эль-Фората (1335–1405), эль-Айни (1361–1453), эль-Макризи (1364–1442), ал-Йунини (1256–1326), Рукн ад-Дина Бейбарса (1247–1325) и др. Дословные переводы изданных с переводами В. Г. Тизенгаузеном отрывков из арабских произведений позволяют установить следующее: 1) отсутствие в письмах Бейбарса и Берке сведений об обращении Берке в Ислам ранее 1263 года и наличие прямых свидетельств о его намерениях вступления в эту религию; 2) время принятия религии ислама Берке, членами его семьи и военной аристократией Золотой Орды в первой декаде мая 1263 года; 3) число и последовательность посольств правителя Золотой Орды Берке и султана Бейбарса, осуществлявшихся до возобновления (17 июля 1264 г.) задержанного императором Византии Михаилом VIII Палеологом четвертого посольства султана; 4) время пребывания четвертого посольства Бейбарса в Крыму (20–21 июля 1264 г.); 5) нахождение Крыма в июле 1264 г. под властью единственного правителя – сына Джучи Тука Тимура, именуемого у Абд аз-Захира Тук Бугой, а на монетах его «домусульманской» чеканки Крыма «Ата Тука сёгун» и «Темир Тука»; 6) существование на пути следования посольства почтовой станции-каравансарая, послужившей образованию вокруг нее города Солхата.

Ключевые слова: Золотая Орда, Крым, мусульманство, Абд аз-Захир, Берке, эль-Малик аз-Захир Бейбарс, Тука Тимур.

Труд *al-Rawḍ al-zāhir fī sīrat al-Malik al-Zāhir* (Сад видимого в жизнеописании эль-Малик аз-Захира), или, по библиографическому словарю Хаджи Хальфа, *Sīrat al-Malik al-Zāhir* [53, с. 46] был составлен секретарем бахритского мамлюкского султана эль-Малик аз-Захира ад-Дуниа в-ад-Дин Бейбарса эль-Бундукдари (1260–1277) кади, Мухйи ад-Дина Абу-ль-Фадл Абдаллаха сыном Абд аз-Захиром (далее – Абд аз-Захир), жившим в 620-692 г.х. (1223–1293 гг.). Он известен по двум рукописям: Лондонской (British Museum, MS Add. 23331) и Стамбульской (Istanbul, MS Fātiḥ 4367) [75].

¹ Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в Крыму».

Неполная Лондонская – охватывает пять начальных лет правления Бейбарса. В 1884 г. В. Г. Тизенгаузен опубликованы выдержки из текстов арабских авторов, касающиеся истории Золотой Орды, и их переводы, а среди них – извлечения из Лондонской рукописи Абд аз-Захира (Fol. 22 v.; 47 r., v.; 49 r.; 52 v.; 64 v.; 84 r.; 91 v.) [26, с. 46–55; 53, с. 56–64]. В 1941 г. И. Х. Измирли переиздал часть собранных В. Г. Тизенгаузеном выдержек из текстов авторов (11 из 26) с переводами на турецкий язык и поправками в чтении текстов, в том числе – Абд аз-Захира [82, с. 110–136]. Тексты Лондонской рукописи были изданы в 1956 г. с английским переводом С. Ф. Сейдике [80].

Стамбульская рукопись [75] содержит 195 листов, начинается с 663 г.х. (24. 10. 1264 – 12. 10. 1264 гг.) и доводится до смерти султана Бейбарса и его похорон в 677 г.х. (25. 05. 1278 гг.). Части рукописи Британского музея соответствуют ff. 1-64 v Стамбульской. Таким образом, источником сведений о связанных с Крымом событиях, приходящихся на 1261–1264 гг., является только Лондонская рукопись Абд аз-Захира.

Пропуски в текстах обоих фолиантов показывают, что мы располагаем далеко не первыми копиями авторского оригинала. К счастью, с трудом Абд аз-Захира было знакомо большинство арабоязычных хронистов и летописцев, включавших в свои работы выписки, в том числе – выпавшие фрагменты текста, отсутствующие в рукописях Абд аз-Захира. Дополняющими его сведения современниками являются Абу Шамах (Абд ар-Рахман ибн Исмаил Абу Шамах – 1203-1267 гг.) [62], Ибн Василь (Джемаль ад-Дин Абу Абдаллах Мухаммед ибнун Салем – 1206–1298 гг.) [27, с. 70–75; 71] и Ибн Шаддад (Мухаммад ибн Али ибн Шаддад – 1217–1285 гг.) [20, с. 13–17; 70]. К последователям, пользовавшимся рукописями Абд аз-Захира для цитирования, компиляции или краткого пересказа эпизодов, следует отнести Шафи, б. Али (Наср ад-Дин Абу Али Шафи б. Али – 1252–1329 гг.) [58], ан-Нувайри (Шихаб эд-Дин Абуль Аббас Ахмед б. Абд ал-Вахаба – 1279–1333 гг.) [66], эль-Муф ад-Даля (эль-Муф ад-Даль б. Абу ль-Фадаиль – 1259–1341 гг.) [79, р. 213–216; 60, с. 176–199; 68, р. 343–550], Ибн эль-Фората (Наср ад-Дин Мухаммед б. Абдаррахим эль-Мисри – 1335–1405 гг.) [28, с. 351–357], эль-Айни (Бадр ад-Дин Махмуд ибнун Ахмад эль-Айни – 1361–1453 гг.) [59, с. 475-538; 64; 65], ал-Йунини (Кутб ад-Дин Муса ибнун Мухаммад ал-Йунини 1256–1326 гг.) [67], Рукн ад-Дина Бейбарса ад-Давадари эль-Мансури [77; 78] или Рукн ад-Дина Бейбарса эль-Мисри – 1247–1325) [46]. И это не полный перечень авторов, цитировавших Абд аз-Захира или использовавших его свидетельства в сокращенном изложении [54, с. 52–53]. Сочинение Абд аз-Захира «*al-Rawḍ al-zāhir fī sīrat al-Malik al-Zāhir*» являлось главным источником для египетской хронологии второй половины XIII в. и включает неисчерпанные возможности для современных исследований истории.

Принятие ислама правителем и военной аристократией Золотой Орды

В работах исследователей отмечается отсутствие твердых представлений о времени вступления Берке в ислам и принятия Золотой Ордой этой религии [81, р. 44–45; 25, с. 43; 84, р. 236; 72, с. 95; 55, с. 47, пр. 20, с. 48, 50, пр. 39; 72]. Мнения

о датировке этого события временем ранее 1263 г. ошибочны, в то время как дата его, несомненно, важна для понимания идеологического обоснования внешней политики Золотой Орды времени Берке, определившей ее исторический путь во взаимоотношениях с мусульманским миром. Больше внимания уделяется исследователями по отношению к распространению мусульманства в среде населения Золотой Орды в правление хана Узбека [73]. Источником недоразумений являются переводы свидетельства Абд аз-Захира, из которых вытекает, что при написании письма султаном эль-Мелик аз-Захиром Бейбарсом правителю Золотой Орды Берке в 660 г.х. (26. 11. 1261 – 14. 11. 1262) последний уже был мусульманином.

Из перевода В. Г. Тизенгаузена действительно можно заключить, что ко времени написания мамлюкским султаном письма Берке, последний уже был мусульманином: «В 660-м г. (= 26 нояб. 1261 – 14 нояб. 1262 г.) он (Эльмелик-Эззахыр) написал к Берке, великому царю Татарскому, письмо, которое я писал со слов его (и в котором) он подстрекал его против Хулавуна, возбуждал между ними вражду и ненависть да разбирал довод тому, что для него обязательна священная война с Татарами, так как получают одно за другим известия о принятии им ислама и что этим вменяется ему в долг воевать с неверными, хотя бы они были его родичи...» [53, с. 55]. М. Фаверо-Думенжу дает свой перевод письма султана, адресованного Берке: «До нас дошла новость о твоём обращении в ислам. Следовательно [как мусульманин], ты должен вести джихад с неверующими, даже если они – твои родственники» [56, с. 104]. Но пересказ содержания султанского письма Абд аз-Захиром и его компиляции прямо свидетельствуют о том, что Барке еще не был мусульманином.

Корректированный перевод: ‘В 660 году (26. 11. 1261 – 14. 11. 1262 гг.) он написал (كتب) к Берке (الى بركة), великому (كبير) царю (ملوك) татар (التتار) письмо (كتابا), я писал его (يوقع) с его слов (عنه)¹, настраивает его (يغريه) против Хулавуна (بهلاون), возбуждает (يوقع) между ними (بينهم) вражду (العداوة) и ненависть (والبغضاء), и разделяет довод (ويقسم الدليل) с тем, что ему (عليه)² следует (يجب)³ против него (عليه)⁴ вести священную войну (جهاد) с татарами (التتار). О, чтобы ему (لانه) (султану – В.С.) постоянно поступали (تواترت) известия (الاخبار) о вступлении в его ислам! (باسلامه). И будет вменяться в обязанность (ويترتب) со времени этого (على ذلك)⁵ [вступления в религию ислама] ([دخل في دين الاسلام] – Ибн эль-Форат) вести священную войну с неверными (جهاد الكفار), хотя бы они были его родичи (ولو كانوا اهله).

¹ عن – ‘со слов’ [6, с. 543 л., ст. 8].

² على ان – ‘с тем чтобы’ [6, с. 537 л., ст. 15, 10 сн.]. Ср.: على انه или على أن – ‘однако’, ‘все же’ [6, с. 537 л., ст. 10–9 сн.].

³ يجب عليه ان... – ‘он должен...’; ‘ему следует...’ [6, с. 872 п., ст. 13].

⁴ عليه – ‘против него’ [6, с. 537 л., ст. 4–5]. جب (a/y) جب – 2) ‘превосходить’, ‘побеждать’ [6, с. 116 п., ст. 10–8 сн.].

⁵ على ذلك... – ‘со времени этого...’ [6, с. 537 л., ст. 15–13 сн.].

Там, где у Абд аз-Захира находится отсылка ‘со времени этого’ (عل ذلك), у Ибн эль-Фората, Рукн ад-Дина Бейбарса и эль-Айни присутствует, возможно, находившееся в рукописи Абд аз-Захира, условное предложение: ‘когда вступит в религию ислама’ (الاسلام) ¹ (اذ دخل في دين), которое восстанавливаем в тексте Абд аз-Захира.

Сообщения Ибн эль-Фората, Рукн ад-Дина Бейбарса и эль-Айни являются пересказом текста Абд аз-Захира с некоторыми сокращениями, редакциями и заменой прозвища Хулавуна на Хулагу.

Корректированный перевод текста Ибн эль-Фората, Рукн ад-Дина Бейбарса и эль-Айни:

‘В этом (فيها) (то есть в 659 году) [يعنى فى سنة ٦٥٩] написал (كتب) султан (السلطان) к Берке (الى بركة), сыну Саин-каана ² (بن صاين قان), письмо (كتابا), настраивал его (يغريه) против Хулагу (بهولاكو) и объяснял ему (ويعرفه) ³, чтобы вести ему священную войну (ان جهاد ه) (واجب) ⁴ для него (عليه), пусть постоянно поступают (لتوا تر) ⁵ известия (الاخبار) ⁶ о принятии ислама ему (باسلامه) (султану – В.С.), и ему (Берке – В.С.) будет необходимо (ويلزمه) ⁷, когда (اذ) вступит (دخل) ⁸ в религию ислама (ان يجاهد الكفار) (فى دين الاسلام), чтобы велась священная война с неверными (وأمثال)’. [Ср.: 53, с. 77].

Предложение Абд аз-Захира ‘О, чтобы ему постоянно поступали известия о вступлении в его ислам!’ (لانه تواترت الاخبار باسلامه) у эль-Фората теряет в своем начале предлог أن и местоименный суффикс (слитное местоимение) 3-го лица, ед. ч. косвенных падежей, что меняет значение открывающей его ل, оказывающейся непосредственно перед глаголом и выступающей здесь как частица «приказания при глаголе» [16, с. 399]. Категоричность формулировки Б. М. Гранде сглаживает О. Б. Фролова: «ل – частица, образующая следующее за ней условное наклонение для выражения пожелания или приказа в 1-м и 3-м лицах» [57, с. 24]. С удалением предлога أن и слитного местоимения 3-го л., ед. ч. в начале предложения изменяется значение подобного слитного местоимения в конце, на которое переносятся функции опущенного первого: ‘пусть постоянно поступают известия о принятии ислама ему’ (لتوا تر الاخبار باسلامه).

¹ دخل – ‘входить’; ‘проникать’; ‘вступить’ (куда вин. п. или فى) [6, с. 247 л., ст. 14–13 сн.].

² Посмертное прозвище правителя Золотой Орды Бату: «Саин» – ‘хороший’, ‘прекрасный’. О его титулах см.: [10, с. 104]. Здесь типичная ошибка египетских хронистов: Берке приходился Бату братом.

³ عرف – ‘давать знать’, ‘уведомлять’, ‘ознакомлять’, ‘объяснять’, ‘рассказывать’ [6, с. 509 п., ст. 11 сн.].

⁴ В. Г. Тизенгаузен: واجب – исправлено на أوجب – ‘делать обязательным’; ‘обязывать’, ‘вменять в обязанность’ [6, с. 872 п., ст. 4–3 сн.].

⁵ تواتر – ‘непрерывно приходиться’, ‘последовательно поступать’, ‘прибывать подряд’; ‘следовать друг за другом’; ‘повторяться’ [6, с. 870 пр., ст. 6–8].

⁶ خبر мн. – ‘известие’, ‘весть’; ‘сообщение’ [6, с. 209 пр., ст. 16 сн.]. Ср.: إخبار – ‘сообщение’, ‘извещение’, ‘информация’ [6, с. 209 пр., ст. 7].

⁷ لزم – ‘быть нужным, необходимым’; ‘надлежать’, ‘следовать’, ‘требоваться’ и др. [6, с. 719 л., ст. 3].

⁸ دخل – ‘входить’; ‘проникать’; ‘вступить’ (куда вин. п. или فى) [6, с. 247 л., ст. 14–13 сн.].

Абд аз-Захир передает краткое содержание письма, адресованного Берке и отправляемого с первым посольством султана. Из него также явствует, что Берке еще не был мусульманином [53, с. 57–58]. Почти дословно его текст повторяется в другом месте Лондонской рукописи, где он является неуместной вставкой переписчика: «В начале этого описания упомянуто было о том, что султан отправил послов к царю Берке, старался привлечь его на сторону ислама, возбуждал его против Хулагу и убеждал его напасть на него. Когда послы эти прибыли в земли Ласкариса, то правовед Меджеддин захворал и вернулся в сообществе отправившихся послов царя Берке, т. е. Джелаледдина, сына Элькади, и шейха Али Эльдимишки, а Сейфеддин Кушарбек и (упомянутых выше) два монгола поехали дальше» [53, с. 63].

Сообщение о принятии ислама самим Берке, членами его семьи и военной аристократией Золотой Орды были доставлены в Египет четвертым посольством Берке. Упоминания этого посольства нет в Стамбульской рукописи Абд аз-Захира по причине отсутствия в ней начальных листов. В Лондонской – описание его пропущено, а после сообщения о первом посольстве Берке следует пересказ содержания письма, писавшегося Абд аз-Захиром для послания ал-Малик аз-Захира Бейбарса «на 70-ти листах багдадских половинного формата» [53, с. 59], ответного на письмо, доставленное четвертым посольством Берке. С этим посольством (как и с четвертым – султана) связаны недоразумения в его освещении компилятивными источниками – эль-Муф ад-Далем и другими авторами. Но в достаточно подробном изложении его описание обнаруживается у эль-Фората и повторяющих его Рукн ад-Дина Бейбарса и эль-Айни. Рукн ад-Дин Бейбарс пишет: «В 661 г.¹ (= 15 нояб. 1262 – 3 нояб. 1263 г.) прибыли в Египет послы Берке, царя татарского, а именно эмир Джелалэддин, сын Элькади, и шейх Нуреддин Али, с известием, что он принял ислам. При них было письмо от него (Берке), которое содержало поименование тех, кто из татарских домов принял ислам и вышел из толпы неверных, с подробным перечислением их по племенам и родам, (с указанием) отдельных лиц и ратей, младших и старших. Вступили, говорил он (в письме), в религию ислама наши старшие братья и наши младшие братья со своими детьми, сыновья Будакура со своими чадами и домочадцами, Пулад-Кукаджасу², Яншунука³ и находящиеся на землях их Кудугу, Каранджар, Танушбуга⁴, Ширамун, Бузбаку, Мёнгкадар со своими ратями и слугами, Беккадак-Байнал, Тукузогул, Кутлугтимур, Аджи со своими детьми, Дурбай и десятитысячный отряд, который двинулся для набега на Хорасан, да все те, которые отправились вместе с Байджу, как напр. Байнал-Нойон

¹ В Венской рукописи Рукн ад-Дина Бейбарса с названием «Царский дар по части тюркского владычества» иная, явно ошибочная дата принятия Берке ислама – 662 г.х. (4. 11. 1263 – 23. 10. 1264 гг.) [53, с. 121].

² Эль-Айни: Кукаджур.

³ Эль-Айни: Яншанука.

⁴ Эль-Айни: Танушукбуга.

и Айкаку. Все они приняли ислам, без исключения, ввели у себя уставы и правила (ислама), плату зеката, обязанности участвовать в газавате и джихаде, по пути Аллахову, и произнесли (слова): хвала Аллаху, который наставил нас на этот (путь)» [53, с. 98–99].

Письмо Берке, которое привезли послы, было помечено датой своего написания «в местности Итиль» – 1-м числом реджеба 661 года (= 11 мая 1263 г.), следовательно, принятие ислама Берке, членами его семьи и перечисляемыми в письме нойонами с войсковыми подразделениями произошло в первые десять дней мая 1263 г.

Ибн эль-Форат, Рукн ад-Дин Бейбарс и эль-Айни сообщают: «В 66 (1 – В.С.) году прибыло (в Египет) послание от Ису-Ногай, родственника царя Берке и главного предводителя войск его. Вот копия с него: «Отправлено это письмо Ису-Ногаем к Эльмелик-Эззахыру. Хвалю Аллаха всевышнего за то, что он включил меня в число правоверных и сделал меня (одним) из тех, которые следуют вере очевидной». Затем (следует): «это послание наше включает в себе две цели: одна из них – привет и поздравление от нас тебе,¹ другая та, что от Арбуги услышали мы, что для скрепления союза своего с отцом нашим, Беркеханом, он (султан) пожелал иметь сведения о сыновьях и родственниках его (Берке) и о том, кто из них принял ислам. Когда это было (нам) сообщено, то мы искренно полюбили Эльмелика-Эззахыра, который верен своему слову, и сказали: осведомление его о нас (происходит) только от усердия его к исламу и искренности стремления его к укреплению союзов. Мы написали это послание, при содействии Уртимура и Тукбуги, для оповещения (тебя), что мы вступили в ислам и уверовали в Аллаха, в то, что пришло от Аллаха, да в ниспосланного Аллахом. То, что мы сказали, заслуживает доверия; мы идем по пути отца нашего Беркехана, следуем за истиной и уклоняемся от лжи. Да не прекратится пересылка писем (между нами). Мы с тобою, как кончики пальцев на руке: действуем заодно с тем, кто с тобою в согласии, и противимся тому, кто тебе противится» [53, с. 101–102].

Корректируя перевод И. Х. Измирли на турецкий язык русского перевода В. Г. Тизенгаузена, Д. Р. Зайнуддинов пишет: «В данном случае перевод Исмаила Хакки Измирли не точен. Из турецкого перевода исходит, что Ису-Ногай отправил свое письмо к ал-Малику аз-Захиру с помощью Уртимура и Тукбуги, хотя в арабском оригинале речь не идет об отправке вышеупомянутых лиц с письмом. Родственник царя Берке и главный предводитель войск его информирует лишь о содействии Уртимура и Тукбуги в написании послания. Возможно, что они были переводчиками с тюркского (монгольского?) на арабский язык, или Ису-Ногай был неграмотным и пользовался услугами вышеупомянутых писарей, или они работали у него секретарями. Проблема в турецком переводе упирается в арабский фразеологизм *على يد*, что дословно переводится как «на руке», а в переносном смысле: «при содействии». Измирли же перевел его как «отправил», что коренным образом меняет значение текста. Ведь Уртимур и Тукбуга были не международными послами-дипломатами, а всего лишь

¹ У Ибн эль-Фората вместо этой фразы молитва «за печать посланничества, за удостоверение доказательств, за главу ниспосланных и за предстоятеля благочестивых, Мухаммеда...» [53, с. 101, пр.1].

государственными чиновниками (переводчиками или секретарями)¹. В итоге незначительная ошибка Исмаила Хакки Измерли меняет оценку читателя в отношении Уртимура и Тукбуги» [19, с. 112].

Несмотря на расхождения с переводом В. Г. Тизенгаузена, перевод И. Х. Измерли не по адресу подвергается критике Д. Р. Зайнудинова. Объяснение им «переносного смысла» фразы *يد على*² обнаруживает неполное использование словаря, на который даются ссылки. Для перевода особо важны идиоматические выражения, которые могут значительно отличаться от смысла имени действия (масдара). Эти фразеологизмы составляют неоспоримое преимущество и ценность словаря И. Х. Баранова. Можно найти в нем и фразу *يد على* с ее фиксированным значением ‘заодно’: *واحدة على يد* – ‘действовать заодно’ [6, с. 917 л., ст. 12–11 сн.].

В письме Иису Ногая, Тукбуги и Уртимура повсеместно встречается употребляемый только в косвенных падежах арабской грамматики местоименный суффикс (слитное местоимение) 1-го лица, множественного числа: ‘от нас тебе’ (*منا اليك*), ‘услышано нами’ (*سمعنا*), ‘отцом нашим’ (*ابيينا*), ‘нашей искренней дружбой’ (*اخلصنا*), ‘нами сказано’ (*قلنا*), ‘нами написано это письмо заодно с Уртимуром и Тукбугой’ (*الكتاب على يد ارتيمور و توق بغا*) ‘нашего вступления в ислам’ (*دخلنا في الاسلام*) [46, с. 79–80]. В большинстве случаев (кроме «отца нашего» и «от нас тебе») В. Г. Тизенгаузен переводит эти местоимения именительным падежом «мы», не стремясь к дословности. Но это не то, что русское «Мы, Николай II», а множественное число, указывающее на трех и более лиц, на что трудно не обратить внимания арабисту.

Из письма Иису Ногая мы получаем возможность узнать, что приняли мусульманство вместе с ним еще два родственника Берке – Тукбуга и Уртимур, которых никак не отнесешь к разряду «государственных чиновников» (Ю. В. Селезнев), тем более «переводчиков или секретарей» (Д. Р. Зайнудинов). Письмо султану писалось в связи с тем, что в послании Берке с сообщением о принятии ислама им и военной элитой Золотой Орды он не перечисляет своих родственников, только упоминая их, а султан, обратившись, очевидно, к Арбуге, «пожелал иметь сведения о сыновьях и родственниках его (Берке) и о том, кто из них принял ислам». Судя по всему, часть Джучидов отказалась принимать ислам, и это Берке вуалирует сообщением о вступлении в религию ислама его «старших и младших братьев и членов их семей», но не всех Джучидов. Жалая зная подробности, султан обратился с запросом к Арбуге, знакомство с которым произошло во время пребывания в Египте руководимого им третьего посольства

¹ Сноска Д. Р. Зайнудинова: «У Ю. В. Селезнева Уртимур и Тукбуга представлены как золотоордынские чиновники. См. Селезнев Ю. В. Элита Золотой Орды. – Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. – С. 190, 203».

² В. Г. Тизенгаузенем подобным образом интерпретируется перевод текста эль-Аскалани: *الطاغى* – «... с просьбой действовать заодно (букв. быть одною рукою) против (общего) врага» [53, с. 450, 453].

Берке. Не принявшими мусульманство Джучидами могли быть оппозиционно настроенные к Берке потомки Бату, что позволило Берке говорить, не прибегая к обману, о принявших ислам ныне здравствующих старших и младших своих братьях и членах их семей, не включая потомков Бату в понятие своей семьи.

Уртимур или Ортимур (ارتيمور) – это Уран или Оран Тимур, племянник Берке, сын Тука Тимура. Сокращение образовано опущением в первой составной части сложных личных имен арабского языка окончаний с концевой «солнечной» согласной, сочетающееся в нашем случае с возможностью передачи окончания танвином фатхи: ار تيمور. Ур(ан) Тимур упоминается в письме Берке как участник возглавлявшегося Арбугой третьего посольства, оперативно доставившего султану весть о победе над Хулагу в битве при Тереке 13 января 1263 г. Посольство было отправлено настолько спешно, что для него не было подготовлено письмо султану, а о ходе битвы должен был рассказать аз-Захиру Бейбарсу участник ее Ибн Шихаб ад-Дин Гази. Только в письме, посылавшимся со следующим, четвертым посольством, Берке пишет об этом: «... я отправил в сообществе послов султана моих гонцов и послов, как то: Арбугу, Уртимура и Унамаса, да послал вместе с ними Ибншихабеддина Гази, присутствовавшего при побоище, чтобы он рассказал султану те чудеса сражения, которые он видел своими глазами; затем, чтобы изложить султану, что он (султан) споспешествует благодати и счастью, поставив в царстве правоверных имама из дома Аббасова, т.е. Эльхаким-биамриллаха» [53, с. 99]. Можно заключить, что все участники представительного посольства, включая Уран Тимура, в середине января 1263 г. еще не приняли мусульманства, иначе бы не было б необходимости сообщать о вступлении в религию ислама Ур Тимура в письме султану, но возвратившись из Египта к маю 1263 г. весь состав посольства становится приверженцами этой религии вместе с остальной элитой войска Берке.

Тукбуга – это отец Уран Тимура Тука Тимур, владетель Мангишлакского и Крымского улусов, сын Джучи, брат к тому времени покойного Бату и Берке [3, с. 56; 49, с. 190]. О принятии ислама Тука Тимуром вместе с Берке сообщает Абу-ль-Гази [1, с. 99].

С Тукбугой (طوق بعا), то есть Тука Тимуром, встречается четвертое посольство султана, путь которого пролегал через Крым. О нем пишет Абд аз-Захир и пользовавшиеся его сведениями хронисты как о правителе (حاكماً على)¹ тех сторон (تلك الجهات), командующим десятью тысячами всадников [26, с. 50; 60, с. 192; 68, р. 116; 74, р. 458]. Ему же принадлежит монетная чеканка Крыма «домусульманского» времени, на первых выпусках которой (серебряных и медных) он именуется «Ата Тука сёгун» [50, с. 105-109]. Связанные с первыми серебряными монетами общим штемпелем последующие выпуски монет Тука Тимура [5, с. 46, № 17, рис. 12, 13] меняют написание имени на Темир Тука.

Принятие мусульманства Берке и Тука Тимуром отражают монетные чеканки Сарая и Крыма. Выпуски крымских монет с изображением «стремявидной» тамги

¹حاكماً على = *перс.* حاكم اعلى – ‘губернатор’ [40, с. 278]. Замену в Египте при мамлюках в языке официальной документации арабских названий должностей персидскими без объяснения констатировал В. В. Бартольд.

несут на себе атрибуты мусульманского правителя в надписях: на серебряных – «Падишах ислама, Нусрат ад-Дунья в-ад-Дин» (*Падишах ислама, помощь миру и вере*), медных – «Нусрат ад-Дунья в-ад-Дин». Часть этих монет перечеканена из домусульманских выпусков Тука Тимура как серебряных, так же и медных, что предполагает их преемственность, а появление мусульманского лакаба – связь смены монетного типа с принятием правителем и военной аристократией Золотой Оды мусульманства. Монеты со «стремявидной» тамгой не относятся к числу анонимных, поскольку изображаемая на них надпись включает в себя почетное мусульманское прозвище правителя (лакаб) и «стремявидную» тамгу Тука Тимура. Сходство составляющих лакаб Тука Тимура слов «Нусрат ад-Дунья в-ад-Дин» (*Помощь миру и вере*) с подобными – в лакабе правителя Золотой Орды Берке, помещенными на его чеканенных в Сарае серебряных монетах [42, с. 148–150], «Нусрат ад-Дин в-ад-Дунья» (*Помощь вере и миру*) подкрепляет отнесение монет с изображением «стремявидной» тамги к Тука Тимуру. Можно отметить и частичное совпадение их лакабов с почетным мусульманским титулом султана Бейбарса – «аз-Захир ад-Дунья в-ад-Дин» (*Явность миру и вере*), хотя составная часть его «мир и вера» не редкость для лакабов мусульманских правителей [69, р. 75].

Начало чеканки «мусульманских» монет Тука Тимура с его «стремявидной» тамгой [51, с. 195–196, рис. 2–3] может датироваться временем не раньше осени 1263 г., когда Берке и Тука Тимур смогли узнать свои почетные мусульманские лакабы, присвоенные им султаном. Свидетельством присвоения мусульманскому правителю почетного лакаба султаном являются сообщения египетских и сирийских летописцев [53, с. 68, 105, 122, 165, 362, 435]. Очевидно, выпуск монет Тука Тимура со «стремявидной» тамгой начался одновременно с «мусульманской» серебряной чеканкой Берке в Сарае. Одна из сарайских монет Берке несет на обеих сторонах дату – 663 г.х. (24. 10. 1264 – 12. 10. 1265 гг.) [42, с. 148–149, № 14], но можно предполагать, что какие-то из недатированных – чеканились уже с начала 662 г.х. (4.11.1263 – 23.10.1264 гг.).

Сведения Абд аз-Захира о Крыме

В обзоре письменных упоминаний Солхата-Крыма Э. И. Сейдалиев пишет: «Практически без внимания остаются средневековые письменные источники» [48, с. 89], и здесь едва ли есть преувеличения, если под «вниманием» понимать их критическое исследование. Об арабских источниках можно заметить, что выход в свет в 1990 г. в Бейруте работы Д. Р. Ахмада Mu‘ajam al-‘alfāz al-tā’rikhiyah fī al-‘aṣr al Mamlūkī (Словарь исторических терминов эпохи мамлюков) [63] не может компенсировать отсутствие специальных работ по исследованию языка отдельных авторов. Попытки ревизии переводов В. Г. Тизенгаузена [19–23] сводятся к субъективному, часто не обоснованному анализу вырванных из контекста слов. Несомненно, что язык Абд аз-Захира, влияние которого на язык цитирующих его авторов и компиляторов прослеживается на протяжении веков, заслуживает особого внимания.

Все переводчики связанных с Крымом и взаимоотношениями Египта с Золотой Ордой отрывков из Лондонской рукописи Абд аз-Захира и их компиляций наталкиваются на непреодолимые сложности, связанные с неполнотой текста, пропусками слов, вносящими в него грамматические неувязки, и крупных разделов, дополнениями переписчиков и перестановками частей текста в нарушение хронологической последовательности описаний событий Абд аз-Захиром. А. Н. Поляк полагает, что выдержка из сочинения Абд аз-Захира, цитируемая ал-Йунини, представляет отчет «на том нелитературном арабском языке, на котором он был выслушан в Каире», противопоставляя ему изложенную «более литературным языком» компиляцию эль-Муф ад-Даля, которая, по его мнению, «является позднейшей обработкой отчета миссии» [44, с. 49, пр. 97, с. 50]. Но, сравнивая текст Абд аз-Захира с не отличающейся от него по языку компиляцией эль-Муф ад-Даля, он представляет свой перевод текста ал-Йунини, не отмечая его идентичности компиляции эль-Фората: «ехали морем к противоположному берегу: это расстояние от десяти дней езды до двух при благоприятном ветре. Потом вышли на гору, известную под названием Судак, и их встретил там правитель той местности по имени Табук и кыпчак по происхождению. С почтовыми лошадьми они направились к городу, называемому Крым (Солхат, позже Старый Крым), где жители – кыпчаки, русские и аланы. И от берега к тому городу расстояние одного дня езды. Потом поехали из города к Берке; [проехали] один день и встретили военачальника по имени Тук-Буга, предводителя десяти тысяч всадников [«темника»], и он правитель всех тех мест...» [44, с. 50]. Близкий ему перевод В. Г. Тизенгаузена послужил основанием для заключений М. Г. Крамаровского о существовании в Солхате наместника хана по имени Табук или Таюк и подчинении ему Судака [36, с. 511], выдвигавших Солхат на позиции первой столицы татарских владений Крыма, выдворяющих правителя земли Крым за его пределы и умаляющих значение Тукатимуридов в истории золотоордынского Крыма, а затем и Крымского ханства.

Упомянутая ранее неуместная вставка переписчика в текст Абд аз-Захира, открывающая лист 91(v) рукописи и озаглавленная «О прибытии послов царя Берке» (بركة ذکروصول رسل الملك), послужила ложному представлению об одном посольстве Бейбарса вместо четырех первых, и сыграла отрицательную роль в переводе следующего за ней текста. Если исключить ее, то восстанавливается связь частей повествования о возобновлении четвертого посольства Бейбарса. Начинается оно с даты: «В рамазане 662-го года <...>¹ дошло до султана, что Ласкарис задержал послов его...» [53, с. 62], а в продолжении, следующим без разделения за вставкой, говорится, что после воссоединения в городе Ани на территории Ласкариса послы отправились в Константинополь «в двадцатый день». Переводчики, несмотря на предлог في 'в' и единственное число يوم 'день' [6, с. 921 л., ст. 6] (с относительным местоимением – يوماً), переводили порядковое числительное как количественное (с несогласованным счисляемым) и считали, что двадцать дней занимала дорога послов до Константинополя от места их встречи с византийским императором [79, р. 214; 68, р. 114; 74, р. 456; 53, с. 63; 82, с. 134]. Порядковое числительное целых десятков

¹ У В. Г. Тизенгаузена «(= 27 июня – 26 июля 1263 г.)», но рамадан (турк. рамазан) 662 г.х. приходится на июнь – июль 1264 г.

‘двадцатый’ не сопровождается «артиклом состояния» [16, с. 360, § 189], но не относясь к сложным порядковым числительным, оно отвечает правилу: «Определенный артикль прибавляется только к единицам» [16, с. 359, § 188, 2, 3]. Наконец, слитное со словом «дня» (косвенного род. падежа при предлоге) относительное местоимение *ما* [16, с. 384, § 209] связывает день с ранее упоминавшимся месяцем рамаданом (*شهر رمضان*). Таким образом, речь идет о 20-м числе рамадана 662 г.х. (17 июля 1264 г.). VIII порода глагола *جمع* [6, с. 138, л., стт. 14–15] указывает на то, что послы встретились не с Ласкарисом (Михаилом VIII Палеологом), а друг с другом в его владениях.

Время пребывания четвертого посольства Бейбарса в Крыму может быть установлено по сообщаемым Абд аз-Захиром датам и числом дней, затрачиваемых им на дорогу между пунктами. Несмотря на то, что мы узнали точную дату возобновления посольства и начала его движения, остаются неизвестными число дней перемещения его от Ани до Константинополя и 2 или 10 дней – морем до Дафниси в Крыму. Известно, что 2 дня послы перемещались по Крыму и 20 – до Сарая Берке, а пребывание у Берке и весь обратный путь заняли 26 дней (всего – 48). О времени, затраченном посольством на обратный путь, пишут эль-Муф ад-Даль и эль-Форат, относя его к сроку пребывания послов у Берке: «Пробыли они у него 26 дней» [53, с. 194]. Совершенно не соответствуют свидетельству Абд аз-Захира сообщения эль-Фората: «Они вернулись и пробыли в земле Ласкариса до 665 года» [53, с. 194], и эль-Муф ад-Даля: «Послы были в отсутствии до 665 года» [53, с. 194, пр. 1]. Причиной этих ошибок летописцев является путаница с посольствами, порождаемая пропусками в рукописи Абд аз-Захира и вставками пытавшихся восстановить их переписчиков. Так же ошибочны замечания эль-Муф ад-Даля и Ибн эль-Фората о сопровождении посетивших Берке послов: «Вместе с ними (поехали) послы (его): Арбука (?), Аритур (?) и Аримаш (?)» [53, с. 194]. Это, очевидно, Арбуга, Уртимур и Унамас, участники экстренного третьего посольства Берке, о которых он сообщал султану в посланном с четвертым посольством письме [53, с. 99]. Отсюда же и преувеличенные сроки задержки посольства, отправившегося из Египта 17-го рамадана 661 г.х. (25.07.1263 г.) [53, с. 62] и возобновившего свой путь, как выясняется, 20-го рамадана 662 г.х. (17.07.1264 г.). Ибн эль-Форат и эль-Муф ад-Даль пишут: «...только через год и три месяца Ласкарис позволил вернуться «одному лишь Шерифу... Эльфарис промедлил в Константинополе два года...» [53, с. 190–191]. В действительности задержка послов составляла год и три дня лунного календаря, хотя и этого хватило, чтобы отправленные султаном в числе подарков диковинные животные, а также и часть рабов, погибли.

Описания хронистов не позволяют заключить, что задержке у Ласкариса (Михаила VIII Палеолога) подверглись только послы эль-Мелик аз-Захира Бейбарса – эмир эль-Фарис ад-Дин Акуш ал-Мас’уди и шериф Имад ад-Дин ал-Хашими [53, с. 61], в то время как сопровождавшие их в начале пути послы Берке, эмир Джелал ад-Дин, сын эль-Кади Димишки, и шейх Нур ад-Дин Али, благополучно покинули Константинополь. Эль-Муф ад-Даль освещает поход войска Берке под Константинополь как ответную меру на задержку послов, а

освобождение из-под стражи султана Изз ад-Дина Кейкавуса рассматривает как сопутствующую акцию [53, с. 189–191]. Причина задержки объясняется хронистами тем, что посланники султана стали случайными свидетелями встречи послов Хулагу с византийским императором, а он не желал, чтобы об этом узнал эль-Мелик аз-Захир. В то время как эль-Фарис ад-Дин Акуш ал-Мас’уди и Имад ад-Дин ал-Хашими оставались в заложниках у византийского императора, был совершен поход к Константинополю войска Берке, целью которого было освобождение из плена сверженного сельджукского султана Изз ад-Дина Кейкавуса. Автор «Сборника летописей» Рашид ад-Дин повествует о том, что «когда войско Берке дошло до Стамбула», оно освободило из заключения султана Изз ад-Дина Кейкавуса с его семьей, а Берке дал ему «султанство над городом Крымом, и там он скончался» [45, с. 197]. По сообщению автора сокращенной редакции «Сельджукнаме» Ибн ал-Биби, Берке пожаловал лишенному трона сельджукиду Изз ад-Дину Кей-Кавусу Солхад и Сутақ [47, с. 26].

Бежавший из Константинополя император направил на переговоры с предводителем войска Берке Фарис ад-Дина, а тот убедил предводителя, что Михаил VIII является вассалом египетского султана, союзника Берке, что, как очевидно, не соответствовало истине. Эль-Форат и эль-Муф ад-Даль приводят фрагмент текста, относящийся ко встрече Фарис ад-Дина с Берке, которая могла состояться только по прибытию четвертого посольства султана в Сарай : «...Тогда войско Берке ушло от Константинополя, взяв с собою султана Иззеддина, который содержался в плену в одной из крепостей Константинопольских и которого они (воины Берке – *В.Т.*) извлекли из нее. Потом басилевс отправил Эльфариса (эмира Фариседдина – *эль-Форат*) к Берке и послал с ним с своей стороны посла и грамоту, содержание которой (заключалось – *В. Т.*) в том, что он обязывается от себя в числе ежегодной подати вносить 300 атласных одежд с тем, чтобы он (Берке – *В. Т.*) был ему подпорою (союзником и пособником – *эль-Форат*) и не вторгнулся в его земли. Затем Эльфарис отправился к Берке. Когда он прибыл к нему, тот упрекнул его за проволочку, но он сказал: “владыка Константинопольский удерживал меня (от движения – *эль-Форат*, т.е. поездки – *В.Т.*)”. Тогда он (Берке – *В.Т.*) показал ему собственную записку, написанную им предводителю войска его, и сказал: “Я не наказываю тебя из уважения к Эльмелик-Эззахыру. (Ему более чем кому либо надлежит взыскать с тебя за твою ложь и порчу того, что он послал с тобою – *эль-Форат*) ”» [53, с. 180, 191–192, пр. 7]. Заметим, что по возвращению в Египет Фарис ад-Дин вскоре был подвергнут заключению и лишен имущества. Берке в беседе с послами расспрашивал их, как выглядели диковинные животные, и более всего сокрушался по поводу их смерти. По ал-Муф ад-Далю, это были «звери, чуждые этому краю, как то: слон, жираф, обезьяны, дикие полосатые ослы (зебры?), верблюды и ослы египетские...» [53, с. 189]. Абд аз-Захир отмечает: «Вернулись они (послы) со стороны Ласкариса и были приглашены к смотру победоносного войска, которое, как мы сказали, было в полном вооружении. Это было 10 дзулькаада 662-го года (=4 сент. 1264 года)» [53, с. 55, 64].

Если начало возобновления посольства 20 рамадана приходится на 256-й день мусульманского года, а возвращение его в Египет 10 зулькаада 662 г.х. (4.09. 1264 г.) – 305-й, то легко рассчитать продолжительность его пути от Ани до Сарая и от Сарая до Каира, составлявшую $305-256+1=50$ дней. Если же время пребывания в Сарае и обратный путь заняли 26 дней (как сообщается Абд аз-Захиром), то на дорогу к Берке потребовалось 24 дня, из которых после преодоления морского пути послы два дня передвигались по Крыму, а 20 – по степи, проходя расстояние от него к столице Берке. Получается, что путь от Ани до Константинополя, а затем – морем в Дафнисию занял два дня, то есть самое короткое время, необходимое для преодоления моря. Отсюда следует, что Ани находилась неподалеку от Константинополя, на расстоянии менее дня пути от него. В Крыму же посольство должно было оказаться 23 рамадана 662 г.х. (20 июля 1264 г.). Столицы Берке, Сарая на Итиле (Волге), послы могли, согласно расчетам, достигнуть 10 августа 1264 г.

Сравнение текстов (Табл. I) Лондонской рукописи Абд аз-Захира (ст. 1) с выдержками из эль-Фората (ст. 3) и эль-Муф ад-Даля (ст. 5) позволяет реконструировать исходный текст Абд аз-Захира (ст. 8) с восстановлением пропусков переписчиков, удалением приписок и конъектурой. По разбивке текстов на строки таблицы по аналогичным друг другу разделам, хорошо видно, что у Абд аз-Захира и эль-Фората опущены фрагменты, присутствующие у эль-Муф ад-Даля, а у последнего пропущена строка текста по причине типичной ошибки переписчика, возникшей из завершения двух соседних строк одним и тем же словом (в данном случае «Судак»).

За рассмотренным ранее эпизодом со встречей друг с другом послов султана и отправлением их в Константинополь, состоявшимся, как выяснено, 20-го рамадана, следует фраза, которую Е. Блоче определенно посчитал вставкой переписчика, исключив из своего перевода: «*и [там] от нее к Истанбули*». Он, очевидно, связывал Истанбуль с мусульманскими названиями Константинополя – Исламбодем, Стамбулом, появившимися после завоевания его османами. Но было бы необоснованным обнаруживаемую во всех цитирующих Абд аз-Захира рукописях фразу считать припиской не ранее второй половины XV в., согласованной по непонятному сговору переписчиков различных вариантов рукописей. Очевидно, прав В. Г. Тизенгаузен, считавший Истанбул каким-то портовым пригородом Константинополя. На местоположение всех трех пунктов маршрута послов вблизи друг от друга говорит повторение частицы (ثم) ‘там’, ‘потом’, употребляемой у Абд аз-Захира в своем первом значении, что проясняется из следующего затем текста. Она указывает на близкую локализацию объектов: «там они отправились в путь к Кустантинии в двадцатый день того (месяца рамадана), и [там] от нее к Истанбули». В отличие от находившихся «там» объектов, отправка морем в Дафнисию от Истанбули состоялась «и от нее» (ومنها).

В Лондонской рукописи Абд аз-Захира вместо пропущенного «[[Тук Буга, и] службу, и при ней ездовых лошадей, то есть почту. И название этой земли]» (يعنى البريد واسم هذه الارض) [طوقبغاو] [طوقبغاو] [طوقبغاو] находится «В поселении (деревне), название её» (قرية اسمها) (في), не согласующееся грамматически со следующим – «Крым; она населена...». Почему в заполнении пропуска была произведена замена «земли» на «поселение», объяснимо

упоминанием далее ‘этого поселения’ (هذه القرية)¹, до которого переход от берега составляет один день. Вероятно, вставка сделана переписчиком, попытавшимся восстановить смысловую связность текста после пропуска его предшественником значительного фрагмента или утраты его по какой-то причине, а в восстановлении он руководствовался сохранившимся, следующим далее текстом с упоминанием «поселения». Важно отметить, что в оригинальном описании Абд аз-Захира название Крым относилось к понятиям ‘земля, страна’, в то время как название поселения или деревни, располагавшейся при почтовой станции-каравансарае, не упоминается. По своему местоположению под видимой со стороны Дафниси (Феодосии?) горой и расстоянию от берега в один день пути – это Солхат, каравансарай которого был предтечей города, а признаком урбанизации оседлого населения его округа является его многонациональность (кипчаки, аланы, русские).

¹ Рассуждения Д. Р. Зайнудинова о том, что القرية обозначает крупный населенный пункт не убедительны, а приводимая им в доказательство собственная интерпретация перевода Корана (Йусуф 12/82) «под селением имеется в виду Египет» [21, с. 23] – тем более.

СВЕДЕНИЯ ЕГИПЕТСКОГО ХРОНИСТА АБД АЗ-ЗАХИРА
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИСТОРИИ КРЫМА ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIII В.

Таблица 1 (начало). Сравнение текстов Лондонской рукописи Абд аз-Захира (1), эль-Фората, ал-Иунини (3) и эль-Муф ад-Даль (5) и реконструкция оригинального текста Абд аз-Захира (8). Тонировкой выделены различия.

Абд аз-Захир [26, с. 54]	Абд аз-Захир (Перевод В. Г. Лизенгауэна)	эль-Форат (и ал- Иунини) [26, с. 54, пр.]	эль-Форат (Перевод В. Г. Лизенгауэна)	эль-Муф ад-Даль [60, с. 180-181, 68, р. 457-458]	эль-Муф ад-Даль (Перевод В. Г. Лизенгауэна)	эль-Муф ад-Даль (Перевод Е. Блоч)*	Реконструкция оригинального текста рукописи Абд аз-Захира
1	2	3	4	5	6	7	8
اجتماع الرسال	Встретились послы (эти)	اجتماع الرسال	Встретились послы (эти)	اجتماع الرسال الملك الظاهر بالملك كذمر وافى طريقهم الملك	Послы Эльмелик-Эззахы- ра на пути своем пробыли у царя	послы ал-Мелик Аз- Захира, прежде чем встретиться с парем Берек, отправились в свое путешествие к царю	اجتماع الرسال
بالاشكري في ابيه	с Ласкарисом в Ании,	بالاشكري في ابيه	с Ласкарисом в Ании,	الاشكري في مدينة ابيه	Ласкариса в городе Ание,	Ласкарису, в город Айна;	بالاشكري في ابيه
ثم رحلوا الى القسطنطينية	потом доехали до Константинополя	ثم رحلوا الى القسطنطينية	потом доехали до Константинополя	ثم رحلوا الى القسطنطينية	Потом ехали до Константинополя	они отправились в Константинополь	ثم رحلوا الى القسطنطينية
في عشرين يوما	в 20 дней.	في عشرين يوما	в 20 дней.	في مدة عشرين يوما	в течение 20 дней,	через двадцать дней,	في عشرين يوما (شهر رمضان)
ومنها الى صطنبول	Оттуда (они отправились) в Истамбул,	ومنها الى صطنبول	Оттуда (они отправились) в Истамбул,	ثم منها الى سطنبول	оттуда отправились в Истамбул,		و [ثم منها الى سطنبول
ومنها الى دفسيا	а отсюда в Дефисию,	ومنها الى دفسيا	а отсюда в Дефисию,	ومنها الى دفسيا	а отсюда в Дакситу,	а отсюда в Дакситу,	ومنها الى دفسيا
وهي ساحل السودان	т.е. на Сулакское поморье	وهي ساحل السودان	т.е. на Сулакское поморье	وهي ساحل سوداق	т.е. на берег Сулакский	Что на берегу Сулакского моря.	وهي ساحل السودان
من جهة الاشكري	со стороны Ласкариса.	من جهة الاشكري	со стороны Ласкариса.	—	—	—	من جهة الاشكري
ثم ركبوا في البحر الى البر	Затем они пере- правились морем на другой	ثم ركبوا في البحر الى البر	Затем они пере- правились морем на другой	—	—	—	ثم ركبوا في البحر الى البر
الاخر ومسيرته ما بين	берег. Переезд этот продолжается	الاخر ومسيرته ما بين	берег. Переезд этот продолжается	—	—	—	الاخر ومسيرته ما بين
العشرة ايام الى يومين	от 10 до 2-х дней.	العشرة ايام الى يومين	от 10 до 2-х дней.	—	—	—	العشرة ايام الى يومين

Таблица 1 (продолжение). Сравнение текстов Лондонской рукописи Абд аз-Захира (1), эль-Фората, ал-Йунини (3) и эль-Муф ад-Дала (5) и реконструкция оригинального текста Абд аз-Захира (8). Тонировкой выделены различия.

1	2	3	4	5	6	7	8
—	—	بريح طيبة	при попутном ветре.	—	—	—	بريح طيبة
ثم طلعو الى جبل يعرف بسوداق	Потом они взобрались на гору, называемую Судак.	ثم طلعو الى جبل يعرف بسوداق	Потом они взобрались на гору, называемую Судак.	—	—	—	ثم طلعو الى جبل يعرف بسوداق
فاتقاهم الولي بتلك الجهة	(здесь) встретил их правитель этого края	فاتقاهم الولي بتلك الجهة	(здесь) встретил их правитель этого края	فاتقاهم الولي بتلك الجهة	там встретил их правитель того края	Губернатор этого района,	فاتقاهم الولي بتلك الجهة
—	—	—	—	واسمه طا يوق وعنده خيل البيلاقي يعنى البريد واسم هذه الارض	по имени Таюк, у которого были лошади колак, т.е. почтовые. Имя этой земли	которого звали Таюк, выпел им навстречу, с ним были лошади йулак, то есть почты. Название этой земли	اسمه اطوق يعاوطا يوق وعنده خيل البيلاقي يعنى البريد واسم هذه الارض
في قرية اسمها	в местечке	في قرية اسمها	в местечке	—	—	—	—
القرم يسكنها عدة	Крым, которое населяют люди разных	القرم يسكنها عدة	Крым, которое населяют люди разных	القرم ويسكنها عدة	Крым; обитает ее множество	Крым; в этом районе проживает определенное количество	القرم يسكنها عدة
اجناس	наций,	اجناس	наций,	—	—	—	اجناس
من القفقاق والروس ولعلائ ومن الساحل الى هذه القرية مسيرة يوم واحد	как то: Кипчаки, Русские и Алшаны. Пересзд от берега до этой деревни (продолжается) один день.	من القفقاق والروس ولعلائ ومن الساحل الى هذه القرية مسيرة يوم واحد	как то: Кипчаки, Русские и Алшаны. Пересзд от берега до этой деревни (продолжается) один день.	من القفقاق والروس ولعلائ ومن الساحل الى هذه القرية مسيرة يوم واحد	Кипчаков, Русских и Алшан. От берега до этого места один день езды.	кипчаков, русских и алшан; от берега моря расстояние до этого поселка один день пути	من القفقاق والروس ولعلائ ومن الساحل الى هذه القرية مسيرة يوم واحد
ثم سارو من القرم	Из Крыма	ثم سارو من القرم	Из Крыма	ثم سارو	Потом они ехали	Затем послаы отправившись	ثم سارو من القرم
الى برية يوما واحدا فو	они в один день досехали до степи,	الى برية يوما واحدا فو	они в один день досехали до степи,	الى يوم اخر فو	степью другой день	на другой день;	الى برية يوما واحدا فو
جدوا بها مقدم	где застали начальника	جدوا بها مقدم	где застали начальника	جدوا مقدما اخر اسمه طوق يعا وهو مقدم	и наши другого начальника, по имени Тукбуга. Он начальствует	затем они нашли другого вождя, по имени Гоктога, который был командиром	جدوا بها مقدم

Таблица 1 (окончание). Сравнение текстов Лондонской рукописи Абд аз-Захира (1), эль-Фората, ал-Йунини (3) и эль-Муф ад-Далы (5) и реконструкция оригинального текста Абд аз-Захира (8). Тонировкой выделены различия.

1	2	3	4	5	6	7	8
عشرة آلاف فارس	десяти тысяч всадников	عشرة آلاف فارس	десяти тысяч всадников	عشرة آلاف	над десятком тысяч (воинов)	10.000 человек	عشرة آلاف فارس
حاكما على تلك الجهات	управлявшего этим краем.	حاكما على تلك الجهات	управлявшего этим краем.	وهو الحاكم على تلك الجهات جميعها	и был правителем всего этого края.	и который привил всеми этими странами	حاكما على تلك الجهات
ثم ساروا عشرين يوماً	Затем они 20 дней ехали	ثم ساروا عشرين يوماً	Затем они 20 дней ехали	ثم ساروا وعنه امسيرة عشرين يوماً	Затем они ехали от него 20 дней		ثم ساروا عشرين يوماً
في صحراء عامرة بالخيرات	по равнине, на которой находились паштры	في صحراء عامرة بالخيرات	по равнине, на которой находились паштры	في صحراء عامرة بالخيرات	по равнине, заселенной паштрами.		في صحراء عامرة بالخيرات
ولاغنام إلى بجراتل	и овечьи стада, до реки Игиль.	ولاغنام إلى بجراتل	и овечьи стада, до реки Игиль.	ولاغنام ولمواسي إلى نهر النيل	овцами и стадами, до реки Игиль.		ولاغنام إلى بجراتل
وهو بجر حلو سبعة سعة	Эта река пресноводная, ширинного	وهو بجر حلو سعة سعة	Эта река пресноводная, ширинного	وهو نهر حلو سبعة سعة	Это пресноводная река, ширинного в		وهو بجر حلو سبعة سعة
بجر النيل وفيه مراكب	в реку Нил; по ней (ходят) суда	بجر النيل وفيه مراكب	в реку Нил; по ней (ходят) суда	نيل مصر وفيه مراكب	Нил Египетский, по ней (плавают) суда		بجر النيل وفيه مراكب
الروس ومنزلة الملك بركة	Русских, а на берегу ее местопребывание царя Берке	الروس ومنزلة الملك بركة	Русских, а на берегу ее местопребывание царя Берке	الروس وهم منزلة الملك بركة	Русские и тут местопребывание царя Берке.		الروس ومنزلة الملك بركة

* ... les ambassadeurs d'al-Melik az-Zahir, avant de se rencontrer avec le roi Berké, se rendirent au cours de leur voyage chez le roi Lascaris, dans la ville d'Aima; consulte, en vingt jours, ils allèrent à Constantinople, et, de là, à Daksaita, que est sur le rivage de la mer de Soudak. Le gouverneur de ce district, qui se nommait Taouk, se porta au-devant d'eux; il avait avec lui les chevaux du yolagh, c'est-à-dire de la poste. Le nom de cette terre est la Crimée; elle est habitée par un certain nombre de Kefthaks, de Russes, d'Alains; du rivage de la mer à ce bourg, il y a la distance d'une journée de chemin. Les ambassadeurs marchèrent ensuite jusqu'à un autre jour; ils trouvèrent alors un autre chef, nommé Toktogha, qui était commandant de 10.000 hommes, et que gouvernait tous ces pays [69, p. 456-458; 74, p. 114-116].

стороне (الجهة), и имя его (واسمه) [[Тук Буга, и] ([طوق بغا و]) службу (طابوق)³, и при ней (وعنده)⁴ ездовых лошадей (خيال الیولاق)⁵, то есть (یعنی) почту (البرید)⁶. И название (واسم)⁷ этой (عدة) земли (الارض)⁸ <...>¹⁰ Крым (القرم), ее населяет (یسکنها) некоторое число народностей (اجناس) из (من) эль-кипчак (القبقاق) в.м. (القبقاق), и ар-рус (والروس), и ал-аллан (والعلان), и от берега (ومن الساحل) до этого поселения (الى هذه القرية) перехода (مسيرة) один день (يوم واحد). Там (ثم), они двигались (ساروا)¹¹ через Крым (من القرم) к степи (الى برية) один день с тем (یوما واحد), чтобы они встретили (فوجدوا)¹² в ней (بها) (земле Крым – В.С.) <...>¹³ командующего (مقدم) десятью тысячами (عشرة آلاف) всадников (فارس) губернатора (الجهات) тех (تلك) сторон (حاکما علی).

‘Сошлись послы у Лашкариса в его Ани, там они отправились в путь к Кустантинии в двадцатый день того (месяца рамадана) (662 г.х. – В.С.), и [там] от нее к Истанбули, от нее к Дафниси, и она – берег Судака относительно (берега) Лашкариса. Там они плыли в море к другому матеруку, и этот переход продолжается от десяти дней до двух дней [в лучшую пору он улучшается]. Там они отправились к горе, узнаваемой у Судака, чтобы нашли они правителя в той стороне, и имя его [[Тук Буга, и] службу, и при ней ездовых лошадей, то есть почту. И название этой земли] Крым, ее населяет некоторое число народностей из эль-кипчак, и ар-рус, и ал-аллан, и от берега до этого поселения перехода один день. Там, они двигались через Крым к степи один день с тем, чтобы они встретили в ней (земле Крым – В.С.) < ... > командующего десятью тысячами всадников губернатора тех сторон’.

«1) – إلتقی VIII – (لقایة، لقاء، لقیان، تلقاء، لقاء – لقی) [6, с. 577, пр., ст. 1 сн.]; «3) – ف... ف; «встречать», «находить» (кого-л.)» [6, с. 728, л., ст. 2-1 сн.].

² وال – ‘правитель’, ‘представитель власти’; ‘губернатор’, ‘вали’ [6, с. 912, пр., ст. 9-8 сн.].

³ طابوق тюркск. ‘служба’; tabuq kıde – ‘исполнять службу’ [76, S. 1268].

⁴ عند – ‘у’, ‘при’; ‘близ’, ‘около’; ‘во время’ [6, с. 544, л., ст. 18].

⁵ خیل ж. мн. خیول – ‘лошади’ [6, с. 243, пр., ст. 9]; یولاق – тюркск. ‘ездовое’ (животное) Ср.: اولاق – ‘далекий’, ‘удаленный’, اولاقماق – ‘удаляться’, ‘ездить’, ‘садиться на лошадь’, ‘путешествовать’; اولاغ – ‘ездовое животное’ [83, S. 226].

⁶ برید – «2) ‘почта’» [6, с. 65, л., ст. 14 сн.].

⁷ اسم – ‘имя’; ‘название’ [6, с. 375, пр., ст. 15].

⁸ أرض ж. – «1) ‘земля’, ‘суша’... 3) ‘территория’; 4) ‘страна’...» [6, с. 31, л., ст. 7-2 сн.].

⁹ У Абд аз-Захира вместо восстанавливаемого пропуска находится «В поселении (деревне), название её» (في قرية اسمها), грамматически не согласующееся со следующим «Крым; она населена...».

¹⁰ قرية мн. قرى – ‘поселение, деревня, село’ [6, с. 636, л., ст. 6].

¹¹ سار (u) سار (سیر) – «1) идти, ходить; двигаться, передвигаться; совершать марш; отправляться...» [6, с. 386, л., ст. 18-17 сн.].

¹² وجد – «1) ‘находить’, ‘отыскивать’; 2) ‘наталкиваться’, ‘встречать’; 3) ‘достигать’ [6, с. 873, пр., ст. 11-13].

¹³ У Абд аз-Захира вставка переписчика: ‘имя его (اسمه) Тук Буга (طوق بغا) и он (هو)’.

¹⁴ حاکما علی = перс. حاکم اعلى – ‘губернатор’ [40, с. 278 пр., ст. 8]. Замену в Египте при мамлюках арабских названий должностей персидскими констатировал без объяснения В. В. Бартольд.

Почтовая станция, которую в конце первого дня пребывания в Крыму должны были найти послы, находилась в однодневном пути от Дафнисии (Феодосии?), под горой «у Судака», которая была «узнаваемой» путниками и служила ориентиром их маршрута. Такой горой, заметной с побережья у современной Феодосии, мог быть Агармыш с расположенным у его подножия золотоордынским Солхатом (современным Старым Крымом). Горный массив Агармыша составляют собственно Агармыш (722, 5 м над уровнем моря), Агармышок или Малый Агармыш (665м), Шпиль (491м), Фантальная (413м), Бойченко (425м). В массив входит прежде возвышавшийся Таз-Агармыш (Лысый Агармыш), в настоящее время отчасти уничтоженный карьером. Протяженность массива – 8 км. Представляющий собой крайнюю восточную часть внутренней гряды Крымских гор, он хорошо выделяется на горизонте как ориентир для направления маршрута движения путников со стороны Феодосии (Каффы). Местоположение Солхата (современного Старого Крыма) у подножия Агармыша у дороги, ведущей к нему с восточной стороны, подсказывает, что именно этот пункт являлся конечным для первого дня движения путников.

Заданное слитным предлогом **ف** сослагательное наклонение нивелирует окончание глагола, выражающего задачи посольства на земле Крым – 1) встретить начальника (губернатора) всех «сторон» (не менее трех: **الجبهات** – множ. число!) Тук Бугу; 2) найти почтовую станцию с ездовыми лошадьми. Две части составляют и действия, совершавшиеся в обратной последовательности: первый день – переход к почтовой станции-каравансараю, второй – встреча с Тук Бугой. Каузативная VIII породе глагола **إلتقى** ('встречать', 'находить' *кого-л.*) [6, с. 728, л., стт. 2-1 сн.] свидетельствует о выполнении этих задач, не требующем каких-либо дополнительных подтверждений.

Название города Солхата, получившего его, по-видимому, от названия каравансарая, переключается с делением владений Тук Буги (Тука Тимура) на «стороны», подкрепляя высказывавшееся А. Я. Гаркави [15, с. 55] и поддержанное А. Л. Бертье-Делагардом [8, с. 99] предположение, что в названии «Солкат» тюркские составляющие переводятся: «сол» как 'левый, левая' [18, с. 508] и «кат» – 'сторона' [61, с. 335]. В южной ориентации монголов и тюрков по сторонам света «левая» обозначает «восток» [7, с. 27], следовательно, «Солкат», как предполагалось, может переводиться как «Восточная сторона» [17, с. 25]. Это уточнение осталось незамеченным среди – выражаясь словами О. И. Домбровского – «блеска и нищеты крымской топонимики». Тюркской передачи названия «Солкат» неизвестно. На медных монетах Солхата (по написанию имени хана датируются 690-693 г. х.) оно пишется по-арабски Солхат (**سلحات**), у Абуль-Фиды – Солгат (**صلغات**) [30, с. 96-97, 102], в биографии султана эль-Малик ан-Насира неустановленного автора упоминается пребывание в Египте для совершения хаджа в 741 г.х. (27.06.1340-16.06.1341 г.) Сейф ад-Дина Солгата (**صلغات**), зятя крымского наместника Мелик Темира [53, с. 260]. Здесь отмечается переход в арабском языке «ḫā» в «ḡāйн», но непосредственная, прямая трансформация тюркского «к» в них едва ли возможна. В сокращенной редакции «Сельджук-наме» Ибн ал-Биби сообщается, что Берке пожаловал освобожденному им из плена Изз ад-Дину Кей-Кавусу «Солхад и Сутақ» [47, с. 26]. Персидское написание названия Солхата, очевидно, наиболее близко тюркскому. В древнетюркском словаре находится **حاد** ḥad

‘предел’, ‘край’, ‘конец’ [18, с. 198], которое могло сыграть свою роль в словообразовании Солхата, получившего в видоизмененном арабском написании окончание именительного падежа правильного множественного числа женского рода. Со значением «восточные украинцы», сравнимым с летописными «украинами Польши» (подразумеваемыми как восточные), название Солхата могло иметь значение «восточной стороны» Крымского улуса Тука Тимура. Такое объяснение названия Солхата согласуется с сообщением Абд аз-Захира о «сторонах» Крыма, правителем которых являлся встреченный посольством Тук Буга (Тука Тимур).

Каравансарай Солхата

Летом 1886 г. в Старом Крыму находился В. Д. Смирнов, посетивший его с целью изучения исторических памятников [41, с. 115–116]. О старокрымском каравансарае (Рис. 1 – 2) в статье «Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 г.» он пишет: «Высота стен, углубления в стенах снаружи, предназначенные для укрепления балок, на которые лепятся обыкновенно чердаки, т.е. летние деревянные чуланчики, заменяющие наши номера гостиниц, близость здания к той части города, где должен был находиться главный выезд из него возле Камаль-ата, за которым лежит сейчас деревня Тамгаджа, так называемая потому, что тут производился досмотр и клеймение всех ввозившихся в город товаров, – все это склоняет к мысли, что это был не ханский дворец, а караван-сарай. На краю западной стороны этого громоздкого здания слева находилась квадратная, точно будто башня, пристройка и брешь между ней и стеной, как будто похожая на ворота, сквозь которые виднелась внутренняя сторона северной части строения. Но так как южной стены совсем не существовало, ибо она разрушена обывателями, то и нельзя теперь сказать, где был вход в Хан-Сарай. Старожилы сообщали, что ворота находились на юго-западном углу здания и были украшены резными косяками; но теперь всего этого и следов нет. Есть неподалеку около одного дома огромный, в сажень и более, камень, весь испещренный резьбою и служащий ныне скамейкою для собеседничества соседей с хозяевами дома. Он-то, можно думать, и составлял некогда принадлежность какой-нибудь строительной части Хан-Сарая, и всего скорее – ворот. Площадь этого здания, имеющая около ста саженей в окружности, представляет неправильную форму параллелограмма, у которого один угол скошен в виде сегмента» [52, с. 283].

Посещая вскоре за В. Д. Смирновым Старый Крым по поручению Таврической ученой архивной комиссии А. И. Маркевич обнаруживал угнетающе печальное состояние руин «т. наз. Хан-сарая, т.е. дворца, которые профессор Смирнов считает скорее развалинами просто огромного хана, т. е. караван-сарая» [38, с. 72]. В следующей своей поездке, предпринятой по заданию той же комиссии с целью составления списка достойных сохранения памятников, А.И.Маркевич почти дословно повторяет описание каравансарая, «известного у местных жителей под названием *хан-сарай*», замечая: «Эти внушительные развалины носят явные следы недавнего расхищения, а внутри стен производятся неведомыми людьми раскопки» [39, с. 126].

Разрушения памятников Старого Крыма в начале XX в. отмечал Л. П. Колли, сокрушавшийся по поводу пренебрежительного отношения к ним местных жителей: «В течение 2000 лет, служа пристанищами столь многочисленным и различным, следовавшим друг за другом народам, бывшие некогда предметами нежных забот властителей и правителей страны, эти места, особенно Старый Крым, в наше время почти безмолвны для обозрителя и археолога... В Старом Крыму кое-где, в трех-

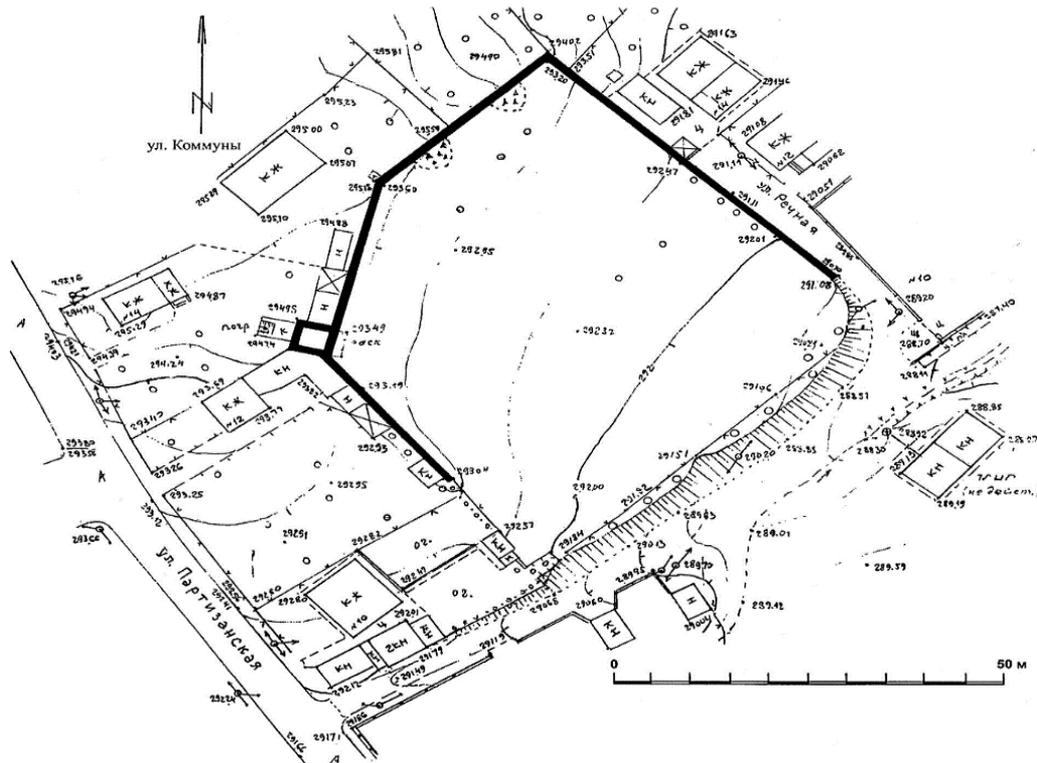

Рис. 1. Топографический план остатков стен каравансарая в Старом Крыму (по А. В. Гаврилову и В. В. Майко [14, с. 151]).

Рис. 2. Современное состояние внутренней стороны стен каравансарая в г. Старый Крым [14, с. 153].

четырёх, не более, местах торчат жалкие остатки некогда блестящих общественных зданий. Тщетно, даже с планом в руках, отыщите теперь следы мечетей и джами, каравансарая, ханского монетного двора, громадного на холме со стороны Феодосии мусульманского монастыря Кемаль-Ата и других зданий эпохи царствования гордых Гиреев» [29, с. 10]. Вторично посетивший в 1903 г. Старый Крым В. Д. Смирнов поделился с сопровождавшим его еще в первой экскурсии Л. П. Колли своими впечатлениями о разрушениях памятников, произошедших после 1886 г.: «Увы! Из всего нами виденного почти ничего не осталось. Все уничтожено!». О том же свидетельствует и сам Л. П. Колли: «Все памятники татарской эпохи в Старом Крыму уничтожены. Одна мечеть Узбека хана еще стоит, отчасти реставрированная благодаря заботам Императорской археологической комиссии. На месте бывших исторических развалин разведены фруктовые сады, построены дома, дачи, статья для старокрымских обывателей более выгодна, чем какие-то стены каких-то зданий времени крымских ханов» [29, с. 11].

В 1925–1926 гг. в Старом Крыму проводились археологические исследования экспедицией Крымсовнаркома, Крымцика и Научной Ассоциации Востоковедения Союза ССР под руководством И. Н. Бороздина. В предварительном отчете о работах в 1925 г., сопровождавшимся составленным экспедицией планом города Старого Крыма с обозначением памятников (Рис. 3), он писал: «Одна из археологических разведок была предпринята на территории так называемого караван-сарая, расположенного на южном склоне современного города. Остатки стен неуклюжего и громоздкого пятиугольного сооружения с башнеобразными пристройками охватывают огромное пространство в 2500 кв. метров» [11, с. 17]. И. Н. Бороздин сообщал, что значительный нумизматический материал, датируемый концом XIII – XIV в., и эпиграфические памятники были подвергнуты обследованию О. Акчокраклы [11, с. 36]. К сожалению, монеты, найденные при раскопках каравансарая, как, впрочем, и других объектов, остались неопубликованными. Они были представлены в числе других экспонатов на выставке Музея восточных культур в 1927 г. [13]. Как считается, полных и подробных отчетов Старокрымской экспедиции не сохранилось, но, очевидно, их и не существовало. В качестве них выступали издания предварительных отчетов [11; 12] и публикации в статьях, журнальных и газетных заметках [37, с. 98, пр. 99]. Такая практика отчетности привела к тому, что на запрос о предоставлении в ГАИМК отчета о проводившихся в Старом Крыму работах 1928 г. по открытому листу, выданному У. Боданинскому, им были присланы отгиск статьи из ИТОИАЭ о результатах раскопок на Чуфут-Кале [9] и полевой дневник тех же раскопок [37, с. 136]. Нерезультативность новой экспедиции в научном составе У. Боданинского, О. А. Акчокраклы, П. И. Голландского и Н. Л. Эрнста, работы которой ограничивались расчистками вымостки в медресе и сборами материалов, несомненно, связана с отстранением от активного участия в ней архитектора П. И. Голландского, удостоенного за археологические работы в Старом Крыму наградным кожаным портфелем с золотой пластиной [4, с. 56; 43, с. 27], а после крупного землетрясения 1927 г. плотно приступившего к работе по охране и реставрации архитектурных памятников

Крыма. В книге Э. Б. Петровой отражена незаменимая роль П. И. Голландского в раскопках 1925–1926 гг., где он исполнял обмерные чертежи, делал зарисовки находимых при раскопках архитектурных деталей и непосредственно руководил работами, постоянно находясь на раскопе [43]. Восемь из десяти чертежей экспедиции 1928 г. составлены по прежним (1925–1926 гг.) обмерам П. И. Голландского, общий план повторяет его обмерный – 1926 г. и только план зачищавшегося в 1927 г. плиточного настила двора выполнен Н. Л. Эрнстом [37, с. 102, 132–135]. В конце 1928 г. Главнаукой Наркомпроса был затребован подробный отчет о потраченных средствах и проведенных в 1928 г. работах. В марте 1929 г. в ответ на этот запрос были отправлены «Отчет о раскопках медресе», акты осмотра раскопа в августе 1928 г., «Отчет об организационно-финансовой части», опись эпитафических памятников, чертежи (на 10 листах) и 46 фотографий [37, с. 136]. Поступившая в Главнауку рекомендация ГАИМК недвусмысленно отражала неэффективность и затянувшийся характер работ, «которые не могут быть начаты, чтобы не быть законченными», и включала пожелание завершить их изданием монографии. Реальным результатом работ экспедиции 1928 г. явилась опубликованная в 1929 г. статья О. А. Акчокраклы, посвященная эпитафическим памятникам Солхата [2]. В 1930-х гг. начались политические преследования участников экспедиции, в том числе и Османа Акчокраклы – как члена первого крымскотатарского курултая. В 1934 г. он предусмотрительно переехал к сестре в Баку и какое-то время проживал там. Но 4 апреля 1937 г. был арестован, этапирован в Симферополь и 17 апреля 1938 г. расстрелян.

Экспедицией 1925 г. на не засаженных табаком участках внутренней площади каравансарая, занятых под картофель и ставших доступными для раскопок после их освобождения от посадки, были заложены две траншеи 20х2 м и 8х2 м при глубине от поверхности до 2,3 м [11, с. 18, рис. 7–8]. Обобщенное описание раскопок в отдельных моментах расходится с полевыми чертежами (планы и продольные разрезы) траншей, выполненными П. И. Голландским и снабженными пояснением характера стратиграфических отложений (Рис. 4) [11, с. 18, рис. 6; 37, с. 104]. Так, остатки вымостки между слоями 2 и 3 изображены в первой (длинной) траншее, а не во второй, как описывает И. Н. Бороздин. Он не отмечает горизонтальную нивелировку материка, отраженную на чертеже разреза первой траншеи, а выступающие на поверхности материка платформы считает глиняными утрамбованными постаментами, тогда как на чертеже П. И. Голландского они уверенно отнесены к матерiku, в котором рядом с двумя из этих трех подпятников, расположенных в линию на примерно равных расстояниях, находились две ямы, одна – с углем и землей, другая – зольная. Важным является наблюдение: «Упор траншеи в стену дал возможность обследовать конструкцию кладки фундамента стены, который был слегка врезан в материк на 0,10–0,15 м» [11, с. 22]. Не получив надежной даты строительства, экспедиция 1925 г. открыла нахождение стены на нивелированном материковом основании и связь с нею подпятников опор деревянных конструкций каравансарая.

**СВЕДЕНИЯ ЕГИПЕТСКОГО ХРОНИСТА АБД АЗ-ЗАХИРА
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИСТОРИИ КРЫМА ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIII В.**

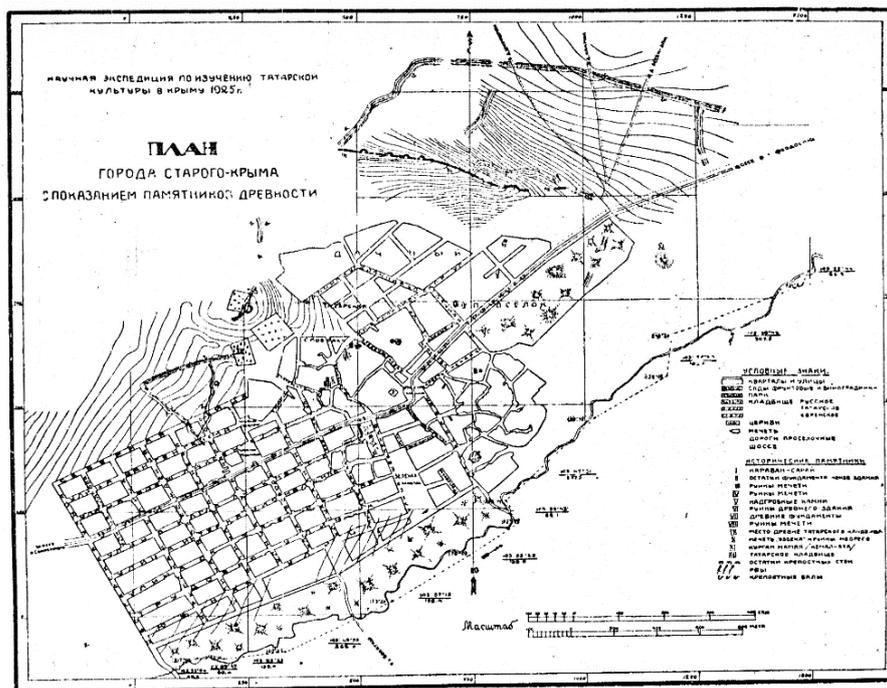

Рис. 3. План города Старого Крыма, составленный археологической экспедицией Крымсовнаркома, Крымцика и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 г. [11, с. 5].

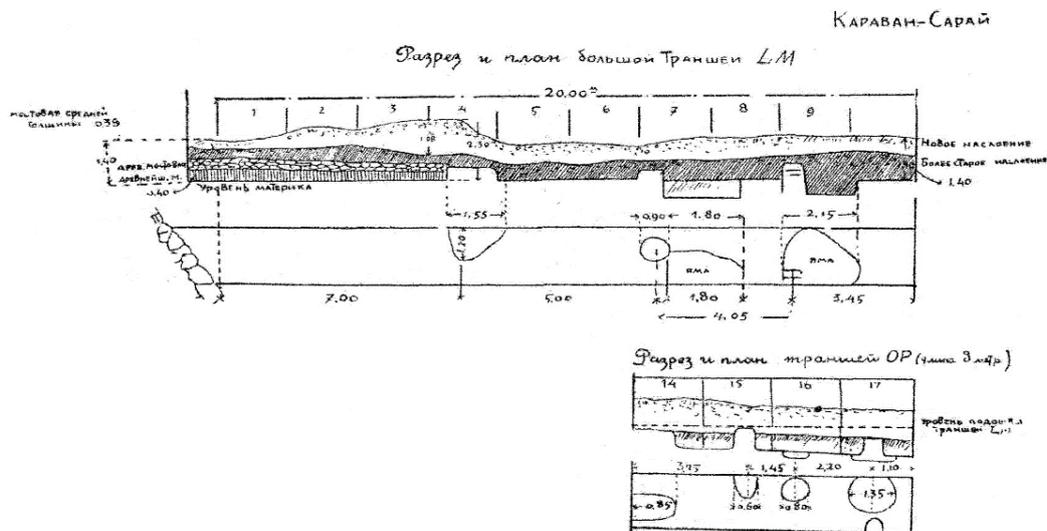

Рис. 4. Планы и разрезы двух траншей, заложенных археологической экспедицией Крымсовнаркома, Крымцика и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925г. на территории каравансарая в Старом Крыму. Рисунок П. И. Голландского [11, с. 18].

Начиная с 1987 г. в Старом Крыму проводились раскопки археологических памятников экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством М. Г. Крамаровского. В 1992–1994 гг. ею исследовался производственный комплекс на территории каравансарая [31, с. 21–22; 32; 33; 34, с. 158]. Более тщательное, чем у И. Н. Бороздина, осуществление земляных работ с зачисткой поверхностей позволили исследователю зафиксировать на материке следы деревянных брусьев настила, относящегося к ранним деревянным постройкам [31, с. 22].

Раскопками Старокрымской экспедиции 1992–1994 гг. внутри стен каравансарая открыты остатки мастерской, принадлежавшей, по мнению исследователя, стекольщикам и датируемой, как и весь вскрытый раскопками производственный комплекс, началом XIV в. [31, с. 22; 34, с. 158; 35, с. 19]. Археологическими исследованиями выявлено три этапа «обживания» участка внутри стен хана (караван-сарая), из которых самый ранний отнесен к концу XIII – первым двум десятилетиям XIV вв. Нумизматический материал из раскопок каравансарая не исследовался в силу недостаточной изученности самих монет, и монетные находки, таким образом, не привлекались для датировки памятника, опиравшейся на археологические материалы раскопок.

В центре юго-западной стены каравансарая при раскопках Старокрымской экспедиции 1992–1994 гг. была обнаружена ниша размерами 1,4 x 0,84 м, находившаяся над уровнем древнего пола. По мнению исследователя, она служила хранилищем [34, с. 157]. Трудно не обратить внимания на ее положение в стене, обращенной на юго-запад (абсолютное направление на Мекку), и исключать ее михрабную функцию для небольшой мечети в одной из примыкавших к каменной кладке деревянных построек хана. Возможно, о строительстве этой наиболее ранней из мечетей сообщает надпись 1262 г. на песчаниковой плите, в настоящее время хранящейся в Центральном музее Тавриды. Тем же 1262 годом датируется рукопись перевода Корана на турецкий язык, которая, по мнению И. В. Зайцева, могла быть написана в Крыму [24, с. 104, пр. 71].

Появление населенного пункта, представлявшего собой каравансарай и почтовую станцию с располагающимся вблизи нее поселением, очевидно, было связано с функционированием нового порта в Каффе и нового торгового пути. Существование в 1264 г. портовой гавани в Каффе отражено Абд аз-Захиром, но можно предполагать, что и порт, и почтовая станция на расстоянии дня пути от него существовали годом-полтора годами ранее, когда послы эмир Джелал ад-Дин, сын эль-Кади Димишки, и шейх Нур ад-Дин Али со свитой направлялись отсюда к султану с вестью о принятии мусульманства Берке и возведению этой религии в ранг государственной для Золотой Орды.

Список использованных источников и литературы

1. Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана. Перевод и предисловие Г.С.Саблукова, с послесловием и примечаниями Н.Ф.Катанова / Известия Общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском университете. Том XXI, выпуск 5–6. – Казань, 1906. – XII+240 с.
Abul'-Gazi. Rodoslovnoe drevo tyurkov. Sochinenie Abul'-Gazi, Hivinskogo hana. Perevod i predislovie G.S.Sablukova, s poslesloviem i primechaniyami N. F. Katanova / Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom Universitete. Tom XXI, vypusk 5–6. – Kazan', 1906. – XII+240 s.
2. Акчокраклы О. Старо-Крымские надписи по раскопкам 1928 года // *Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии*. 1929 (1). Т. 3(60). – Симферополь. С. 152–159.
Akchokrakly O. Staro-Krymskie nadpisi po raskopkam 1928 goda // *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arheologii i etnografii*. 1929 (1). T. 3(60). – Simferopol'. S. 152–159.
3. Алексеев А. К. Политическая история Тукай-Тимуридов: по материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-Асрар. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2006. – 229с.
Alekseev A. K. Politicheskaya istoriya Tukaj-Timuridov: po materialam persidskogo istoricheskogo sochineniya Bahr al-Asrar. – Spb: Izd-vo SPbGU, 2006. – 229s.
4. Антонюк А. А. Павел Иванович Голландский: штрихи к историческому портрету // Историческое наследие Крыма. 2007. № 18. С. 53–62.
Antonyuk A. A. Pavel Ivanovich Gollandskij: SHtrihy k istoricheskomu portretu // *Istoricheskoe nasledie Kryma*. 2007. № 18. S. 53–62.
5. Байпаков К. М., Настич В. М. Клад серебряных вещей и монет XIII в. из Отрара // Казахстан в эпоху феодализма. – Алма-Ата, 1981. С. 20–62.
Bajpakov K. M., Nastich V. M. Klad serebryanyh veshchey i monet XIII v. iz Otrara // *Kazahstan v epokhu feodalizma*. – Alma-Ata, 1981. S. 20–62.
6. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. Изд. шестое, стереотипное. – М.: «Русский язык», 1985. – 944 с.
Baranov H. K. Arabsko-russkij slovar'. Izd. shestoe, stereotipnoe. – M.: «Russkij yazyk», 1985. – 944 s.
7. Бартольд В. В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов // Бартольд В. В. Сочинения. Т. IV. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. – М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1966. С. 26–27.
Bartol'd V. V. K voprosu o pogrebal'nyh obryadah turkov i mongolov // *Bartol'd V. V. Sochineniya*. T. IV. Raboty po arheologii, numizmatike, epigrafike i etnografii. – M.: «Nauka»; Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1966. S. 26–27.
8. Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК.. – Симферополь, 1920. № 57. С. 1–135.
Bert'e-Delagard A. L. Issledovanie nekotoryh nedoumennyh voprosov srednevekov'ya v Tavride // *ITUAK*. № 57. – Simferopol', 1920. S. 1–135.
9. Боданинский У. А., Засыпкин Б. Н. Чуфут-Кале (По материалам раскопок 1928-29 гг.) // ИТОИАЭ. Т. 3(60). Симферополь, 1929. С. 170–183.
Bodaninskij U. A., Zasytkin B. N. SHufut-Kale (Po materialam raskopok 1928-29 gg.) // *ITOIAE*. T. 3(60). Simferopol', 1929. S. 170–183.
10. Бойл Дж. Э. Посмертный титул Бату-хана // Тюркологический сборник. Золотая Орда и ее наследие. 2002. С. 28–31.
Bojl Dzh. E. Posmertnyj titul Batu-hana // *Tyurkologicheskij sbornik. Zolotaya Orda i ee nasledie*. 2002. S. 28–31.

11. Бороздин И. Н. Солхат (Предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымсика и Научной Ассоциации Востоковедения Союза ССР в 1925г.). – М.: Издание Научной Ассоциация Востоковедения при ЦИК СССР, 1926. – 32 с.

Borozdin I. N. Solhat (Predvaritel'nyj otchet o rabotah arheologicheskoy ekspedicii Krymsovnarkoma, Krymsika i Nauchnoj Associacii Vostokovedeniya Soyuzha SSR v 1925g.). – M.: Izdanie Nauchnoj Associaciya Vostokovedeniya pri CIK SSSR, 1926. – 32 s.

12. Бороздин И. Н. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму. Работы археологической экспедиции 1926 года. – М.: Искра революции, 1927. – 22 с.

Borozdin I. N. Novye dannye po zolotoordynskoj kul'ture v Krymu. Raboty arheologicheskoy ekspedicii 1926 goda. – M.: Iskra revolyucii, 1927. – 22 s.

13. Бороздин И. Н., Башкиров А. С. Выставка научно-исследовательских работ экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму 1925-1926 гг. Музей восточных культур. – М., 1927. – 8 с.

Borozdin I. N., Bashkirov A. S. Vystavka nauchno-issledovatel'skih rabot ekspedicii po izucheniyu tatarskoj kul'tury v Krymu 1925-1926 gg. Muzej vostochnyh kul'tur. – M., 1927. – 8 s.

14. Гаврилов А. В., Майко В. В. Средневековое городище Солхат-Крым: Материалы к археологической карте города Старый Крым. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. – 212 с.

Gavrilov A. V., Majko V. V. Srednevekovoe gorodishche Solhat-Krym: Materialy k arheologicheskoy karte goroda Staryj Krym. – Simferopol': Biznes-Inform, 2014. – 212 s.

15. Гаркави А. Я. О происхождении некоторых географических названий местностей на Таврическом полуострове // Известия Императорского Русского географического общества. 1876 г., Т. XII, отд. 2. С. 55–58.

Garkavi A. Ya. O proisхоzhdenii nekotoryh geograficheskikh nazvanij mestnostej na Tavricheskom poluostrove // Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. 1876 g., T. XII, otd. 2. S. 55–58.

16. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. 2-е издание. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 592 с.

Grande B. M. Kurs arabskoj grammatiki v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii. 2-e izdanie. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2001. – 592 s.

17. Домбровский О. И., Сидоренко В. А. Солхат и Сурб-Хач. – Симферополь: Таврия, 1978. – 128 с.

Dombrovskij O. I., Sidorenko V. A. Solhat i Surb-Hach. – Simferopol': Tavriya, 1978. – 128 s.

18. Древнетюркский словарь / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. – 676 с.

Drevnetyurkskij slovar' / Red. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak. – L.: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1969. – 676 s.

19. Зайнудинов Д. Р. Арабоязычные источники по истории Золотой Орды: анализ переводов В. Г. Тизенгаузена // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей / Ред. И. М. Миргалеев. Вып. 3. – Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. – С. 110–120.

Zajnuddinov D. R. Araboyazychnye istochniki po istorii Zolotoj Ordy: analiz perevodov V. G. Tizengauzena // Zolotoordynskaya civilizaciya. Sbornik statej / Red. I. M. Mirgaleev. Vyp. 3. – Kazan': ООО «Foliant»; Institut istorii im. SH.Mardzhani AN RT, 2010. – S. 110–120.

20. Зайнудинов Д. Р. Сведения Из ад-Дина Ибн Шаддада (613 г.х./1217 – 684 г.х./1285) о Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация: сборник статей / Ред. И. М. Миргалеев. Вып. 5. – Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 13–20.

Zajnuddinov D. R. Svedeniya Izz ad-Dina Ibn SHaddada (613 g.h./1217 – 684 g.h./1285) o Zolotoj Orde // Zolotoordynskaya civilizaciya. Sbornik statej / Red. I. M. Mirgaleev. Vyp. 5. – Kazan': OOO «Foliant»; Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2012. S. 13–20.

21. Зайнуддинов Д. Р. Обстоятельства, в которых проходили дипломатические отношения между мамлюкскими султанами и золотоордынскими ханами (к вопросу анализа переводов арабских источников В. Г. Тизенгаузена) // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей / Ред. И. М. Миргалеев. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 21–30.

Zajnuddinov D. R. Obstoyatel'stva, v kotoryh prohodili diplomaticheskie otnosheniya mezhdu mamlyukskimi sultanami i zolotoordynskimi hanami (k voprosu analiza perevodov arabskih istochnikov V. G. Tizengauzena) // Zolotoordynskaya civilizaciya. Sbornik statej / Red. I. M. Mirgaleev. Vyp. 5. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2012. S. 21–30.

22. Зайнуддинов Д. Р. Проблемы перевода заимствований в арабской историко-географической литературе на рубеже XIII–XIV веков // Minbar. Islamic Studies. 2012. Том 5. № 2. С. 123–126.

Zajnuddinov D. R. Problemy perevoda zaимstvovaniy v arabskoj istoriko-geograficheskoj literature na rubezhe XIII–XIV vekov // Minbar. Islamic Studies. 2012. Tom 5. № 2. S. 123–126.

23. Зайнуддинов Д. Р. Альянс между Менгу Тимуром и Абагой: проблема интерпретации источника и перевода персидских и тюркских терминов в арабских текстах (на примере «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Том I», составленного В. Г. Тизенгаузенем) // Золотоордынское обозрение. 2015. № 1. С. 95–105.

Zajnuddinov D. R. Al'yans mezhdu Mengu Timurom i Abagoj: problema interpretacii istochnika i perevoda persidskih i tyurkskih terminov v arabskih tekstah (na primere «Sbornika materialov, odnosyashchihsya k istorii Zolotoj Ordy. Izvlecheniya iz sochinenij arabskih. Tom I», sostavlennoho V.G.Tizengauzenom) // Zolotoordynskoe obozrenie. 2015. № 1. S. 95–105.

24. Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков: пути развития: рукописи, тексты и источники. – М.: «Восточная литература» РАН, 2009. – 304 с.

Zajcev I. V. Krymskaya istoriograficheskaya tradiciya XV–XIX vekov: puti razvitiya: rukopisi, teksty i istochniki. – M.: «Vostochnaya literatura» RAN, 2009. – 304 s.

25. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом: XIII–XIV вв. – М.: Наука, 1966. – 162 с.

Zakirov S. Diplomaticheskie otnosheniya Zolotoj Ordy s Egiptom: XIII–XIV vv. – M.: Nauka, 1966. – 162 s.

26. Ибн Абд аз-Захир. Al-Rawḍ al-zāhir fī sīrat al-Malik al-Zāhir (Сад видимого в жизнеописании эль-Мелик аз-Захири) // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884. С. 46–55. (*арабск. текст*)

Ibn Abd az-Zahir. Al-Rawḍ al-zāhir fī sīrat al-Malik al-Zāhir (Sad vidimogo v zhizneopisanii el'-Melik az-Zahiri) // Tizengauzen V.G. Sbornik materialov, odnosyashchihsya k istorii Zolotoj Ordy. T. 1: Izvlecheniya iz sochinenij arabskih. – SPb., 1884. S. 46–55.

27. Ибн Василь. Mufarri' al-kur'b fī aḥbār banī Ayyūb (Гонитель забот по части истории Аюбидских царей) // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884. С. 70–75. (*арабск. текст*)

Ibn Vasyil'. Mufarri' al-kur'b fī aḥbār banī Ayyūb (Gonitel' zabor po chasti istorii Ayubidskih carej) // Tizengauzen V.G. Sbornik materialov, odnosyashchihsya k istorii Zolotoj Ordy. T. 1: Izvlecheniya iz sochinenij arabskih. – SPb., 1884. S. 70–75.

28. Ибн эль-Форат. Та'риḥ al-duwal w-al-mulūk (Летопись царств и царей) // Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884. С. 351–357. (*арабск. текст*)

Ibn el-Forat. Ta'riḥ al-duwal w-al-mulūk (Letopis' carstv i carej) // Tizengauzen V.G. Sbornik materialov, odnosyashchisya k istorii Zolotoj Ordy. T. 1: Izvlecheniya iz sochinenij arabskih. – SPb., 1884. С. 351–357.

29. Колли Л. П. О судьбе некоторых исторических зданий в старом Крыму и Феодосии // ИТУАК, 35. – Симферополь, 1903. С. 10–17.

Kolli L. P. O sud'be nekotoryh istoricheskikh zdaniy v starom Krymu i Feodosii // ITUAK, 35. – Simferopol', 1903. S. 10–17.

30. Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII-XIV вв.: текст, перевод, комментарий. – М.: Восточная литература РАН, 2009. – 224 с.

Konovalova I. G. Vostochnaya Evropa v sochineniyah arabskih geografov XIII-XIV vv.: tekst, perevod, kommentarij. – M.: Vostochnaya literatura RAN, 2009. – 224 s.

31. Крамаровский М. Г. Работы на городище средневекового Солхата (Крым) в 1992 году // Отчетная археологическая сессия. Тезисы докладов. – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1993. С. 21–22.

Kramarovskij M. G. Raboty na gorodishche srednevekovogo Solhata (Krym) v 1992 godu // Otchetnaya arheologicheskaya sessiya. Tezisy dokladov. – SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 1993. S. 21–22.

32. Крамаровский М. Г. Работы Золотоордынской (Старокрымской) археологической экспедиции в 1994 году // Отчетная археологическая сессия. Тезисы докладов. – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1995. С. 20–21.

Kramarovskij M. G. Raboty Zolotoordynskoj (Starokrymskoj) arheologicheskoy ekspedicii v 1994 godu // Otchetnaya arheologicheskaya sessiya. Tezisy dokladov. – SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 1995. S. 20–21.

33. Крамаровский М. Г. Старокрымская археологическая экспедиция // СГЭ. № 58. – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1999. С. 87–88.

Kramarovskij M. G. Starokrymskaya arheologicheskaya ekspediciya // SGE. № 58. – SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 1999. S. 87–88.

34. Крамаровский М. Г., Зильманович И. Д. Работы Золотоордынской (Старокрымской) археологической экспедиции в 1994 году // Археологические исследования в Крыму, 1994 год. Сборник научных статей. – Симферополь: Сонат, 1997. С. 157–159.

Kramarovskij M. G., Zil'manovich I. D. Raboty Zolotoordynskoj (Starokrymskoj) arheologicheskoy ekspedicii v 1994 godu // Arheologicheskie issledovaniya v Krymu, 1994 god. Sbornik nauchnyh statej. – Simferopol': Sonat, 1997. S. 157–159.

35. Крамаровский М. Г., Зильманович И. Д., Хаврин С. В., Френкель Я. В. Работы Золотоордынской (Старокрымской) археологической экспедиции в 1994 году // Отчетная археологическая сессия за 1994 г. – СПб.: Государственный Эрмитаж, 1995. С. 18–22.

Kramarovskij M. G., Zil'manovich I. D., Havrin S. V., Frenkel' Ya. V. Raboty Zolotoordynskoj (Starokrymskoj) arheologicheskoy ekspedicii v 1994 godu // Otchetnaya arheologicheskaya sessiya za 1994 g. – SPb.: Gosudarstvennyj Ermitazh, 1995. S. 18–22.

36. Крамаровский М. Г. Джучиды и Крым: XIII-XV вв. // МАИЭТ, 2003. Вып. X. С. 506–532.

Kramarovskij M.G. Dzhuchidy i Krym: XIII-XV vv. // MAIET, 2003. Vyp. X. S. 506–532.

37. Ломакин Д. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII-XV вв.: История изучения, современное состояние. – Симферополь: Соло-Рич, 2015. – 240 с.

- Lomakin D. Musul'manskie pamyatniki Starogo Kryma XIII–XV vv.: Istorija izucheniya, sovremennoe sostoyanie. – Simferopol': Solo-Rich, 2015. – 240 s.
38. Маркевич А. И. Поездка в Старый Крым // ИТУАК, 1888. № 6. С. 64–77.
Markevich A. I. Pоеzdka v Staryj Krym // ITUAK, 1888. № 6. S. 64–77.
39. Маркевич А. И. Старокрымские древности // ИТУАК. № 17. 1892. С. 124–129.
Markevich A. I. Starokrymskie drevnosti // ITUAK. № 17. 1892. S. 124–129.
40. Миллер Б. В. Персидско-русский словарь. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. – 1152 с.
Miller B. V. Persidsko-russkij slovar'. – M.: Gos. izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej. – 1152 s.
41. Непомнящий А. А. Начало научного этапа разработки источников по истории Крымского ханства: В. Д. Смирнов // Золотоордынское обозрение. 2015. № 3. С. 113–142.
Nepomnyashchij A. A. Nachalo nauchnogo etapa razrabotki istochnikov po istorii Krymskogo hanstva: V. D. Smirnov // Zolotoordynskoe obozrenie. 2015. № 3. S. 113–142.
42. Петров П. Н., Кравцов К. В., Гумаюнов С.В. Монеты Сарая первой половины 660-х гг.х. / 1260-х гг. // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 145–158.
Petrov P. N., Kravcov K. V., Gumayunov S.V. Monety Saraya pervoj poloviny 660-h gg.h./ 1260-h gg. // Zolotoordynskoe obozrenie. 2018. T. 6, № 1. S. 145–158.
43. Петрова Э. Б. Павел Иванович Голландский и его крымская эпопея. – Феодосия: Коктебель, – Симферополь: Н. Орианда, 2013. – 120 с.
Petrova E. B. Pavel Ivanovich Gollandskij i ego krymskaya epopeya. – Feodosiya: Koktebel', – Simferopol': N. Orianda, 2013. – 120 s.
44. Поляк А. Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. I. – М.: Наука, 1964. С. 29–66.
Polyak A. N. Novye arabskie materialy pozdnego srednevekov'ya o Vostochnoj i Central'noj Evrope // Vostochnye istochniki po istorii narodov YUgo-Vostochnoj i Central'noj Evropy. T. I. – M.: Nauka, 1964. S. 29–66.
45. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. Пер. с персидского Ю. П. Верховского; под ред. И. П. Петрушевского. – М., Л., 1960. – 254 с.
Rashid ad-Din. Sbornik letopisej. T. II. Per. s persidskogo Yu. P. Verhovskogo; pod red. I. P. Petrushevskogo. – M., L., 1960. – 254 s.
46. Рукн ад-Дин Бейбарс эль-Мансури эль-Мисри. Al-Tuḥfat al-mulūkīya fī al-dawlat al-turkīya (Царский дар по части тюркского владычества) // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884. С. 96-98. (*арабск. текст*)
Rukn ad-Din Bejbars el'-Mansuri el'-Misri. Al-Tuḥfat al-mulūkīya fī al-dawlat al-turkīya (Carskij dar po chasti tyurkskogo vladychestva) // Tizengauzen V.G. Sbornik materialov, odnosyashchihsya k istorii Zolotoj Ordy. T. I: Izvlecheniya iz sochinenij arabskih. – SPb., 1884. S. 96-98.
47. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 308 с.
Sbornik materialov, odnosyashchihsya k istorii Zolotoj Ordy T. II: Izvlecheniya iz persidskih sochinenij, sobrannye V. G. Tizengauzenom i obrabotannye A. A. Romaskevichem i S. L. Volinym. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1941. – 308 s.

48. Сейдалиев Э. И. Золотоордынский Солхат-Крым в восточных средневековых письменных источниках // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 4, 2016 г. С. 88–96.

Sejdaliev E. I. Zolotoordynskij Solhat-Krym v vostochnyh srednevekovyh pis'mennyh istochnikah // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki». Tom 2 (68), № 4, 2016 g. S. 88–96.

49. Селезнев Ю. В. Элита Золотой Орды. Научно-справочное издание / Ред. И. М. Миргалеев. – Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. – 232 с.

Seleznev Yu. V. Elita Zolotoj Ordy. Nauchno-spravocnoe izdanie / Red. I. M. Mirgaleev. – Kazan': Izdatel'stvo «Fen» AN RT, 2009. – 232 s.

50. Сидоренко В. А. Первые монеты золотоордынского Крыма: сёгун Тука Тимур // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию Александра Ильича Айбабина. Симферополь, 10–11 января 2019 г. – Симферополь: Антиква, 2019. С. 105–110.

Sidorenko V. A. Pervye monety zolotoordynskogo Kryma: syogun Tuka Timur // Problemy istorii i arheologii srednevekovogo Kryma. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu Aleksandra Il'icha Ajbabina. Simferopol', 10–11 yanvarya 2019 g. – Simferopol': Antikva, 2019. S. 105–110.

51. Сидоренко В. А. Крымская «мусульманская» чеканка Тука Тимур // ПриПОНТИЙский меняла: деньги местного рынка. VII Международный Нумизматический Симпозиум (Судак, 21–25.09.2020 г.). Материалы научной конференции / отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь: Колорит, 2020. С. 179–196.

Sidorenko V. A. Krymskaya «musul'manskaya» chekanka Tuka Timura // PriPONTijskij menyala: den'gi mestnogo rynka. VII Mezhdunarodnyj Numizmaticheskij Simpozium (Sudak, 21–25.09.2020 g.). Materialy nauchnoj konferencii / отв. red. N. A. Alekseenko. – Simferopol': Kolorit, 2020. S. 179–196.

52. Смирнов В. Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 г. // ЗВОРАО, 1886. Т. 1. Вып. 4. С. 273–304.

Smirnov V. D. Arheologicheskaya ekskursiya v Krym letom 1886 g. // ZVORAO, 1886. T. 1. Vyp. 4. S. 273–304.

53. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. – СПб.: Типография Императорской АН, 1884. – XVI + 566 с.

Tizengauzen V. G. Sbornik materialov, odnosyashchihysya k istorii Zolotoj Ordy. T. I. Izvlecheniya iz sochinenij arabskih. – SPb.: Tipografiya Imperatorskoj AN, 1884. – XVI + 566 s.

54. Фаверо М. К вопросу об альянсе между Золотой Ордой и Мамлюкским султанатом по арабским источникам // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII-XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. – Казань: Изд. «ФЭН» АН РТ, 2009. С. 46–54.

Favero M. K voprosu ob al'yanse mezhdru Zolotoj Ordoj i Mamlyukskim sultanatom po arabskim istochnikam // Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Politicheskaya i social'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoj Ordy (XIII-XV vv.)». 17 marta 2009 g. Sb. statej. Vyp. 1. – Kazan': Izd. «FEN» AN RT, 2009. S. 46–54.

55. Фаверо М. Как султан мамлюков обращался к хану Золотой Орды. Формуляр писем и правила их составления // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 41–84.

Favero M. Kak sultan mamlyukov obrashchalsya k hanu Zolotoj Ordy. Formulyar pisem i pravila ih sostavleniya // Zolotoordynskoe obozrenie. 2018. T. 6, № 1. S. 41–84.

56. Фаверо-Думенджу М. Первое письмо хана Берке султану Бейбарсу по мамлюкским источникам (661/1263) // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып 4. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 101–114.

Favero-Dumendzhu M. Pervoe pis'mo hana Berke sultanu Bejbarsu po mamlyukskim istochnikam (661/1263) // Zolotoordynskaya civilizaciya. Sbornik statej. Vyp 4. – Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2011. S. 101–114.

57. Фролова О. Б. Мы говорим по-арабски. Учебное пособие для I–II курсов. – М.: Изд-во Наука, Главная редакция восточной литературы, 1972. – 304 с.

Frolova O. B. My govorim po-arabski. Uchebnoe posobie dlya I–II kursov. – M.: Izd-vo Nauka, Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1972. – 304 s.

58. Шафи б. 'Али. Ḥisab al-manaqib al-sirīya al-muntazaya min al-sīrat al-Zāhiriya (Краса благородных подвигов, извлеченных из жизнеописания эз-Захырова) // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884. С. 124–125. (*арабск. текст*)

Shafi b. 'Ali. Ḥisab al-manaqib al-sirīya al-muntazaya min al-sīrat al-Zāhiriya (Krasa blagorodnyh podvigov, izvlechenykh iz zhizneopisaniya ez-Zahyrova) // Tizengauzen V.G. Sbornik materialov, odnosyashchihsy k istorii Zolotoj Ordy. T. 1: Izvlecheniya iz sochinenij arabskih. – SPb., 1884. S. 124–125.

59. Эль-Айни, Бадр ад-Дин. 'Iqūd al-jumān fī tawārīḥ ahl al-zamān (Связи жемчужин в истории для жаждущего) // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884. С. 475–538. (*арабск. текст*)

El-Ajni, Badr ad-Din. 'Iqūd al-jumān fī tawārīḥ ahl al-zamān (Svyazi zhemchuzhin v istorii dlya zhazhdushchego) // Tizengauzen V.G. Sbornik materialov, odnosyashchihsy k istorii Zolotoj Ordy. T. 1: Izvlecheniya iz sochinenij arabskih. – SPb., 1884. С. 475–538.

60. Эль-Муф ад-Даль. Al-Nahj al-sadīd wa-l-durr' al-farīd fīmā ba'd Ta'rīḥ Ibn al-'Amīd (Прямой путь и единственная жемчужина в том, что случилось после летописи Амида) // Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884. С. 176–187. (*арабск. текст*)

El-Muf ad-Dal'. Al-Nahj al-sadīd wa-l-durr' al-farīd fīmā ba'd Ta'rīḥ Ibn al-'Amīd (Pryamoj put' i edinstvennaya zhemchuzhina v tom, chto sluchilos' posle letopisi Amida) // Tizengauzen V. G. Sbornik materialov, odnosyashchihsy k istorii Zolotoj Ordy. T. 1: Izvlecheniya iz sochinenij arabskih. – SPb., 1884. С. 176–187.

61. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «К,». Вып. первый / Отв. ред. д.ф.н. Г. Ф. Благова. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 368 с.

Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvy «K», «K,». Vyp. pervyj / Otv. red. d.f.n. G. F. Blagova. – M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1997. – 368 s.

62. Abū Shāmah, 'Abd al-Raḥmān ibn Ismā'īl. Tarājim rijāl al-qarnayn al-sādis wa-al-sābi': al-ma'rūf bi-al-dhayl 'ala al-rawḍatayn. Muḥammad Zāhid b. al-Ḥasan al-Kawṭarī (ed.). al-Qāhira, 1947. – 285 s.

63. Aḥmad D. M. Mu'ajam al-alfāz al-tārīkhīyah fī al-'aṣr al-Mamlūkī. Bayrūt: Dār al-Fikr, al-Mu'aṣir. 1990. (*in arabic*)

64. Al-'Aynī. 'Iqūd al-jumān fī tawārīḥ ahl al-zamān. Muḥammad Muḥammad Amīn (ed.). T. I. al-Qāhira: Dār al-kutub, 1987. (*in arabic*)

65. Al-'Aynī – Maḥmūd ibn Aḥmad 'Aynī. Al-Rawḍ al-zāhir fī sīrat al-Malik al-Zāhir Ṭaṭar. 'Isā al-Bābī al-Ḥalabī (ed.). al-Qāhira, 1962. (*in arabic*)

66. Al-Nuwayrī. Nihāyat al-Arab fī funūn al-adab. Vol. 30 / Muḥammad ‘Abd al-Hādī Sha‘īra (ed.). al-Qāhira: al-Mu‘assasat al-Miṣrīyat al-‘Āmma lil-Ta’lif wa-l-Tarjama wa-al-Ṭibā‘a wa-al-Naṣr, 1990. – 270 s. (*in arabic*)
67. Al-Yūnīnī. Ḍayl Mir‘āt al-Zamān. Vol. 1–2. Ḥaydar‘ābād: al-Dakn, Maṭba‘at Majlis Dā‘irat al-Ma‘ārif al-‘Uthmāniya, 1954–1955. (*in arabic*)
68. Blochet E. Moufazzal ibn Abil-Fazaīl. Histoire des Sultans Mamluks // *Patrologie Orientalis*, 12 (1919), pp. 345-350; 14 (1920), pp. 375-672; 20 (1929), pp. 3–27.
69. Codrington O. A manual of musulman numismatics / Asiatic Societe Monographs. Vol. VII. London: Royal Asiatic Society, 1904. – 242 p.
70. Ibn Shaddād, Muḥammad ibn ‘Alī . Tā’rīḥ al-Malik al-Zāhir. Vīsbadīn: Frānz Shtāynar, 1983. – 447 s. (*in arabic*)
71. Ibn Wāṣil Jamal ad-Din Muḥammad. Mufarri’ al-kur’b fī aḥbār banī Ayyūb. T. V. al-Qāhira: Wizārat al-Thaqāfah, 1977. – 446 s. (*in arabic*)
72. Favereau M. The Golden Horde and the Mamluks // *Золотоордынское обозрение (Golden Horde Review)*. 2017. Vol. 5, № 1. P. 93–115.
73. Mirgaleev I. *The islamization of the Golden Horde: new data // Золотоордынское обозрение (Golden Horde Review)*. 2016. № 1. P. 89–101.
74. Moufazzal ibn Abil-Fazaīl. Histoire des Sultans Mamluks: texte arabe publié et traduit en français par E. Blochet. *Patrologie Orientalis*, tome XII, fasc. 3, № 59. Turnhout-Belgique: Edition Brepolis, 1982. – 208 p. (*in arabic*)
75. Muḥyī al-Dīn ibn ‘Abd al-Zāhir. Al-Rawḍ al-zāhir fī sīrat al-Malik al-Zāhir / ‘Abd al-‘Azīz Ibn ‘Abdallah al-Khuwaytir (ed.). Al-Riyād, 1396/1976. – 519 s. (*in arabic*)
76. Poppe N. Das mongolische sprach Material einer Leidener Handschrift // *Известия Академии Наук СССР*. 1927. С. 1009-1040, 1251-1274; 1928. С. 55–80.
77. Rukn al-Din Baibars al-Dawadari al-Mansuri. Zubdat al-fikra fī ta’rīḥ al-‘i’ra. Beyrut: al-Ma‘had al-Almani lil-Abhath al-Sharqīyya, 1998. – XXXIV, 488 s. (*in arabic*)
78. Rukn al-Din Baybars al-Mansuri al-Dawādāri. Kitāb al-Tuḥfat al-mulūkīya fī al-dawlat al-turkīya (638–711) / ‘Abd al-Ḥamīd Ṣāliḥ Ḥamadān (ed.). al-Qāhira: Dār al-Miṣriyya al-Lubnāniyya, 1987. – 488 s. (*in arabic*)
79. Quatremère M. Histoire des Sultans Mameloucks, de l’Égypte, Écrite en Arabe par Taki-Eddin Ahmed-Makrizi traduite en français. T. 1. Paris, 1837. – 278 p.
80. Sadeque S. F. Baybars I of Egypt. Dacca: Geoffrey Cumberlege, Oxford University Press, Pakistan, 1956. – XIX, 379 p.
81. Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland 1223-1502. Leipzig, 1943. 2 Ed. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1965. – 638 S., 2 Taf.
82. Tiesenhausen W. Altınorda Devleti Tarihine Ait Metinler. Türk tarihi kaynakları No: 2. İsmail Hakkı İzmirli (Çeviri). İstanbul: Maarif Matbaası, 1941. – XXVIII, 428 s.
83. Vámbéry H. Čagataische Sprachstudien enthaltend grammatikalischen Umriss. Chrestomatie und Wörterbuch der Čagataischen Sprache. Leipzig, 1867.
84. Vásáry I. «History and Legend» in Berke Khan’s Conversion to Islam // *Aspects of Altaic Civilization*. Vol. III. Ed. D. Sinor. Vol. 145, 1990. P. 230–252.

Sidorenko V. A. Information from the egyptian chronicler Abd az-Zahir as a source for the history of the Crimea of the third quarter of the XIII century

This article is an attempt to restore the original text with the description held in the Crimea the fourth embassy to al-Malik al-Zahir Baybars (1260–1277) to the ruler of the Golden Horde, Berke – fragment of the London of the manuscript of the secretary of the office of the Mamluk Sultan al-Malik al-Zahir Baybars (1260–1277) and his biographer 'Abd al-Zahir (1223–1293) «al-Rawḍ al-zāhir fī sīrat al-Malik al-Zāhir» (Garden visible in the biography of al-Malik al-Zahir) with filling of the gaps in the text borrowings from the Egyptian chroniclers Shafī, b. Ali (1252–1329), al-Nuwayri (1279–1333), al-Muf al-Dal (1259–1341), Ibn al-Forat (1335–1405), al-Aini (1361–1453), al-Makrizi (1364–1442), al-Yunini (1256–1326), Rukn ad-Din Baybars (1247–1325), etc. Verbatim translations of excerpts from Arabic works published with translations by V. G. Tizengauzen allow us to establish: 1) the absence in the letters of Baybars and Berke of any information about Berke's conversion to Islam earlier than 1263 and the presence of direct evidence of his intentions to join this religion; 2) the time of adoption of the religion of Islam by Berke, his family members and the military aristocracy of the Golden Horde in the first decade of may 1263; 3) the number and sequence of embassies of the ruler of the Golden Horde Berke and Sultan Beybars, carried out before the resumption (July 17, 1264) of the fourth Embassy of the Sultan detained by the Byzantine Emperor Michael VIII Palaiologos; 4) the time of the fourth Embassy of Beybars in the Crimea (20–21 1264); 5) the presence of the Crimea in July 1264 under the rule of the only ruler – the son of Jouchi Tuka Timur, called by Abd al-Zahir Tuk Buga, and on the coins of his «pre-Muslim» coinage of the Crimea «Ata Tuka syogun» and «Temir Tuka»; 6) the existence of a post station-caravanserai on the route of the embassy, which served as the formation of the city of Solhat around it.

Keywords: Golden Horde, Crimea, Islam, Abd al-Zahir, Berke, al-Malik al-Zahir Beibars, Tuka Timur.

Список сокращений

АН – Академия наук
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
ЗВОРАО – Записки восточного отделения Русского археологического общества
ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
РАН – Российская Академия Наук
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
ЦИК СССР – Центральный исполнительный комитет СССР

DOI 10.37279/2413-1741-2020-6-3-127-148

УДК 94(3)+904

О ПЕРИОДИЗАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ ИСТОРИИ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В ДОРИМСКУЮ ЭПОХУ И ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ПЕРИОД

Ушаков С. В.

*Институт археологии Крыма РАН
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: yshakovsv@list.ru*

Изучению Херсонеса Таврического посвящены сотни научных работ, однако проблема хронологии и периодизации его античной истории недостаточно разработана в историографии. В результате анализа научной литературы на эту тему и ряда источников, определены хронологические рамки и выделено 10 этапов истории античного Херсонеса (как предварительное определение). Ранний этап – основание и становление полиса определяется в хронологических пределах от середины/последней трети VI в. (или первой половины V в. до н. э.) до конца V в. до н. э. Завершение позднеантичной – ранневизантийской (переходной) эпохи в Херсонесе может быть отнесено к периоду второй половины VI – первой трети VII вв. н. э.).

Ключевые слова: Херсонес Таврический, периодизация, хронология, доримская эпоха, позднеантичный период.

Введение. Античное наследие – фундамент современной цивилизации. На юге России сохранились памятники двух ведущих государств античной эпохи Северного Причерноморья – Боспорского царства (Киммерийского Боспора) и Херсонеса Таврического, исследования которых ведутся уже около двух столетий. В зарубежной и отечественной историографии относительно более полно представлен Европейский и Азиатский Боспор, по истории, археологии и культуре которого в последние годы опубликован ряд фундаментальных обобщающих работ [напр.: 4; 44].

Херсонес Таврический также является неотъемлемой, хотя и периферийной частью древнегреческой Ойкумены (населенной земли) на границе с варварским миром. Основанный на завершающем этапе Великой греческой колонизации, Херсонес во все времена своей последующей истории, как это признавали еще древние, оставался оригинальным государственным образованием, и по определению Плиния, *«был самым блестящим пунктом на всем этом пространстве, благодаря сохранению греческих обычаев»* (Plin. NH, 85). Он был одним из немногих во всем Древнем Причерноморье и единственным, возникшим на его северном побережье, дорическим, точнее, дорическо-ионическим полисом с преобладанием дорийских начал – в архитектуре, языке и культуре в целом. А его основание на землях непокорных диких тавров стало одним из важнейших событий завершающего этапа Великой греческой колонизации в Причерноморье. Как отдаленная часть эллинского мира, он относительно быстро превратился в крупное по тем временам «территориальное государство», охватившее всю западную часть

Крымского полуострова (Древней Тавриды). Кроме того, он стал не просто оригинальным государственным образованием на северных берегах Черного моря, но с политическим устройством по канонам древнегреческой демократии. В истории Херсонеса были и периоды ожесточенной политической борьбы, и этапы, когда демократы отстранялись от власти. Но большую часть своей истории Херсонес оставался демократическим полисом. Пережив затем все перипетии эпохи позднего эллинизма и Рима – войны с крымскими скифами, господство Митридата VI Евпатора, доминирование Римской державы в Понтийском регионе, нашествия новых варваров в эпоху Великого переселения народов, он продолжил существование в византийские времена.

Историография и библиография античного Херсонеса Таврического довольно обширна и сейчас стала темой специального изучения. Количественную оценку этих трудов можно получить, опираясь на библиографический указатель по античной истории и археологии Херсонеса до 1987 г., состоящий из 1540 наименований работ [7]. Новейшее издание библиографии античных исследований в бассейне Черного моря, относящихся к Херсонесу (где учтены только археологические памятники), насчитывает 2016 работ [см.: 49, р. 244–414]. Стоит отметить, что письменные источники по-прежнему ограничены, а эпиграфические материалы пополняются в целом незначительно, и хотя в начале нынешнего столетия вышли две обобщающие работы, посвященные античному Херсонесу [46, 45], а в последние годы – несколько монографий, сборники трудов и серии статей, опирающихся на археологические материалы [12; 22], проблема изучения Таврического Херсонеса далека от завершения. Вероятно, она требует и нового подхода, и обобщения всех полученных данных.

Такое подведение итогов исследований может начаться с уточнения периодизации и хронологии исторических событий. Тем более что сама периодизация и хронологии истории античного Херсонеса является проблемой: в науке не сложилось единства мнений ни о начале и «конце» античной эпохи применительно к Херсонесу, ни с делением его событийной истории на отдельные этапы. Однако, опираясь на накопленный материал, теперь это можно сделать. Именно это и предполагается показать в статье. Актуальность и значимость темы, таким образом, не может вызывать сомнений.

История изучения и основные проблемы периодизации античного Херсонеса. В историографии отражено несколько подходов к этой проблеме. Так, Г. Д. Белов в своем научно-популярном очерке «Херсонес Таврический» (1948) разделил его историю на три периода, опираясь в значительной степени на внешнеполитическое положение города. Соответствующим образом были названы и эти периоды: 1) независимости Херсонеса (конец V – конец II вв. до н. э.); 2) (войны со скифами и) зависимости от Митридата и Боспора (конец II в. до н. э. – середина I н. э.); 3) римский (60-е гг. I н. э. – конец V в. н. э.) [6]. Здесь стоит обратить внимание на два момента. Во-первых, начало первого периода совпадает с так называемой «традиционной» датой (422/423 гг. до н. э.) основания Херсонеса по Г. Шнайдервирту – А. И. Тюменеву. Во-вторых, римский период заканчивается

концом V в., что не совпадает с датами, отраженными практически во всех последующих работах (прежде всего, советского времени) по истории и археологии римского Херсонеса. Так или иначе, эта периодизация стала довольно устойчивой и ее можно назвать также «традиционной». В то же время этот же автор в описании материалов раскопок придерживался и другого временного деления херсонесской истории, также ставшего традиционным – на эллинистический (III–I вв. до н. э.) и римский (I–IV вв. н. э.) периоды [литература: 24, с. 177]. Е. Г. Суров [36, с. 35] также ориентировался на общеисторическую периодизацию античной (древнегреческой и римской) истории. Соответствующим образом он строил и периоды истории Херсонеса: 1) конец V–IV вв. до н. э. (классический период); 2) конец IV–I вв. до н. э. (эллинистический период); 3) I–IV вв. н. э. (римский период). Эта периодизация была принята и авторами последней обобщающей работы по археологии и истории античного Северного Причерноморья [3, с. 49–52].

Свой вариант периодизации истории Херсонеса предлагал С. Ф. Стржелецкий. С его точки зрения археологические данные позволяют говорить о существовании в VI в. до н. э. на месте будущего Херсонеса греческой фактории, а первый этап истории полиса начинался в конце V в. до н. э., и завершался он на рубеже IV–III вв. до н. э.). Следующий период – III–II вв. до н. э., когда владения полиса расширились и в нем утвердилась демократия [31, с. 63–85].

Работы Л. А. Пальцевой, по мнению А. И. Романчук, после книги Г. Д. Белова 1948 г. – это первая попытка систематизации всех свидетельств, в том числе и эпиграфических памятников Херсонеса [24, с. 179]. Первый период у автора – это становление Херсонесского государства (последняя четверть V – середина IV в. до н. э.). В последующем – до начала II в. до н. э. – происходило увеличение как непосредственно городской площади, так расширение земельных владений на Гераклеяском полуострове и освоение Северо-Западного Крыма, что превратило Херсонес в значительный центр с «множеством населенных пунктов». Начавшиеся во II в. до н. э. войны со скифами привели к утрате владений в Северо-Западной Таврике, а помощь Митридата Евпатора – к установлению протектората Понтийской державы над Боспорским царством и Херсонесом [23, с. 6].

В. А. Анохин, опираясь на анализ историографии нумизматики и частично данные эпиграфики (работы А. Л. Бертъе-Делагарда, А. В. Орешникова, К. В. Голенко, А. Н. Зографа, В. В. Латышева), предложил рассматривать историю Херсонесского полиса в рамках трех хронологических периодов: I – автономия (около 390–110 гг. до н. э.); II – боспорское влияние (около 110 г. до н. э. – 138 г. н. э.); III – вторая элевтерия (около 138–268 гг. н. э.) [2, с. 9–13]. Терминологически здесь эта периодизация, как мы видим, перекликается с книгой Г. Д. Белова 1948 года.

Из современных крупных трудов стоит обратить внимание на упоминаемые выше два тома серии «Херсонес Таврический. Очерки истории и культуры». Первый из них (по хронологии событий) посвящен истории полиса с третьей четверти VI – до середины I в. до н. э. (так в подзаголовке), где выделены следующие четыре периода: 1) последняя четверть VI – середина IV вв. до н. э., 2)

вторая половина IV – первая треть III вв. до н. э., 3) вторая треть III – первая половина II вв. до н. э., 4) вторая половина II – середина I вв. до н. э. [46]. Как можно видеть, авторы придерживаются концепции о раннем основании Херсонеса, а в хронологическом делении опираются в основном на исторические события. Вторая книга этой серии посвящена периоду истории Херсонеса с середины I в. до н. э. по VI в. н. э., где есть два основных хронологических этапа: (1) середина I в. до н. э. – третья четверть III в. (с двумя периодами: середина I в. до н. э. – первая половина II в. и вторая половина II – третья четверть III вв.) и (2) конец III – VI вв. (с подпериодами – конец III – начало V и конец IV – VI вв.) [45] (обозначено именно так, в последнем случае, как можно видеть, с некоторым временным «перехлестом»). Здесь расширены и верхние хронологические периоды античного периода. В этом ряду изданий нужно назвать еще одну книгу – монографию В. М. Зубаря, посвященную взаимоотношениям Херсонеса и местного населения Таврики [19]. В ней его история рассматривается также по хронологическим этапам с акцентом на взаимосвязи греческого полиса с аборигенами. Хронологические этапы (с дополнительным пояснением) там следующие: 1) последняя четверть VI – середина IV вв. до н. э., 2) вторая половина IV – первая треть III вв. до н. э. (образование территориального государства), 3) вторая треть III – первая половина II вв. до н. э., 4) вторая половина II – середина I вв. до н. э., 5) на рубеже эр – I в. н. э. (сарматы и их роль в истории Таврики), 6) II – первая половина III вв. (римское военное присутствие и население Таврики), 6) вторая половина III – начало V вв. Как можно видеть, основные хронологические этапы во всех этих трех изданиях или совпадают, или близки, но при этом такое деление специально не обосновывается.

Одна из немногих работ, где были представлены и обсуждались именно проблемы периодизации истории античного Херсонеса, принадлежит перу медиевиста А. И. Романчук (раздел книги «Исследования Херсонеса – Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 1») [24, с. 177–183], где они последовательно рассматриваются, начиная с опубликованных отчетов о раскопках Г. Д. Белова, С. Ф. Стржелецкого, работ Л. А. Пальцевой, В. А. Анохина и М. И. Золотарева. При этом своей периодизации автор не предложила.

Наиболее подробной из этой серии является хронология Херсонеса, разработанная М. И. Золотаревым. В данной статье представим последний из опубликованных вариантов, но в тоже время он является одним из самых ранее подготовленных [18, с. 46–49]. Автором были выделены следующие временные периоды херсонесской истории, которые, в свою очередь, делятся на отдельные подпериоды.

[I] **Ante classical time** (пред- или до-классическое время), AC – до 422–421 гг. до н. э.

[II] **Classical time** (классическое время), C – 422–330 гг. до н. э.:

C-1 – 422–380 гг. до н. э.;

C-2 – 380–350 гг. до н. э. (нач. 80-х годов – середина IV в. до н. э.);

- С-3 – 350–330 гг. до н. э. (сер. IV – нач. последней трети IV в. до н. э.).
- [III] **Hellenism** (эллинизм), **H** – начало последней трети IV в. – сер. I в. до н. э.:
- H-1** – 330–300 гг. до н. э. (последняя треть IV в. до н. э.);
- H-2** – 300–200 гг. до н. э. (III в. до н. э.);
- H-3** – 200–150 гг. до н. э. (первая половина II в. до н. э.);
- H-4** – 150–50 гг. до н. э. (середина II – середина I вв. до н. э.).
- [IV] **Roman time** (римское время), **R** – середина I в. до н. э. – конец IV в. н. э.:
- ER** – середина I в. до н. э. – конец I в. н. э.;
- MR** – начало II – конец III в. (переходный между ER и LR);
- LR** – конец III – конец IV в. н. э.
- [V] **Byzantine time** (византийское время), **B** – начало V – конец XIII вв.:
- B-1** – начало V – середина VII вв.¹

Нужно иметь в виду, что эта периодизация имела первоначально, во-первых, исключительно *вспомогательный*, даже нужно сказать, *прикладной* характер и предназначалась для удобства учета, шифровки и обработки прежде всего массового археологического материала в ходе работ Причерноморского Проекта (BSP) – исследования у базилики 1935 г. совместно с американскими коллегами. Кроме того, во-вторых, подробное обоснование этой периодизации автором было сделано только для классического и, частично, эллинистического времени (и автор нынешней статьи познакомился с ним еще в устном изложении М. И. Золотарева до начала всех работ), остальное предполагалось осуществить, возможно, позже. Эта периодизация впоследствии была несколько подкорректирована. Основные периоды в итоге стали выглядеть следующим образом: [I] – позднеархаический (АС – 528 г. до н. э. – последняя четверть V в. до н. э.); [II] – классический период (С – последняя четверть V в. до н. э. – 330-е гг. до н. э.); [III] – эллинистический период (H – начало последней трети IV в. – середина I в. до н. э.); [IV] – римский период (R – середина I в. до н. э. – начало V в. н. э.); [V] – византийский период (B – начало V – конец XIII в.), B-1 – начало V – середина VII вв. И прочие подпериоды также не изменились [16, с. 69]. На первый взгляд – это чисто археологическая периодизация, однако, это скорее привязка комплексов конкретного археологического материала к временной исторической шкале. Так или иначе, эта система хронологии успешно применялась в ходе практической деятельности экспедиции в 1994–1998 гг. при исследовании участка у базилики 1935 г. Однако широкого отклика в научной литературе эта хронология не получила, как, соответственно, и распространения.

Автором настоящей статьи был представлен свой вариант периодизации истории Херсонеса Таврического в связи с изменением экологических (природных) условий [39, с. 164–170]. Было выделено 8 этапов (периодов) (в публикации – их 7, а в докладе именно 8) истории этого полиса. В обобщенном виде эти этапы становления и развития Херсонеса (как этапы освоения или утраты территории) выглядят следующим образом. 1. В пределах последней трети VI – первой четверти

¹ Здесь обозначаю только этот период из всего перечня, а остальные (византийские) не имеют отношения к данной теме.

V вв. до н. э. происходит *основание полиса*. 2. Вторая четверть V – первая четверть IV вв. до н. э.: *начало становления полиса*. 3. Вторая четверть/конец середины IV – первая половина III вв. до н. э.: *превращение прежде небольшого полиса в относительно крупное «территориальное» государство*. Экономический расцвет. 4. Середина – вторая половина III – начало второй половины II вв. до н. э. и позже: *военно-политические и экономические потрясения, связанные с варварскими вторжениями и войнами в Причерноморье*. Со второй половины II вв. до н. э. прекращается производство амфор и столовой посуды. 5. I в. до н.э. – I в. н.э.: *продолжение кризиса*, масштабная и кардинальная «перестройка» всей экономической системы под «диктовку» Рима. 6. Материалы конца I – начала III вв. и позднее отражают *римскую эпоху* Херсонеса. 7. С III по середину IV вв. эпоха продолжалась как *позднеримская*. 8. События середины/второй половины IV – середины/конца VI вв. открывают *переломную эпоху*, когда в рамках поздней античности (в Восточной Римской – Византийской империи) распространяется новая материальная культура и идет строительство раннехристианских храмов. В этом ряду периодов особо проблематичными представляются общие хронологические рамки истории Херсонеса (время основания полиса и завершения его античной истории). Римская эпоха разделена на две части. Впрочем, все границы здесь между периодами – только примерные. В данном случае они выделены на основании особенностей как внутреннего развития Херсонеса (его политика, экономика, культура и экология), так и изменений внешнеполитической ситуации.

Кроме того, автором в отдельных работах были рассмотрены границы позднеантичной эпохи для Херсонеса [40] и основных центров Северного Причерноморья (Ольвия, Херсонес и Боспор). Для Ольвии это третья четверть IV в., верхняя же хронологическая граница позднеантичной эпохи определяется для Северного Причерноморья (прежде всего Боспора и Херсонеса) в пределах последней четверти VI – начала VII вв. [41, с. 121–127]. Однако и эта схема (как и другие) требует существенной корректировки.

Недавно С. Ю. Сапрыкин подготовил обширную обзорную работу на основе курса лекций по истории Древнего Причерноморья, которая подводит определенные итоги его многолетним занятиям этим регионом. В ней отдельная глава посвящена истории Херсонеса и хотя специально не рассматривается его периодизация, но все описание дается по хронологическим этапам. Автор фактически присоединяется к старой точке зрения о позднем основании таврического полиса, связывая его начало с чеканкой монеты в начале IV в. [27, с. 494], а до его основания на этом месте могла быть торговая фактория (эмпорий) или якорная стоянка для судов. Этап основания и ранней истории Херсонеса заканчивается к середине – началу третьей четверти IV в. до н. э. [27, с. 495]. Становление и развитие полиса связано с освоением Западной Таврики и продолжалось до начала III в. до н. э. [27, с. 497–507]. Следующий период занял всю эллинистическую эпоху до третьей четверти – начала II в. до н. э. [27, с. 507–513]. Далее описывается положение Херсонеса в составе Понтийского и Боспорского

царств (Митридат VI Евпатор, войны с крымскими скифами, зависимость от Боспора, поход Тиберия Плавтия Сильвана и усиление Рима) до конца первой четверти II в. н. э. [27, с. 513–524]. Особое положение занимал Херсонес в системе римского провинциального управления с базированием легионеров и моряков, которое продолжалось до эпохи домината [27, с. 524]. Эпохой домината (в Риме – с 484 г.) С. Ю. Сапрыкин заканчивает античную историю Херсонеса. Автор первоначально утверждает, что он вошел в состав диоцеза Фракии [27, с. 524], но в конце главы отмечает значительную зависимость от Рима со статусом свободного города, однако при этом в состав империи он не входил [27, с. 533]. В целом границы между периодами выглядят нечеткими, но и исследователь не ставил задачи их определения, да и исторический процесс в античном Херсонесе выглядит именно дискретным.

Интересна и важна новейшая хронология развития монетного дела Херсонеса, заново представленная Е. Я. Туровским, где учитываются также и особенности его экономического и исторического развития, что особенно важно для нашей темы. Автор, обращаясь к проблеме организации монетного дела Херсонеса в классическое и эллинистическое время, подвергает труды предшественников (А. Л. Бертье-Делагарда, А. М. Гилевич, В. А. Анохина и др.) аргументированной критике и анализу [37, с. 301–306]. В итоге им выделено всего 10 хронологических этапов. Перечислим их, обращая внимание на военно-политические и экономические аспекты. *Первый этап* (конец V – первая четверть IV вв. до н. э.) начинается выпуском серебряных и медных монет разных номиналов, но одного монетного типа. Это был этап становления экономики (торговля, рыбная ловля, начало сельского хозяйства). *Второй этап* (около начала второй четверти – середина IV в. до н. э.) характеризовался изменением монетного типа от серии к серии, возросшим экономическим потенциалом, что было связано не только с торговлей, но и с эксплуатацией аграрной территории на Маячном полуострове. *Третий этап* (около середины – третьей четверти IV в. до н. э.) начинался выпуском серий крупной меди, затем шли параллельные выпуски серебряной и медной монеты (биметаллизм), от себя добавим – дальнейшее освоение хоры. Содержание *четвертого этапа* (последняя четверть IV в. до н. э.) характеризуют выдающиеся успехи полиса в экономическом и политическом развитии – межевание дальней и ближней хоры, крупномасштабное производство амфорной клейменной тары, развитие торговых и политических связей с греческими центрами Причерноморья и Средиземноморья и варварским миром; стабильный выпуск медной и серебряной монеты; в конце периода – гражданские катаклизмы, связанные борьбой демократов со своими противниками. *Пятый этап* (первая четверть III в. до н. э.) – наивысший этап развития. Характеризуется победой демократов (принятие закона об амнистии), сплочением народа, невиданным ростом экономики, абсолютным максимумом амфорного производства, полномасштабным выпуском серебра; в конце периода – маркированием монет, умноженным внешнеполитическим фактором (варварские вторжения, в результате чего были разрушены неукрепленные усадьбы в Северо-Западном Крыму и на Гераклеийском п-ве), что выразилось в сокрытии монет

(клады). *Шестой этап* (около 275 г. – 60 гг. III в. до н. э.): в условиях начинающегося экономического кризиса финансовые (монетные) магистраты пытались решить проблемы путем манипуляций с денежной массой и «инфляционной эмиссией» с целью стабилизировать денежное обращение. *Седьмой этап* (60-е – 30-е гг. III в. до н. э.): новый сокрушительный удар со стороны варваров привел к разрушению аграрных поселений на хоре, начались выпуски новой серии «инфляционного» серебра, появились новые типы меди и свинцовых знаков. *Восьмой этап* (около 225–220 – около 180–175 гг. до н. э.): около конца третьей четверти III в. до н. э. произошли конструктивные изменения во взаимоотношениях с варварами, детали которых нам неизвестны, к началу этапа началось возрождение сельских поселений, рост выпуска клейменной тары, оживление экономики сказалось положительно и на нумизматике. *Девятый этап* (около 180–175 – около 120–115 гг. до н. э.): трудное военно-политическое положение Херсонеса сменилось на катастрофическое, скифы захватывают все владения на хоре, происходят изменения в нумизматике, данные эпиграфики позволяют говорить о гражданском противостоянии (стасисе). *Десятый этап* (около 120–115 – около 110 г. до н. э.): накануне затяжной войны со скифами предполагается возвращение демократов и возвращение прежней практики маркировки монеты [подр.: 37, с. 306–312]. Эта периодизация, конечно, как можно видеть, специфическая, но, тем не менее, выпукло отражает реальные изменения в положении Херсонеса, которые хорошо известны автору.

Можно сделать вывод, что дальнейшее уточнение хронологии и периодизации истории Херсонеса Таврического должно идти в нескольких направлениях. Во-первых, по возможности необходимо уточнение хронологических рамок античной эпохи именно для этого полиса. Во-вторых, такая периодизация должна опираться на весь комплекс источников, а не преимущественно только на письменные, эпиграфические, нумизматические или археологические материалы. И, в третьих, такая периодизация должна учитывать, прежде всего, особенности внутреннего развития Херсонеса, конечно, с учетом международной обстановки и всех внешних факторов, как, например, это делается для Ольвии [ср.: 13] или Боспора. И, таким образом, в меньшей степени, как это ни парадоксально, она будет механически строиться в соответствии с общей периодизацией греческой античности (эпохи архаики, классики, эллинизма). При этом необходимо начинать с определения хронологических рамок херсонесской античной истории.

О нижней хронологической границе истории Херсонеса. До сих пор продолжается дискуссия о времени его основания на берегах Карантинной бухты. В связи с этой проблемой хотелось бы обратить внимание на новую небольшую, но емкую по смыслу статью И. Е. Сурикова, посвященную проблеме времени основания Херсонеса [35]. Автор не только вновь критически анализирует устоявшуюся аргументацию А. В. Буйских и Р. В. Стоянова, не согласных с концепцией Ю. Г. Виноградова – М. И. Золотарева – И. Е. Сурикова о раннем основании полиса [35, с. 215–217, прим. 9], но и специально обращается к «нумизматическим доказательствам» основания полиса на берегах Карантинной

бухты чуть ли не в IV в. до н. э. Автор показывает, что логическая связка «если такой-то центр чеканит монету, то он является полисом» (что абсолютно верно) вовсе не значит, что «если такой-то центр не чеканит монету, то он не является полисом», чему есть многочисленные примеры в Балканской Греции. Ведь и сами Мегары (метрополия Гераклеи Понтийской, переселенцы из которой и основали Херсонес в Таврике) стали чеканить монету только в IV в. до н. э. [35, с. 217–218]. И еще хотелось бы обратить внимание еще на одну парадоксальную и важную мысль московского историка – Херсонес был основан не после открытия прямого поперечного морского пути через Черное море, а наоборот, ради нового полиса был проложен это кратчайший путь, что произошло довольно рано [35, с. 218–219].

Основанное гераклеотами и делосцами поселение на берегу Карантинной бухты на северо-восточном плато было типичной греческой апоикией, а выбранное ими место отвечало всем требованиям, которые предъявлялись колонистами к заселяемым ими местам. К западу и юго-западу от поселения несколько позже появились первые погребения некрополя. Возможно, тогда же могла быть сделана попытка поселиться у перешейка Маячного полуострова («Старый Херсонес» Страбона), но она оказалась неудачной.

Не рассматривая здесь другие проблемы ранней истории Херсонеса Таврического [20; совр. историография: 21], в том числе, прежде всего, датировки керамических материалов из раскопок на Херсонесском плато [напр.: 17, с. 14–15, рис. 2–6, 9; 8], что является отдельной задачей, отметим следующее. Так называемое «очищение» острова Делос афинянами, которое является основным событием, датирующим основание Херсонеса, происходило неоднократно. Детальный анализ литературной традиции позволил Ю. Г. Виноградову отнести эту дату к последнему году правления афинского тирана Писистрата – 528 г. до н. э. [Виноградов, Золотарев, 1999, с. 119]. Эта дата как будто подтверждается событиями еще в одном дорическом полисе – Каллатисе, основанном около середины VI в. до н. э. изгнанными из Гераклеи аристократами. Часть основателей Каллатиса с оружием в руках вернулась на родину, чтобы свергнуть демократический строй. Об этом упоминает Аристотель. Потерпевшая поражение партия гераклеийских демократов (потомки мегарян, беотийцев и ионийцев) была вынуждена срочно эмигрировать за море – в разбойничью землю тавров [14, с. 124–125]. При этом возможно, что и Херсонес был основан и раньше конца последней трети VI в. до н. э. вскоре после Каллатиса и при схожих обстоятельствах [34, с. 52–53], и в этом случае эти события еще теснее взаимосвязаны. В литературе этот процесс получил название «дуализма в организации новых полисных структур». Аналогии ему есть в Северо-Западном Причерноморье: в связи между собой были основаны Борисфен и Ольвия, Истрия и Оргаме. В том числе и как полисы и предшествующие им эмпории [см.: 10, с. 227–228]. Сказанное выше позволяет заключить, что основание Херсонеса проходило в несколько этапов, с участием дорийцев и ионийцев, но при некотором преобладании последних. Хронологическое несовпадение данных письменных источников и древнейших археологических материалов не может служить бесспорным аргументом в пользу недостоверности данных письменной традиции, так как и в

других причерноморских колониях обнаруженный там керамический материал относится к более позднему времени, чем данные источников о времени их основания [10, с. 227]. Особенно это характерно для Каллатиса, массовые археологические находки из раскопок которого все не ранее IV в. до н. э., а к более раннему времени относятся только единичные фрагменты [27, с. 253–254].

Обстоятельства и ход основания Херсонеса схожи с тем, как была основана его метрополия – Гераклея. Вначале здесь появились ионийцы – милетяне. Затем к процессу создания колонии подключились дорийцы – выходцы из Мегар и Беотии [14, с. 126–128], но милетяне остались равноправными гражданами полиса [33, с. 77]. Похожим образом была основана соседняя с Гераклеей Синопа [14, с. 98, прим. 39]. Последовавшее затем основание самой Гераклеей двух колоний – Каллатиса и Херсонеса могло объясняться не только внутривулканической борьбой демократов и аристократов, но и внешнеполитическим фактором: предполагается, что в Гераклею были сторонники лидийского царя Креза из династии Мермнадов и их противники, почитатели персидских царей Ахеменидов [14, с. 78].

Херсонес, вероятно, таким образом, заселялся несколькими волнами переселенцев. Первую волну можно предположительно отнести к концу последней трети VI в. до н. э. или даже к несколько более раннему времени [32, с. 48–52; 33, с. 73–74]. Еще недавно ученые соотносили этот этап с образованием «предхерсонесского поселения». На втором этапе, во второй – третьей четвертях V в. до н. э. в Юго-Западный Крым прибыло большее количество новых дорийских поселенцев, с некоторым участием ионийцев. В это время в Херсонесе формируются государственные (полисные) структуры. Как свидетельствуют данные археологии, с этого времени Херсонес уже стал полноценной составной частью экономики и культуры эллинского мира, и обладал всеми присущими полису признаками, в том числе выборной властью и институтом остракизма. Впрочем, гипотеза о том, что и в первой половине V в. до н. э. это было лишь «предхерсонесское поселение», еще находит своих сторонников [9, с. 61]. В это время Херсонес поддерживал торговые отношения с островами Хиосом, Лесбосом, Фасосом, Самосом. Оттуда сюда поступало вино и оливковое масло в амфорах, из Афин (и не только) – столовая и парадная чернолаковая и расписная краснофигурная посуда. Колонисты освоили прилегающую к Карантинной бухте юго-восточную часть Херсонесского плато [46, рис. 11] и построили землянки, аналогичные тем, в которых жили первопоселенцы Ольвии и Боспора. В них прожили одно – два поколения. Тогда же началось строительство оборонительной системы, призванной защитить город от варварской (таврской и скифской) угроз. Ранний период истории Херсонеса заканчивается.

О верхней границе позднеантичной истории Херсонеса. Обратимся теперь к позднеантичной эпохе Херсонеса. Как было показано ранее, традиционная точка зрения исходит из того, что рубеж между античностью (древностью) и средневековьем проходит на границе IV–V вв. Так же считали, например, и отечественные византилисты [47, с. 17 след.]. В современной исторической науке все более популярной становится концепция поздней античности,

сформулированная первоначально британскими учеными А. Х. М. Джонсом и П. Брауном [см. подр.: 11; 28]. Эта тенденция постепенно набирает обороты и в отечественной историографии, прежде всего на примере изучения позднеантичных Боспора и Херсонеса: она нашла свое отражение в работах Н. Н. Болгова, В. М. Зубаря [45] и С. Б. Сорочана [29]; показательна в этом смысле как раз также и периодизация истории Херсонеса. Заметим, что современные верхние границы поздней античности определяются в западной историографии в пределах начавшегося VII века (602 год – смерть императора Маврикия в Восточной Империи или нашествие арабов в 20–40-е гг. VII в.). При этом отмечается, что эти события больше повлияли на судьбы Востока, нежели имели отношение к истории Запада [11, с. 226].

Возвращаясь к позднеантичному Херсонесу – Византийскому Херсону, отметим еще несколько важных показателей к характеристике меняющегося общества. Во-первых, это материальная культура. Многочисленные исследования, особенно за последние два десятилетия, акцентировали внимание на многочисленных археологических комплексах, содержащих характерные наборы амфорной тары (до полутора десятков типов) [5, рис. 1–9; 26, с. 16–45, табл. 2–16], краснолаковой керамики [25, с. 7–10 и сл.] (разнообразных форм херсонесской, «понтийской» и фокейской сигиллят) [42, рис. 3–5, 8–14], стекла [15] и бижутерии, бытовавших достаточно компактно сериями с середины/второй половины IV по середину/вторую половину VI или начало VII вв. Во-вторых, это утверждение христианства, судя по погребениям херсонесского некрополя, строительству первых базилик, памятникам прикладного искусства и скульптуре, также относится к этому временному промежутку, или, даже скорее к его окончанию. Наконец, это внешнеполитические события, повлиявшие на ситуацию. Это, гуннская и тюркская угрозы. В 370–375 гг. гунны, минуя Крым, заняли Причерноморье, двинувшись затем на Запад, а вернулись в Крым только в V в., а тюркыты взяли Боспор в 576 г. и осаждали Херсонес через четыре года (580 г.), но взять не смогли [41, с. 122–123]. К этому времени на полуострове уже обосновались аланы и готы [38, с. 139–149; 1, с. 104–117]. Наконец, система власти и управления в городе теперь также изменилась. Город стал прочной частью империи. Вторая половина – конец VI в. – это и есть, пусть и достаточно условная дата, которая отражает внутренние перемены, происходящие во всем Понтийском, Восточно-Средиземноморском мире. Завершился этот процесс в Херсонесе – Херсоне немного позднее и связан с окончанием строительства крупных базиликальных комплексов и переменой в материальной культуре, связанные не только с внутренним, но и внешним положением Империи (вторжения персов и арабов) (вторая четверть VII в.).

Теперь с учетом комплексного подхода к источникам, внимания к его внутренней истории и вовлеченности в международные отношения с греческими центрами и варварами, опираясь на накопленную историографию, кратко охарактеризуем основные этапы периодизация исторического развития Херсонеса Таврического. Содержание этапов отмечено в их характеристике.

Основание Херсонеса и становление полиса (середина/последняя треть VI в. или первая половина V в. до н. э. – конец V в. до н. э.).

Недостаток литературных, эпиграфических и археологических материалов не позволяет дать однозначный ответ о дате основания полиса точнее, чем в интервале от последней трети VI до первой половины V в. до н. э. Хотя нельзя исключить, что этот период может быть несколько сдвинут на более раннее время (до середины VI в.). Экономика раннего Херсонеса базировалась в большей степени на транзитной морской торговле. Были привнесены готовые образцы политического строя. С помощью черепков глиняной посуды и амфор (остраконов) был организован процесс избрания должностных лиц (магистратов) или изгнания тех граждан, которые могли представлять опасность для демократии и государственного строя. В конце периода начинается чеканка собственной серебряной монеты. Разделить этот этап на две части (основание и становление) пока не представляется возможным.

Херсонесский полис на пути превращения в территориальное государство в первой – третьей четвертях IV в. до н. э.

С конца V – начала первой четверти IV в. до н. э. начинается сооружение на херсонесском плато заглубленных жилищ («землянок»), позже – наземное (в два этапа) домостроительство и одновременно создание оборонительной системы. Кроме серебряной монеты чеканится медная. Начинается освоение Маячного п-ова, где раздаются земельные наделы и строятся усадьбы. Двойная стена на перешейке отделяет их от остальной части Гераклейского полуострова, который также начинает осваиваться. Херсонес подчиняет себе ионийскую Керкинитиду и другие земли Северо-Западного Крыма. В итоге небольшой полис превращается в крупное по античным меркам территориальное государство.

Время наивысшего расцвета Херсонесского государства (последняя четверть IV – первая четверть III вв. до н. э.).

В начале этого периода заканчивается размежевка большей части Гераклейского п-ова и владений Херсонеса в Северо-Западном Крыму. Укрепляется демократический строй, что фиксируется сменой магистратов. Рост амфорного производства однозначно говорит об экономическом подъеме и все увеличивающемся экспорте вина. Выпускаются серии полновесных серебряных монет нескольких весовых систем. На рубеже IV–III вв. до н. э. полис успешно преодолевает гражданскую смуту (стасис). Попытка группы аристократов или олигархов свергнуть демократию не увенчалась успехом. Мятежники были прощены по закону об амнистии. Начинается этап наивысшего подъема экономики и культуры. Однако в конце первой четверти (или в начале второй трети) III в. до н. э. были внезапно разрушены многие неукрепленные усадьбы на Гераклейском п-ове и в Северо-Западном Крыму. Эти события связаны с варварской экспансией. Херсонес и Причерноморье вступают в длительную эпоху политических потрясений, войн и затянувшегося экономического кризиса.

Херсонес, сарматы и «поздние» скифы: войны, победы и крушение экономики (вторая четверть III – конец II в. до н. э.).

На рубеже первой – второй четвертей III в. до н. э. Херсонесское государство вступает в полосу масштабных кризисных перемен, постепенно охвативших все Причерноморье, связанные, вероятно, с вторжениями новых орд варваров (сарматов) с Востока. Поселения и усадьбы на хоре были разрушены. Время около середины – начала второй половины II в. до н. э. (завершение масштабных перестроек в городе и на хоре и начало формирования новых археологических комплексов) маркирует новый этап политических, военных и экономических потрясений. В результате победных Диофантовых войн и разгрома «поздних» скифов серьезным образом меняется военно-политическая обстановка.

Херсонес в Митридатовскую эпоху (конец II в. до н. э. – 63 г. до н. э.).

В начавшуюся эпоху Митридата Евпатора Херсонес попал в зависимость от Понтийской державы. В ключевых точках Западного Крыма, в Херсонесе и на ближней хоре стали понтийские гарнизоны. В зависимость от понтийцев попали и соседние скифы. Дорийский полис номинально восстановил свою государственность, но утратил самостоятельность во внешней политике, сохранив внутреннее самоуправление. Господство Понта над Херсонесом продлилось полвека – с 113/110 г. до н. э. (начало диофантовых войн) до 63 г. до н. э. (смерти Митридата VI). В это время почти на всех участках «ближней» херсонесской хоры хозяйственная деятельность сократилась. О тревожной обстановке можно говорить на основании группы кладов на хоре, относящихся к началу столетия. Ухудшение экономического и внешнеполитического положения Херсонеса в первой половине I в. до н. э. связано с серией римско-понтийских войн, которые привели к падению Понтийской державы и гибели Митридата VI Евпатора.

Херсонес между Римом и Боспором (63 г. до н. э. – первая половина I в. н. э.). После смерти Митридата VI Евпатора Херсонес пережил несколько историко-политических периодов: входил в состав Боспора как часть его территории при Фарнаке II (63–47 гг. до н.э.), получил независимость от Боспора под римским протекторатом в 46 г. до н. э., боролся со стремлением Асандра захватить город, а с 17 г. по 8 г. до н. э. был вынужден заключить военно-политический союз с новым боспорским царем Полемоном I, ставленником римлян. В течение всего этого времени херсонеситы контролировали, за некоторыми исключениями, только Гераклеийский полуостров. Несмотря на гибель Полемона, херсонесско-боспорская симмахия (союз) сохранялась, видимо, и при следующем царе – сыне Асандра и Динамии Аспурге (? 8 г. до н. э. – 37 г. н. э.). О тесных отношениях Херсонеса с царем свидетельствует фрагмент постаumenta статуи царя Аспурга, обнаруженный на херсонесском городище. Таким образом, пытаясь отстоять самостоятельность от Боспорского царства, Херсонес вынужденно ориентировался на сотрудничество с Римом и испытывая все более растущее его влияние.

Херсонесский полис под протекторатом Рима (середина I в. – середина III в.).

После разгрома Понтийского царства Северное Причерноморье уже прочно входит в зону военно-политических интересов Рима. Боспорское царство и Херсонес стали его основными союзниками в регионе. Военную помощь Херсонесу оказал мезийский наместник Т. Плавтий Сильван Элиан около 63 г. Около 114–125 гг. Рим разместил гарнизоны из солдат I Италийского и V Македонского легионов, а также вспомогательных подразделений, в Тире, Ольвии, Херсонесе и Хараксе. Во второй половине II в. н. э. командование римскими войсками в Северо-Западном Причерноморье и Западной Таврике было возложено на трибуна I Италийского легиона, штаб-квартирой которого стал Херсонес. Началось строительство укрепленных пунктов Харакса, Балаклавы, укреплений на Сапун-горском плато. Таким образом, в начавшуюся Римскую эпоху Херсонесская городская община, лавируя между центрами силы в Причерноморье – варварами, Боспором и Римом, закономерно все более попадала под римский протекторат, участвуя в военных действиях на стороне могущественного союзника. Римское влияние сказалось на всех сторонах жизни херсонеситов – политике, экономике, культуре.

Херсонес и Юго-Западный Крым в начале переходного (пост-римского) периода (вторая половина III – первая половина IV вв.).

В начале второй половины III в. римские гарнизоны были выведены из Херсонеса и его округа, однако уже в конце этого столетия римские войска снова были дислоцированы в Херсонесе. Херсонеситы до конца первой половины IV в. в серии войн с Боспором с помощью отряда баллистариев сумели нанести ему ряд поражений. Со второй половины III века в Юго-Западный Крым, как зону активного влияния Херсонеса активно прибывало новое население (аланы и германцы-готы). К началу IV в. относится деятельность первых христианских епископов. Таким образом, в позднеантичном Херсонесе существовало нескольких религиозных общин – наряду языческой («эллинской»), иудейской (со своей синагогой), также христианская и, возможно, митраистская. Экономике региона пришлось приспособляться к меняющимся реалиям (сокращение хоры), многие винодельни были перенесены внутрь городских стен. Вместо понтийской сигилляты началось производство собственной краснолаковой посуды.

Позднеантичный Херсонес во второй половине IV – первой половине VI вв.

В этот период завершается процесс вхождения Херсонеса (с V в. – Херсона) в состав Восточной Римской империи при сохранении внутреннего самоуправления. Херсонес при поддержке центральных властей начинает доминировать в Таврике, поддерживая союзные отношения с варварами (готами и аланами) Юго-Западного Крыма. Ремонтируются оборонительные стены. Христианство становится господствующей религией, хотя старые культы еще сохранялись. Это произошло при

епископах Эферии и Капитоне, которые действовали при императорах Валенте I (364–378) и Феодосии I (379–395). Синагога была перестроена в первую базилику с пятигранной апсидой (на месте комплекса базилики 1935 г.). Возводятся и другие храмы. На некрополе появляются захоронения по христианскому обычаю. Экономические возможности города при редуцировании хоры значительно сократились и в большей степени стали основываться на рыбозасолочном, стеклоделательном и керамическом производстве (херсонесская сигиллята и, возможно, амфоры) и прочем ремесле при сохранении виноделия. Импорт из Гераклеи Понтийской (вино) почти прекратился, зато выросла и стала доминировать поставка товаров в амфорах из Синопы, Юго-Западного Причерноморья, Эгеиды и Восточного Средиземноморья; одновременно импортировалась краснолаковая посуда из Северной Африки (Карфаген), Малой Азии (Фокея), Понтийского бассейна.

Завершение позднеантичной-ранневизантийской (переходной) эпохи в Херсонесе (вторая половина VI – первая треть VII вв.).

Конец эпохи маркируют как экономические и культурные перемены, так и военно-политические события. Войско тюрков в 576 году захватило Боспор, а в 581 году они осаждали Херсон, но взять не смогли. После распада Тюркского каганата Таврика вернулась под власть Византии. Позднее господами крымской степи стали болгары-тюрки, союзники империи. Херсонес – Херсон становится центром одноименной имперской провинции и церковной епархии. Завершается процесс христианизации. Новую веру принимает и окрестное население (аланы и готы). Во время «строительного бума» в городе возводятся основные общественные здания и храмовые комплексы, которые превращаются в архитектурные доминанты на северном берегу и в центре города. В итоге можно говорить об основных элементах континуитета: здесь сохранилась политическая преемственность, прежний уровень ремесла, основные занятия горожан, греческий язык, письменность, элементы архитектуры. Новые храмы стояли на месте прежних. С начала VII века на востоке империи, в Сирии и Малой Азии были захвачены и разрушены основные производственные центры, нарушены торговые связи. В империи, Таврике и Херсоне кардинально сменилась материальная культура, что знаменовало собой наступление подлинного византийского средневековья.

Заключение. Подводя итоги, можно отметить, что в целом хронологические границы между выделенными этапами – достаточно условные, они могут быть пересмотрены в результате привлечения новых источников, ревизии старых и более тщательного анализа всего массива литературы и реконструкции изменяющейся исторической ситуации. Поэтому отдельные этапы могут быть разделены на части, как например, первый, но для этого пока не хватает материала. Или седьмой – «римский», который, конечно, состоит из отдельных периодов, но анализ этих подразделений – отдельная проблема, которая требует особого внимания и выходит за рамки настоящей статьи. В целом все описанные (несколько формальные)

**О ПЕРИОДИЗАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ ИСТОРИИ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО
В ДОРИМСКУЮ ЭПОХУ И ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ПЕРИОД**

периоды стоит соединить в единую историческую картину. Ведь эти этапы фиксируют всего лишь отдельные фрагменты непрерывной линии времени.

В итоге, таким образом, общая (обобщенная) периодизация исторического развития Херсонеса Таврического в античную эпоху может быть представлена виде следующих периодов и этапов (см.: табл. 1).

Основание и ранняя история Херсонеса Таврического (середина/последняя треть VI – начало IV вв. до н. э.).

1.1. Основание Херсонеса (в пределах середины/последней трети VI – начала/первой половины V в. до н. э.).

1.2. Становление Херсонесского полиса (вторая половина V – начало IV в. до н. э.).

2. Херсонесское территориальное государство в IV–III вв. до н. э.

2.1. Образование и развитие территориального государства (со второй четверти до конца IV в. до н. э.).

2.2. Экономический и политический расцвет (конец IV – первая четверть III вв. до н. э.).

3. Херсонес Таврический в эпоху потрясений (вторая четверть III до н. э. – первая половина I в.).

3.1. Сарматская угроза. «Поздние» скифы и Херсонес (середина III – конец II в. до н. э.).

3.2. Эпоха Митридата (Митридат VI Евпатор и Херсонес) (конец II в. до н. э. – 63 г. до н. э.).

3.3. Херсонес между Римом и Боспором (63 г. до н. э. – первая половина I в. н. э.).

4. Херсонесский полис под протекторатом Рима (середина I в. – середина III в.).

5. Позднеантичный Херсонес (вторая половина III – первая треть VII вв.).

5.1. Начало переходного (пост-римского) периода (вторая половина III – первая половина IV вв.).

5.2. Позднеантичный Херсонес во вторую половину IV – первую половину VI вв.

5.3. Завершение позднеантичной – ранневизантийской (переходной) эпохи в Херсонесе (вторая половина VI – первая треть VII вв.).

Таблица 1. Периодизация истории Херсонеса Таврического

Века	Исторические периоды	Периоды	Этапы
VI	Архаический период	I. Основание и ранняя история Херсонеса Таврического	1. 1.1. Основание полиса 1.2. Становление полиса
V	Классический период		

Века	Исторические периоды	Периоды	Этапы
IV	Эллинистический период	II. Образование и расцвет Херсонесского территориального государства	2. Херсонесский полис на пути превращения в территориальное государство
III			3. Время наивысшего расцвета Херсонесского государства
II		III. Херсонес Таврический в эпоху потрясений	4. Херсонес, сарматы и «поздние» скифы: войны, победы и крушение экономики
I			5. Херсонес в Митридатовскую эпоху
I			6. Херсонес между Римом и Боспором
II	Римский период	IV. Херсонесский полис под протекторатом Рима	7. Херсонесский полис под протекторатом Рима
III			8. Херсонес и Юго-Западный Крым в начале переходного (пост-римского) периода
IV		V. Херсонес в позднеантичную эпоху	9. Позднеантичный Херсонес
V			10. Завершение позднеантичной-ранневизантийской (переходной) эпохи в Херсонесе
VI			
VII	Позднеантичный (ранневизантийский) период		

Список использованных источников и литературы

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III-VII в.). – Симферополь: ООО «Антиква», 2017. – 366 с.
Ajbabin A. I., Hajredinova E'.A. Kry'mskie goty` strany` Dori (seredina III-VII v.). – Simferopol': ООО «Antikva», 2017. – 366 s.

2. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса IV в. до н. э. – XII в. н. э. – Киев: Наук. думка, 1977. – 175 с.
Anoxin V. A. Monetnoe delo Xersonesa IV v. do n. e'. – XII v. n. e'. – Kiev: Nauk. dumka, 1977. – 175 s.
3. Античные государства Северного Причерноморья. Археологии СССР / Под ред. Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликовой, В. С. Долгорукова. – М.: Наука, 1984. – 396 с.
Antichny'e gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya. Arxeologii SSSR / Pod red. G. A. Koshelenko, I. T. Kruglikovoj, V. S. Dolgorukova. – M.: Nauka, 1984. – 396 s.
4. Античное наследие Кубани / ред., сост. акад. РАН Г. М. Бонгард-Левин, д.и.н. В. Д. Кузнецов / В 3 т. – М.: Наука, 2010.
Antichnoe nasledie Kubani / red., sost. akad. RAN G.M. Bongard-Levin, d.i.n. V.D. Kuznecov / V 3 t. – M.: Nauka, 2010.
5. Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Вып. 7. – Екатеринбург: Уральский университет, 1971. – С. 81–101.
Antonova I. A., Danilenko V. N., Ivashuta L. P., Kadeev V. I., Romanchuk A. I. Srednevekovy'e amfory Xersonesa // ADSV. Vy'p. 7. – Ekaterinburg: Ural'skij universitet, 1971. – S. 81–101.
6. Белов Г. Д. Херсонес Таврический. – Л.: Типография № 2, 1948. – 147 с.
Belov G. D. Xersones Tavricheskij. – L.: Tipografiya № 2, 1948. – 147 s.
7. Бондаренко М. Е. Античная история и археология Херсонеса Таврического: Библиографический указатель (1788–1987 гг.). – М.: Компания Спутник+, 2004. – 130 с.
Bondarenko M. E. Antichnaya istoriya i arxeologiya Xersonesa Tavricheskogo: Bibliograficheskij ukazatel' (1788–1987 gg.). – M.: Kompaniya Sputnik+, 2004. – 130 s.
8. Буйских А. В. Херсонес Таврический в VI в. до н.э.: реальность историческая или археологическая? // АМА. 2006. Вып. 12. – С. 263–277.
Bujskix A. V. Xersones Tavricheskij v VI v. do n.e.: real'nost' istoricheskaya ili arxeologicheskaya? // AMA. 2006. Vy'p. 12. – S. 263–277.
9. Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 5. – Симферополь, 2008. – 424 с.
Bujskix A. V. Prostranstvennoe razvitie Xersonesa Tavricheskogo v antichnuyu e'poxu // MAIE'T. Supplementum. Vy'p. 5. – Simferopol', 2008. – 424 s.
10. Буйских А. В. Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). – Киев: «Стародавній Світ», 2013. – 246 с.
Bujskih A. V. Arxaicheskaya raspisnaya keramika iz Ol'vii (vostochnogrecheskaya, lakonskaya, korinfskaya, imitacii). – Kiev: «Starodavnij Svit», 2013. – 246 s.
11. Вашева И. Ю. Концепция поздней античности в современной исторической науке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 6 (1). – С. 220–231.
Vashheva I. Yu. Konserciya pozdnej antichnosti v sovremennoj istoricheskoy nauke // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2009. № 6 (1). – S. 220–231.
12. Вдовиченко И. И., Рыжов С. Г., Жесткова Г. И. Античная расписная керамика Херсонеса Таврического из раскопок С. Г. Рыжова в 1976–201. – Севастополь: Альбатрос, 2019. – 204 с.
Vdovichenko I. I., Ry'zhov S. G., Zhestkova G. I. Antichnaya raspisnaya keramika Xersonesa Tavricheskogo iz raskopok S. G. Ry'zhova v 1976–201. – Sevastopol': Al'batros, 2019. – 204 s.
13. Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. – М.: Наука, 1989. – 288 с.
Vinogradov Yu. G. Politicheskaya istoriya Ol'vijskogo polisa VII–I vv. do n. e.: Istoriko-e'pigraficheskoe issledovanie. – M.: Nauka, 1989. – 288 s.
14. Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. – М.: Наука, 1999. – С. 91–129.

- Vinogradov Yu. G., Zolotarev M. I. Xersones iznachal'nyj // Drevnejšie gosudarstva Vostočnoj Evropy` 1996–1997. Severnoe Prichernomor'e v antichnosti. Voprosy` istochnikovedeniya. – M.: Nauka, 1999. – S. 91–129.
15. Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. №. VIII. – С. 97–260.
Golofast L. A. Steklo rannevizantijskogo Xersonesa // МАИЭТ. 2001. №. VIII. – S. 97–260.
16. Золотарев М. И. Херсонес Таврический: основание и становление полиса // ХСб. Вып. XIV. 2005. – С. 13–44.
Zolotaryov M. I. Xersones Tavricheskij: osnovanie i stanovlenie polisa // XSb. Vy`p. XIV. 2005. – S. 13–44.
17. Золотарев М. И. Археологическая периодизация памятников Херсонеса Таврического // ВДИ. 2002. № 2. – С. 67–72.
Zolotaryov M. I. Arxeologicheskaya periodizaciya pamyatnikov Xersonesa Tavricheskogo // VDI. 2002. № 2. – S. 67–72.
18. Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В., Макленнан Р., Оверман А., Оливье Дж., Эдвардс Д., Линстром Г., при участии Е. Олениной. Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: Материалы и исследования Причерноморского Проекта 1994–1998 гг. – М., Севастополь: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. – 520 с.
Zolotaryov M. I., Korobkov D. Yu., Ushakov S. V., Maklennan R., Overman A., Oliv'e Dzh., E'dwards D., Linstrom G., pri uchastii E. Oleninoj. Drevnyaya sinagoga v Xersonese Tavricheskom: Materialy` i issledovaniya Prichernomorskogo Projekta 1994–1998 gg. – M., Sevastopol': Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke, 2013. – 520 s.
19. Зубарь В. М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. – Киев: Шлях, 2004. – 312 с.
Zubar` V. M. Xersones Tavricheskij i naselenie Tavriki v antichnuyu e`poxu. – Kiev: Shlyax, 2004. – 312 s.
20. Зубарь В. М. Еще раз о времени основания Херсонеса Таврического // БИ. 2010. – С. 63–89.
Zubar` V. M. Eshhyo raz o vremeni osnovaniya Xersonesa Tavricheskogo // BI. 2010. – S. 63–89.
21. Лесная Е. С. Ранняя история Херсонеса Таврического в современной историографии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения: научный журнал. 2016. Том 16. Выпуск 4. – С. 416–420.
Lesnaya E. S. Rannyaaya istoriya Xersonesa Tavricheskogo v sovremennoj istoriografii // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodny`e otnosheniya: nauchny`j zhurnal. 2016. Tom 16. Vy`pusk 4. – S. 416–420.
22. Николаенко Г. М. Древности Маячного полуострова. Археологическая характеристика памятников. – Севастополь: Альбатрос, 2018. – 344 с.
Nikolaenko G. M. Drevnosti Mayachnogo poluostrova. Arxeologicheskaya karakteristika pamyatnikov. – Sevastopol': Al'batros, 2018. – 344 s.
23. Пальцева Л. А. Херсонес Таврический в V–I вв. до н. э.: Учеб. пособие. – Л.: ЛГУ, 1988. – 84 с.
Pal`ceva L. A. Xersones Tavricheskij v V–I vv. do n. e`.: Ucheb. posobie. – L.: LGU, 1988. – 84 s.
24. Романчук А. И. Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. В 2 т. Т. 1: Античный полис. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2008. 720 с.
Источник: <http://www.krimoved-library.ru/books/issledovaniya-hersonesa-hersona-raskopki-gipotezi-problemi.html>.
- Romanchuk A. I. Issledovaniya Xersonesa–Xersona. Raskopki. Gipotezy`. Problemy`. V 2 t. T. 1: Antichny`j polis. Tyumen`: Izda-tel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. 720 s. Istochnik: <http://www.krimoved-library.ru/books/issledovaniya-hersonesa-hersona-raskopki-gipotezi-problemi.html>.
25. Романчук А. И., Сазанов А. В. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Ч. 1. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. – Свердловск: Уральский Госуниверситет, предприятие «АВ КОМ». 1991. – 55 с.

- Romanchuk A. I., Sazanov A. V. Srednevekovy`j Xerson. Istoriya, stratigrafiya, nachodki. Ch. 1. Krasnolakovaya keramika rannevizantijskogo Xersona. – Sverdlovsk: Ural`skij Gosuniversitet, predpriyatие «AV KOM». 1991. – 55 s.
26. Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. – Екатеринбург: Уральский университет, предприятие «АВ КОМ». 1995. – 110 с.
- Romanchuk A. I., Sazanov A. V., Sedikova L. V. Amfory` iz kompleksov vizantijskogo Xersona. – Ekaterinburg: Ural`skij universitet, predpriyatие «AV KOM». 1995. – 110 s.
27. Сапрыкин С. Ю. Древнее Причерноморье. – М.; СПб.: Издательство РХГА, 2018. – 743 с.
- Sapry`kin S. Yu. Drevnee Prichernomor`e. – M.; SPb.: Izdatel`stvo RXGA, 2018. – 743 s.
28. Селунская Н. А. «Late Antiquity»: историческая концепция, историографическая традиция и семинар «Empires Unlimited» (Central European University) // ВДИ. 2005. – С. 249–253.
- Selunskaya N. A. «Late Antiquity»: istoricheskaya koncepciya, istoriograficheskaya tradiciya i seminar «Empires Unlimited» (Central European University) // VDI. 2005. – S. 249–253.
29. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г. Ю. Ивакин. Ч. 1-2. Харьков: Майдан, 2005. – 1648 с.
- Sorochan S. B. Vizantijskij Xerson (vtoraya polovina VI – pervaya polovina X vv.). Ocherki istorii i kul`tury / Отв. red. G. Yu. Ivakin. Ch. 1-2. Har`kov: Majdan, 2005. – 1648 s.
30. Стоянов Р. В. Несколько замечаний о времени и причинах основания Херсонеса Таврического // ВДИ. 2007. № 2. – С. 125–144.
- Stoyanov R. V. Neskol`ko zamechanij o vremeni i prichinax osnovaniya Xersonesa Tavricheskogo // VDI. 2007. № 2. – S. 125–144.
31. Стржелецкий С. Ф. Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху / Отв. ред. А. П. Смирнов. – М., 1959. – С. 63–85.
- Strzheleczkij S. F. Osnovny`e e`tapy` e`konomicheskogo razvitiya i periodizaciya istorii Xersonesa Tavricheskogo v antichnuyu e`poxu // Problemy` istorii Severnogo Prichernomor`ya v antichnuyu e`poxu / Отв. red. A. P. Smirnov. – M., 1959. – S. 63–85.
32. Суриков И. Е. Остракизм в Мегарах и Херсонесе Таврическом // Проблемы антиковедения и медиевистики: Межвузовский сборник научных трудов. – Нижний Новгород, 1999. – С. 48–52.
- Surikov I. E. Ostrakizm v Megarax i Xersonese Tavricheskom // Problemy` antikovedeniya i medievistiki: Mezhvuzovskij sbornik nauchny`x трудов. – Nizhnij Novgorod, 1999. – S. 48–52.
33. Суриков И. Е. О некоторых факторах колонизационной политики Гераклеи Понтийской // ПИФК. 2002. Вып. 12. – С. 72–82.
- Surikov I. E. O nekotory`x faktorax kolonizacionnoj politiki Geraklei Pontijskoj // PIFK. 2002. Vy`p. 12. – S. 72–82.
34. Суриков И. Е. Черноморское эхо катастрофы в Сардах (Персидское завоевание державы Мермнадов и колонизационная политика Гераклеи Понтийской) // Античная цивилизация и варвары. – М.: Наука, 2006. – С. 47–72.
- Surikov I. E. Chernomorskoe e`ho katastrofy` v Sardax (Persidskoe zavoevanie derzhavy` Mermnadov i kolonizacionnaya politika Geraklei Pontijskoj) // Antichnaya civilizaciya i varvary`. – M.: Nauka, 2006. – S. 47–72.
35. Суриков И. Е. К полемике о времени основания Херсонеса Таврического (с акцентом на нумизматическую аргументацию) // ХСб. 2019. Вып. XX. – С. 215–221.
- Surikov I. E. K polemike o vremeni osnovaniya Xersonesa Tavricheskogo (s akcentom na numizmaticheskuyu argumentaciju) // XSb. 2019. Vy`p. XX. – S. 215–221.
36. Суров Е. Г. Херсонес Таврический. – Свердловск: Издательство Уральского Государственного университета, 1961. – 156 с.
- Surov E. G. Xersones Tavricheskij. – Sverdlovsk: Izdatel`stvo Ural`skogo Gosudarstvennogo universiteta, 1961. – 156 s.
37. Туровский Е. Я. Об организации монетного дела в Херсонесе в классическое и эллинистическое время (конец V–II вв. до н. э.) // ХСб. 2019. Вып. XIX. – С. 301–318.

Turovskij E. Ya. Ob organizacii monetnogo dela v Xersonese v klassicheskoe i e'linisticheskoe vremya (konets V–II vv. do n. e'.) // XSb. 2019. Vy'p. XIX. – S. 301–318.

38. Ушаков С. В. Варвары горной Таврики на рубеже эпох: Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III – середина VI вв. н. э.). Опыт реконструкции // Археологический альманах. № 23. Донецк, 2010. – 180 с.

Ushakov S. V. Varvary' gornoj Tavriki na rubezhe e'pox: E'tnicheskaya situaciya v Yugo-Zapadnom Kry'mu (III – seredina VI vv. n. e'.). Opy't rekonstrukcii // Arxeologicheskij al'manax. № 23. Doneczk, 2010. – 180 s.

39. Ушаков С. В. Херсонес Таврический: динамика территории и проблема жизнеобеспечения (от поздней архаики до раннего средневековья) // Экология древних и традиционных обществ: материалы V Международной научной конференции, г. Тюмень, 7–11 ноября 2016 г. / под ред. Н. П. Матвеевой. – Вып. 5: в 2 ч. – Ч. 2. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2016. – С. 164–170.

Ushakov S.V. Xersones Tavricheskij: dinamika territorii i problema zhizneobespecheniya (ot pozdnej arxaiki do rannego srednevekov'ya) // E'kologiya drevnix i tradicionny'x obshhestv: materialy' V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, g. Tyumen', 7–11 noyabrya 2016 g. / pod red. N. P. Matveevoj. – Vy'p. 5: v 2 ch. – Ch. 2. – Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016. – S. 164–170.

40. Ушаков С.В. О рубеже между античностью и средневековьем: исторический и археологический подходы (на примере Херсонеса Таврического) // Ломоносовские чтения 2017 года [Электронный ресурс]: Сборник материалов научной конференции (22 марта 2017 года, г. Севастополь). – Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2017. – С. 30–31.

Ushakov S. V. O rubezhe mezhdu antichnost'yu i srednevekov'em: istoricheskij i arxeologicheskij podxody' (na primere Xersonesa Tavricheskogo) // Lomonosovskie chteniya 2017 goda [E'lektronny'j resurs]: Sbornik materialov nauchnoj konferencii (22 marta 2017 goda, g. Sevastopol'). – Sevastopol': Filial MGU imeni M. V. Lomonosova v g. Sevastopole, 2017. – S. 30–31.

41. Ушаков С.В. О хронологии позднеантичного Причерноморья: Ольвия, Херсонес и Боспор (археологический аспект) // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной конференции. Часть 2. – СПб.: ИИЦ СПбГУИТД, 2018. – С. 121–127.

Ushakov S.V. O xronologii pozdneantichnogo Prichernomor'ya: Ol'viya, Xersones i Bospor (arxeologicheskij aspekt) // Bosporskij fenomen. Obshhee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira. Materialy' mezhdunarodnoj konferencii. Chast' 2. – SPb.: IPCz SPbGUPTD, 2018. – S. 121–127.

42. Ушаков С.В. Херсонес Таврический, Понт и Восточное Средиземноморье на рубеже эпох (IV–VI вв.): по материалам амфорной тары и краснолаковой керамики (к постановке проблемы) // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы конференции. Том 2 / Отв. ред. А. Д. Васильев; сост. Н. В. Гинькут, В. В. Лебединский, В. В. Прудников. – М.: Пробел-2000, 2019. – С. 128–155.

Ushakov S. V. Xersones Tavricheskij, Pont i Vostochnoe Sredizemnomor'e na rubezhe e'pox (IV–VI vv.): po materialam amfornoj tary' i krasnolakovoj keramiki (k postanovke problemy') // Istoricheskie, kul'turny'e, mezhnacional'ny'e, religiozny'e i politicheskie svyazi Kry'ma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: Materialy' konferencii. Tom 2 / Otv. red. A. D. Vasil'ev; sost. N. V. Gin'kut, V. V. Lebedinskij, V. V. Prudnikov. – M.: Probel-2000, 2019. – S. 128–155.

43. Ушаков С. В., Лесная Е. С., Тюрин М. И. Новый керамический комплекс V в. до н.э. из северо-восточного района Херсонеса // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященных 65-летию профессора В. П. Копылова. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – С. 308–315.

Ushakov S. V., Lesnaya E. S., Tyurin M. I. Novy'j keramicheskij kompleks V v. do n.e'. iz severo-vostochnogo rajona Xersonesa // Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya. Sbornik

nauchny`x trudov, posvyashhenny`x 65-letiyu professora V. P. Kopy`lova. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuNCz RAN, 2013. – S. 308–315.

44. Федосеев Н. Ф. Греки на Боспоре Киммерийском: 200 лет исследований. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2017. – 315 с.

Fedoseev N. F. Greki na Bospore Kimmerijskom: 200 let issledovanij. – Simferopol`: Biznes-Inform, 2017. – 315 s.

45. Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры. – Харьков: Майдан, 2004. – 730 с.

Xersones Tavricheskij v seredine I v. do n.e`. – VI v. n.e`. Ocherki istorii i kul`tury`. – Har`kov: Majdan, 2004. – 730 s.

46. Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I в. до н.э. Очерки истории и культуры. – Киев: Академперіодика, 2005. – 627 с.

Xersones Tavricheskij v tret`ej chetverti VI – seredine I v. do n.e`. Ocherki istorii i kul`tury`. – Kiev: Akadempriodika, 2005. – 627 s.

47. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. – 364 с.

Yakobson A.L. Rannesrednevekovy`j Xersones // MIA. 1959. № 63. – 364 s.

48. Cojocar V. Bibliografia classica orae Septentrionalis Ponti Euxini. Vol. II. Archaeologica. – Cluj-Napoca: Editura MEGA, 2018. – 1025 p.

Cojocar V. Bibliografia classica orae Septentrionalis Ponti Euxini. Vol. II. Archaeologica. – Cluj-Napoca: Editura MEGA, 2018. – 1025 p.

Ushakov S. V. About the periodization and chronology of the history of Tauric Chersonesus in the pre-Roman and the late antique periods

Hundreds of scientific works are devoted to the study of the Tauric Chersonesus, but the problem of chronology and periodization of its ancient history is not sufficiently developed in historiography. Analysis of scientific literature and a number of sources concerning this subject allows to define the chronological framework and to reveal 10 stages of the history of ancient Chersonesos (as a preliminary definition). The early stage, the Foundation and formation of the Polis, is defined from the middle/last third of the VI century (or the first half of the V century BC) to the end of the V century BC. The end of the late-Antique – early-Byzantine (transitional) time in Chersonesos can be attributed to the second half of the VI – first third of the VII centuries ad).

Keywords: Tauric Chersonesus, periodization, chronology, pre-Roman time, late Antiquity.

Список сокращений

- АДСВ – Античная древность и Средние века.
АМА – Античный мир и археология.
БИ – Боспорские исследования.
ВДИ – Вестник Древней истории.
ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики.
МИА – Материалы и исследования по археологии.
РХГА – Российская христианская государственная Академия.
ИПЦ СПбГУПТД – Издательско-производственный центр Санкт-Петербургского государственного Университета промышленных технологий и дизайна.
ХСб. – Херсонесский сборник.
ЮНЦ РАН – Южный научный центр Российской Академии наук.

DOI 10.37279/2413-1741-2020-6-3-149-166

УДК 903.32

МНОГОСЛОЙНЫЕ ПЕЩЕРНЫЕ СТОЯНКИ В БАЛКАХ ЧЕРКЕЗ-КЕРМЕН И ЗАМИЛЬ В КРЫМУ

Жилин М. Г.¹, Рувев В. Л.², Симоненко А. А.³

*¹ Институт археологии Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
E-mail: mizhilin@mail.ru*

*² Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: vl.ruev@gmail.com*

*³ Государственный исторический музей
Москва, Российская Федерация
E-mail: simonenkoa@shm.ru*

Проведено обобщение полученных данных по результатам изучения многослойных стоянок в балках Замиль и Черкез-Кермен в Юго-Западном Крыму. Представлены новейшие материалы о стоянке Замиль-Коба 3 по результатам археологических исследований 2020 г. Определены дальнейшие перспективы изучения указанных памятников в рамках междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: объект археологического наследия, Республика Крым, стоянка, палеолит, мезолит, неолит, К. С. Мережковский, Д. А. Крайнов, Черкез-Кермен, Замиль-Коба.

Юго-Западный Крым богат пещерными памятниками каменного века, которые здесь изучались со второй половины XIX в. На полученных из этих памятниках материалах до сих пор строится культурно-хронологическое членение позднего палеолита, мезолита и неолита Горного Крыма, предлагаются реконструкции природных изменений и развития хозяйства древнего населения региона. Часть их подробно изучена и опубликована [4; 8]. Однако некоторые объекты археологического наследия, исследованные в довоенные годы, до сих пор не получили должного освещения в литературе. К последним относятся пещерные стоянки в балках Замиль и Черкез-Кермен, краткой характеристике которых посвящена настоящая статья.

МНОГОСЛОЙНЫЕ ПЕЩЕРНЫЕ СТОЯНКИ В БАЛКАХ ЧЕРКЕЗ-КЕРМЕН И ЗАМИЛЬ В КРЫМУ

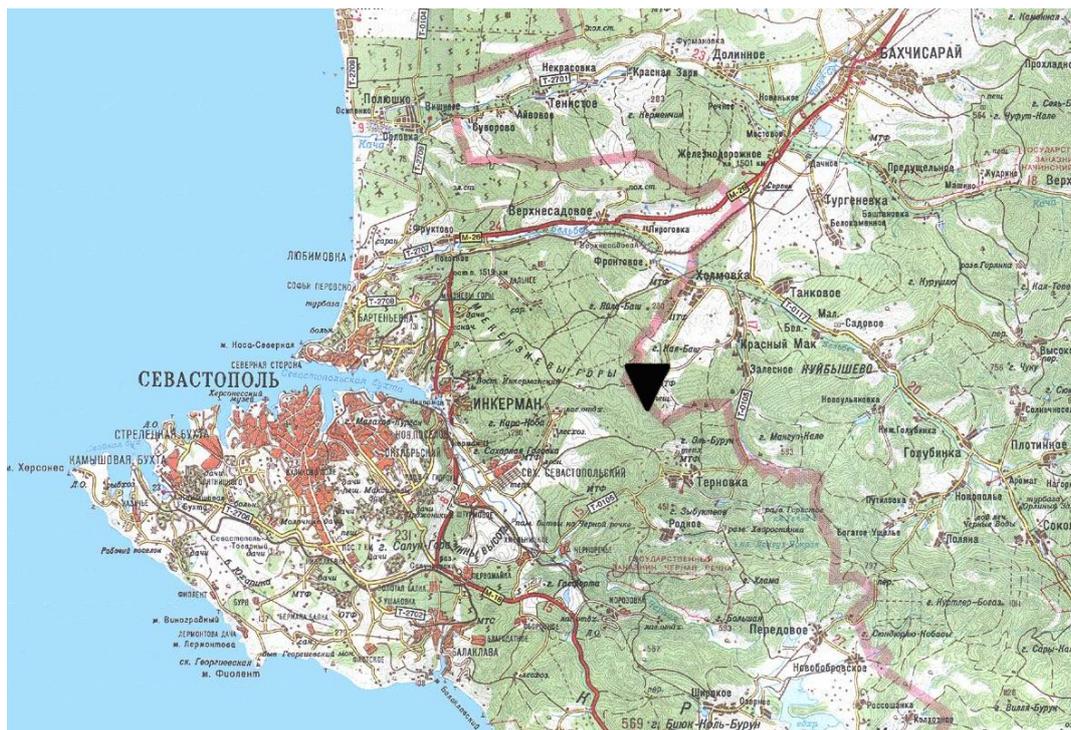

Рис. 1. Местоположение балок Замиль и Черкез-Кермен относительно населенных пунктов Юго-Западного Крыма.

Балки Черкез-Кермен и Замиль находятся в 3,5 км к западу от с. Залесное, в 4 км к югу юго-западу от с. Холмовка и в 4,5 км к северу от с. Терновка на территории Бахчисарайского района в Юго-Западном Крыму (рис. 1).

Протяженность балки Черкез-Кермен составляет около 2 км с ориентацией большей части балки по линии юго-запад – северо-восток. Склоны балки сложены в основном из отвесных скальных обрывов нуммулитовых и мшанковых известняков. Балка, начиная с каменного века, привлекала человека благодаря огромному количеству естественных гротов и навесов, а также нескольким источникам воды. Деревня Черкез-Кермен, расположившаяся в одноименной балке, известна по османским дефтерам начиная с 1520 г., хотя имеются все основания предполагать, что она существовала и раньше. После выселения крымских греков в 1778 г., деревня начинает заселяться новыми жителями из числа крымских татар. В XIX – начале XX вв. численность жителей составляла до 651 человек [10, с. 76], на территории Черкез-Кермена находилась мечеть. Особую популярность этому колоритному населенному пункту придала расположенная в непосредственной близости дорога из Бахчисарая в Севастополь, вследствие чего многие странники оставались здесь на постой и отдых. Для строительства своих домов и

хозяйственных помещений местные жители нередко использовали камень из древних построек, а гроты нередко вычищали и использовали в качестве загонов для скота. Активная хозяйственная деятельность жителей Черкез-Кермена привела к повреждению, разрушению и уничтожению культурных слоев каменного века в гротах и навесах, а также уничтожению средневековых построек на плато Топшан.

Рис. 2. Немецкая аэрофотосъемка 1941–1942 г. балок Замиль и Черкез-Кермен с нанесенными стоянками. 1 – Куртлю-Коба; 2 – Замиль-Коба 1; 3 – Замиль-Коба 2; 4 – Замиль-Коба 3; 5 – Черкез-Кермен 2; 6 – Черкез-Кермен 1 (материалы съемки представлены сайтом <http://warfly.ru>).

Первые археологические исследования гротов балки Черкез-Кермен провел 1880 г. К. С. Мережковский. Наиболее интересны два из них, расположенные в северной части балки – Черкез-Кермен 1 и Черкез-Кермен 2 (рис. 2–3). Оба были почти полностью раскопаны К. С. Мережковским, который нашел здесь большое количество кремневых орудий, осколков, обломков глиняной посуды и костей животных. Мережковский отмечал, что в общей сложности им было исследовано 8 естественных гротов, которые дали «очень интересные результаты – каменные и костяные орудия, а между костями остатки дельфинов, которых жители очевидно ходили ловить на берег морской, отстоящий на десятки верст, и поймавши их, приносили домой» [9, с. 114]. Попали ли в число 8 исследованных К. С. Мережковским гротов стоянки в балке Замиль-Коба – неизвестно. Вместе с тем, проведя небольшие раскопки в «искусственных пещерах» (по всей вероятности – на территории «пещерного города» Эски-Кермен), молодой исследователь напрочь опроверг современную ему гипотезу о строительстве и

МНОГОСЛОЙНЫЕ ПЕЩЕРНЫЕ СТОЯНКИ В БАЛКАХ ЧЕРКЕЗ-КЕРМЕН И ЗАМИЛЬ В КРЫМУ

использовании искусственных пещерных сооружений людьми каменного века. Материалы стоянок Черкез-Кермен 1 и 2 частично опубликованы Г. А. Бонч-Осмоловским [5]. Коллекции из раскопок из этих же памятников, предпринятых К. С. Мережковским, хранятся в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук (Кунсткамера). В большом количестве представлены различные пластинки, большинство тонкие правильной огранки. Небольшая часть пластинок имеет ретушь или выемки по одному или обоим краям с брюшка или со спинки. Следующей категорией по количеству являются резцы, многие с ретушью на конце. У некоторых вместо ретуши по верхнему концу идёт резцовый скол. Довольно многочисленны скребки на отщепах, резе на пластинах. Из геометрических форм имеется крупная трапеция с крутой ретушью боковых сторон. Найдены разнохарактерные нуклеусы, отщепы и осколки [1, с. 1–2].

Рис. 3. Расположение пещерных стоянок в балках Замиль и Черкез-Кермен на космоснимке. 1 – Куртлю-Коба; 2 – Замиль-Коба 1; 3 – Замиль-Коба 2; 4 – Замиль-Коба 3; 5 – Черкез-Кермен 2; 6 – Черкез-Кермен 1 (материалы съемки представлены сайтом <https://yandex.ru/maps>).

Рис. 4. Стоянка Замиль-Коба 1 в процессе раскопок в 1936 г. Фото из архива Государственного исторического музея.

В 1924 году Г. А. Бонч-Осмоловский обследовал гроты Черкез-Кермен 1 и 2, но никаких культурных слоев не обнаружил. В 1937 г. Д. А. Крайнов также прошурфовал оба грота. Во всех шурфах до глубины 1,5 м шел перемешанный слой с находками разновременной керамики, кремневых пластинок и осколков, костей животных. Г. А. Бонч-Осмоловский относит все кремневые изделия из этих гротов к тарденуазской стадии [6, с. 114–183]. По мнению Д. А. Крайнова «среди орудий

МНОГОСЛОЙНЫЕ ПЕЩЕРНЫЕ СТОЯНКИ В БАЛКАХ ЧЕРКЕЗ-КЕРМЕН И ЗАМИЛЬ В КРЫМУ

есть азильские¹, тарденуазские, неолитические и, возможно, более поздние формы. Весь кремневый инвентарь, его характер и формы говорят о перемешанности слоев» [1, с. 1–3]. По-видимому, не подверглись раскопкам площадки перед пещерами, на которых необходимо провести дополнительные исследования для установления даты находок.

Рис. 5. Стоянка Замиль-Коба 1. Современный вид. Вид с юго-востока.

С 1935 по 1940 гг. экспедиция Государственного исторического музея под руководством Д. А. Крайнова производила обследование пещерных стоянок в Куйбышевском районе Крымской АССР (сейчас это территория Бахчисарайского района Республики Крым) [11, с. 125]. В ходе этих работ были открыты и раскопаны многослойные пещерные стоянки Замиль-Коба 1 и 2, а также обследован ряд гротов в балке Черкез-Кермен и Замиль [1, С. 1–10; 2, С. 14–16; 3, С. 1–5] (рис. 2-3). По стоянке Замиль-Коба 1 имеется предварительная публикация Д. А. Крайнова [7], остальные памятники в настоящий момент не опубликованы. Находки из Замиль-Кобы 1 и 2 хранятся в фондах Государственного исторического музея.

¹ Термины «азиль», «тарденуаз» в работах прошлого века применяются к крымским материалам для характеристики стадияльной, но не культурной принадлежности памятников. В современных работах эти термины не используются, а стоянки и культурные слои многослойных памятников относятся к конкретным археологическим культурам.

Балка **Замиль** отходит от северного конца балки Черкез-Кермен на запад-северо-запад (рис. 2–3). Северная сторона балки представляет собой невысокие, почти отвесные обрывы известковых скал, переходящих вверху в широкое холмистое плато, частью распаханное, частью поросшее мелким кустарником. Южная сторона балки состоит из рыхлых пород: глин, мергеля и известняка, покрывающих известковые скалы. Эта сторона более отлога и почти вся поросла различными кустарниками. В древности балка была обводнена благодаря нескольким родникам. В балке Замиль были открыты и частично исследованы 4 пещерные стоянки: Куртлю-Коба и Замиль-Коба 1 – 3 [1, с. 1–10; 2, с. 14–16; 3, с. 1–5].

Грот Куртлю-Коба. Находится в верховьях балки и расположен в северной ее стене. Представляет собой широкий и довольно глубокий грот, открытый на юг. Рядом с гротом имелся прекрасный источник питьевой воды (превращённый в пруд) и очень удобные ступенчатые выходы на плато. Длина грота вдоль устья около 25 м, глубина 17 м, высота от 2 до 4,5 м. К настоящему времени почвенных отложений внутри грота не осталось. По-видимому, они были выброшены на площадку грота для устройства огорода. Перед пещерой имеется покатая площадка 18 м длины и 14 м ширины. Проведенная Д. А. Крайновым в 1935 г. шурфовка ее края показала, что все слои перемешаны. В шурфе было найдено несколько кремневых пластинок, скребок, обломки различной глиняной посуды и кости животных. Вполне возможно, что в пещере было несколько культурных наслоений, но они, к сожалению, не сохранились [1, с. 4].

Стоянка Замиль-Коба 1. Расположена в северной скалистой стене балки «Замиль» (рис. 2–3). Представляет собой широкий грот с южной ориентацией (рис. 4–5). Длина грота достигает 37 м. Наибольшая глубина – 16 м. Высота у устья грота 8 м 55 см, в середине – 4 м 80 см и в конце – 1 м 85 см. Внутри грота имела площадку, заполненная почвой. Длина этой площадки у устья 25 м, ширина – 8,6 м. Форма площадки представляет собой полукруг, заключенный между стенами пещеры. За площадкой идет скалистый приступок, расположенный полукругом по стенкам пещеры. Приступок имеет форму полумесяца, узкого по краям и более широкого в глубине пещеры. Наибольшая ширина его 7 м. Высота, в центре, над площадкой 2 м 75 см. Раскопки грота, начатые в 1935 г., были закончены в 1937 г. Вся площадь стоянки была почти полностью раскопана, за исключением площадки перед гротом. Здесь была произведена только шурфовка. Результаты раскопок частично опубликованы [7]. Всего вскрыто 256 кв. метров. Площадка внутри грота имела следующую стратиграфию:

1 – серовато-желтый суглинок с примесью известкового щебня и камней. Мощность – 5–40 см. Слой содержал находки верхнего культурного слоя тарденуазского времени.

2 – желтоватый мягкий суглинок без примесей. Мощность – 3–45 см. Находок не содержит.

3 – серовато-желтый суглинок с примесью известкового щебня и камней с большим количеством нуммулитов. В слое встречены довольно крупные

**МНОГОСЛОЙНЫЕ ПЕЩЕРНЫЕ СТОЯНКИ В БАЛКАХ
ЧЕРКЕЗ-КЕРМЕН И ЗАМИЛЬ В КРЫМУ**

известковые плиты и камни, достигавшие одного метра длины. Мощность от 5 до 60 см. В центральных квадратах этого слоя наблюдалась прослойка тёмно-фиолетового цвета. Толщина ее от 2 до 12 см. Слой содержал находки нижнего культурного слоя азильского времени.

4 – чистый, твердо спрессованный, лессовидный суглинок с включением мелкой окатанной кремневой гальки. Мощность от 40 до 200 см. Он лежит на скальном дне пещеры. Находок не содержит.

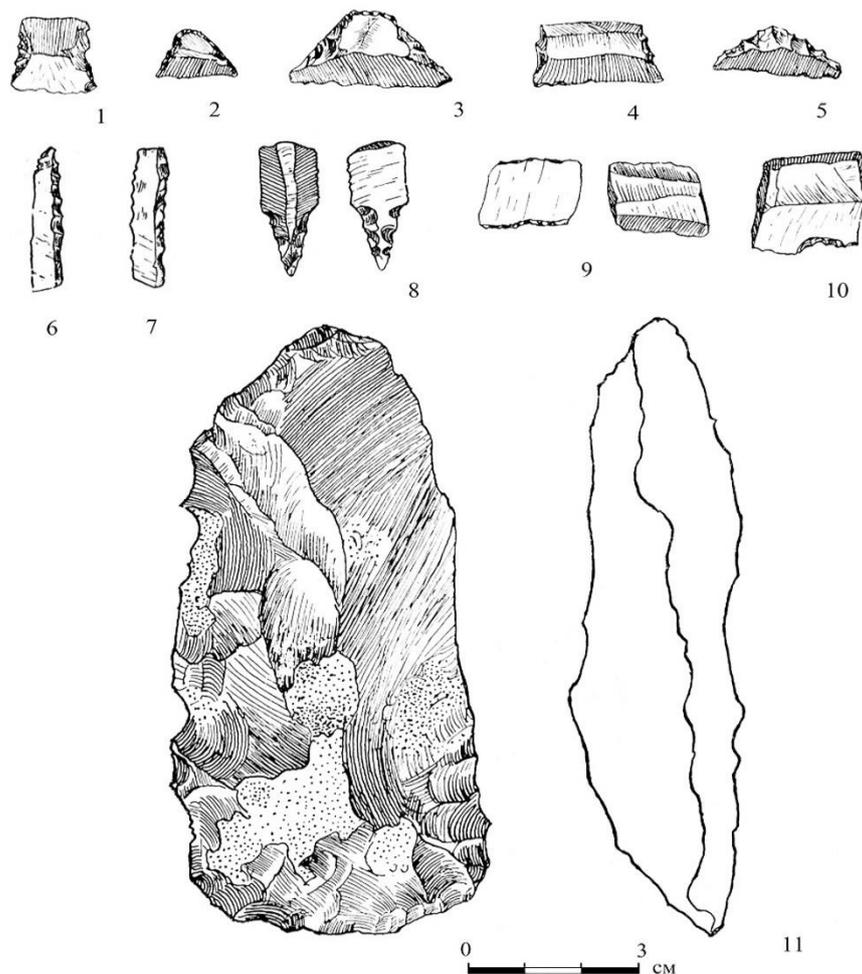

Рис. 6. Стоянка Замиль-Коба 1. Кремневые орудия верхнего слоя (по Крайнову, 1938). 1-4 – трапеции; 5 – сегмент; 6-7 – микропластинки с притупленным краем; 8 – обломок наконечника стрелы; 9 – обломок пластины с ретушью; 10 – скобель; 11 – тесло.

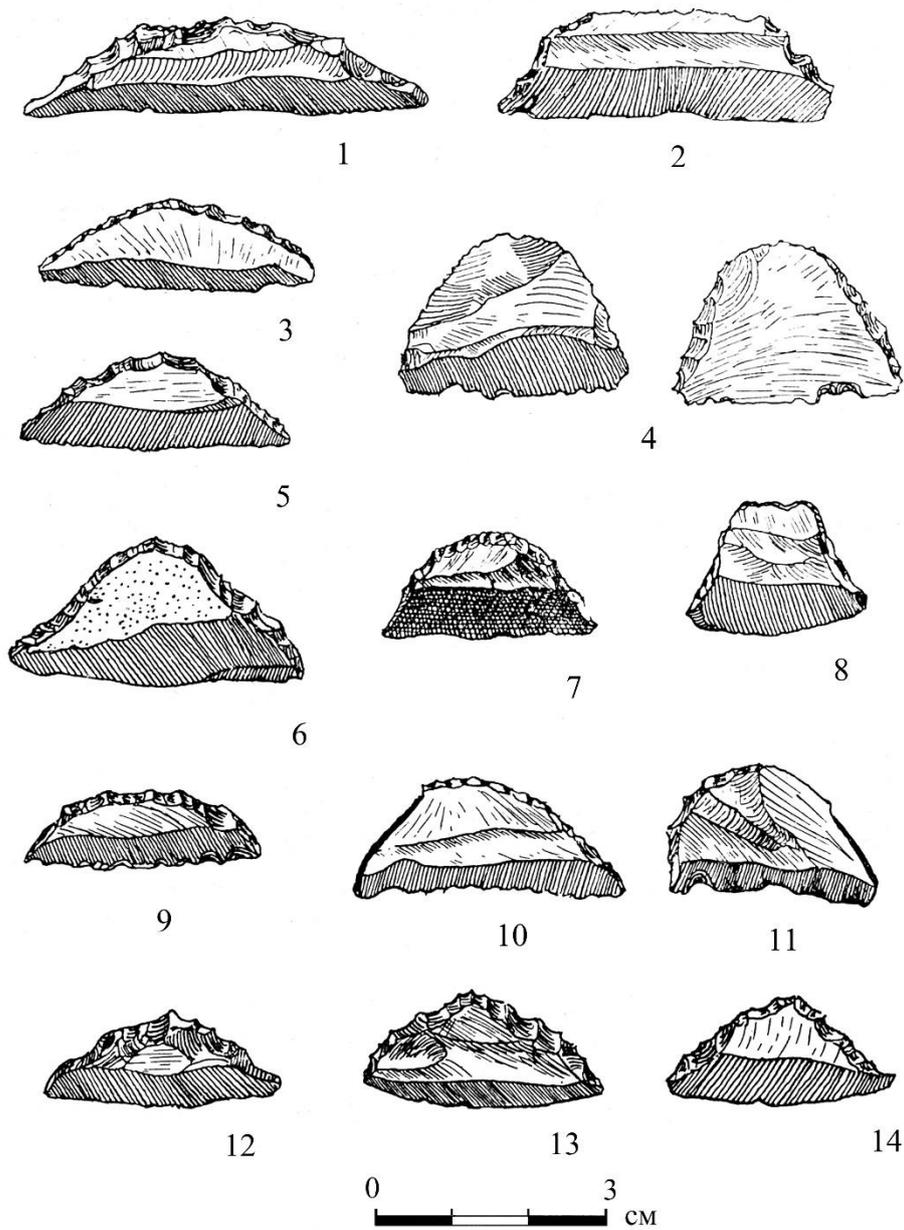

Рис. 7. Стоянка Замиль-Коба 1. Кремневые орудия нижнего слоя (по Крайнову, 1938). 1, 3, 5-7, 9-11 – сегменты; 2, 4, 8 – трапеции; 12-14 – треугольники.

МНОГОСЛОЙНЫЕ ПЕЩЕРНЫЕ СТОЯНКИ В БАЛКАХ ЧЕРКЕЗ-КЕРМЕН И ЗАМИЛЬ В КРЫМУ

По мнению Д. А. Крайнова, первый и третий слои отложились в сырое время при резких колебаниях температуры. Иначе нельзя объяснить присутствие в этих слоях большого количества известковых плит и камней, отслоившихся с потолка и боков пещеры. Второй слой отложился в более жаркое время благодаря нанесу пыли ветрами. Четвертый слой образовался в сырое и холодное время в конце четвертичного периода. В то время пещера в силу большого количества дождей заливалась потоками воды, несшимися с верха балки [7, с. 10].

Жилая площадка верхнего слоя внутри грота слабовогнутая, бытовых деталей не обнаружено. Большая часть артефактов найдена в центре площадки. Костей животных немного, среди них преобладает кабан, на втором месте благородный олень, единичными костями представлены сайга, дикий осел, дикая кошка, рысь, собака. В большом количестве встречены раковины улитки *Helix vulgaris*. Найдены подвески из зубов животных и несколько обломков костей со следами обработки. Керамики не обнаружено.

Рис. 8. Стоянка Замиль-Коба 2 в процессе раскопок в 1937 г. Фото из архива Института археологии РАН.

Для кремневого инвентаря характерна развитая техника снятия узких пластин правильной и неправильной огранки. Среди орудий (рис. 6) преобладают пластины с нерегулярной ретушью, скребки и резцы. Острия, скобели, проколки, ножи, образуют небольшие серии. Геометрических микролитов немного, трапеций чуть больше, чем сегментов, есть трапеции с полой ретушью. Встречен обломок «постсвидерского» наконечника стрелы, вкладыш кукрекского типа и тесло с бифациальной обработкой большей части поверхности. Такой инвентарь типичен для стоянок мурзак-кобинской культуры позднего мезолита горного Крыма.

Жилая площадка нижнего слоя представляла собой впадину округлой формы диаметром 6 м, глубиной до 1,2 м от поверхности в западной половине пещеры. В самой глубокой её части, почти в центре располагался очаг, сложенный из продолговатых известковых камней и плит. Длина очага – 2,05 м; ширина в центре – 0,85 м. Ориентирован он с запада на восток. Дно очага непосредственно покоилось на слое четвертичного суглинка. В заполнении очага найдены кремневые орудия и осколки, жженные косточки, зола и немного углей. У очага отмечено большое скопление раздробленных костей животных, в том числе пережжённых. Севернее очага, у стенки пещеры обнаружена небольшая ямка овальной формы, диаметром 62 см и глубиной 30 см, заполненная тёмной почвой. Ко дну она сходилась на конус. Вокруг ямки были положены камни, создававшие впечатление небольшого очага. В заполнении ямки найдены кости затылочной части черепа человека (?), зуб человека, мелкие кости, кремневые орудия, отщепы и два зуба рыб с нарезками, служившие привесками. У юго-восточного края жилой площадки обнаружена небольшая мастерская по обработке кремня, в которой были найдены нуклеусы, отбойники, большое количество кремневых орудий и отходов, крупные плитки известняка и куски песчаника.

В нижнем слое найдено около 3000 обломков костей, среди которых преобладает благородный олень, меньше кабана, единично представлены волк, бык, баран, дикая лошадь и заяц. В восточной части грота наблюдались небольшие скопления раковин *Helix*.

Основной заготовкой для кремневых орудий нижнего слоя служили пластины неправильной огранки и отщепы. Из орудий наиболее многочисленны геометрические микролиты (рис. 7), среди которых преобладают сегменты, значительно меньше трапеций, треугольники единичны. Скребков в два раза больше, чем резцов, почти столько же различных острий. Небольшими сериями представлены пластинки с затупленным краем, проколки, скобели, пластины с ретушью краев, комбинированные орудия, абразивы. Найден иволистный наконечник стрелы свидерского облика. Подобный инвентарь типичен для стоянок шан-кобинской культуры финального палеолита – раннего мезолита горного Крыма.

По мнению Д. А. Крайнова, азильский человек жил в пещере только зимой, так как на площадке перед пещерой находки вещей очень редки [7, с. 30]. Судя по остаткам и наличию одного очага можно сказать, что пещеру населяла небольшая группа охотников. Найденный кремневый инвентарь и остатки раздробленных

костей указывают на преобладание охотничьего хозяйства. Охотились главным образом на благородного оленя и кабана. Находка двух зубов рыб при захоронении черепа, вероятно, говорит о рыболовстве. Дополнительным источником пищи были также улитки *Helix*. Тарденуазский охотник не являлся постоянным жителем пещеры, а посещал ее временно, на что указывает отсутствие явно выраженных кострищ и очага, а также сравнительная бедность количества орудий и костных остатков. Охота в это время остается основным занятием, но объекты охоты изменяются. Благородного оленя становится меньше, главным объектом охоты является кабан. Появляются и такие степные животные, как сайга. Показательно присутствие собаки.

Площадка перед гротом имела другую стратиграфию. Здесь с самого верха и до глубины двух метров шел темный слой почвы с находками вещей различных культур. Ниже этого слоя помещался желтый лессовидный суглинок — идентичный четвертому слою площадки внутри грота. На основании шурфовки площадки перед гротом можно утверждать, что вся толща темной почвы, до желтого лессовидного суглинка, была принесена сюда в позднее время, по-видимому, из грота Замиль-Коба 1. Окрестные жители, обрабатывая Замильскую балку под пашни и огороды, удобряли ее, вывозя из гротов помет скота. С этим пометом из года в год скакивались и пропитавшиеся этим пометом основные слои. Таким образом, из грота Замиль-Коба 1 были не только унесены поздние наслоения, но частично разрушены и более древние. Во всей двухметровой темной толще площадки перед пещерой встречаются находки различного времени: вместе с азило-тарденуазскими вещами найдены кизил-кобинские и современные.

Стоянка Замиль-Коба 2 располагается в 100 м к востоку от Замиль-Кобы 1 (рис. 2–3). Представляет собой похожий, но несколько меньший грот также с южной ориентацией (рис. 8–9). Длина у устья — 30 м, глубина — 7 м, высота у устья — 6 м, а в глубине — 4 м. Внутри грота имелась довольно ровная площадка 30x7 м, заполненная отложениями различных эпох. За ней идет скалистый полукруглый приступок, примыкающий к задней стене пещеры. Наибольшая ширина этого приступка — 1,5 м, а у краев уже. Над земляной площадкой он возвышается на 0,5 м. В западной стене пещеры, в 2-х м от устья, имеется небольшое полукруглое углубление высотой 1,5 м и глубиной 1 м. Недалеко от восточного края пещеры, около 50 м есть удобный выход на плато. Перед пещерой расположена большая площадка, спускающаяся постепенным наклоном к ручью Чокрак, протекающему у противоположной стены балки Замиль.

Стоянка раскопана полностью Д. А. Крайновым в 1937–1938 гг. [1, с. 7–10; 2, с. 19–24; 3, с. 1–5]. Всего вскрыто 288 кв. метров. Края площадки внутри грота имеют небольшую толщину; чем ближе к центру, тем они становятся более мощными, и в самом центре толщина отложений превышает три метра. Площадка внутри грота имела следующую стратиграфию:

1— дерновый слой мощностью 10–15 см. Находки относятся к современности и частично — к средневековью.

2 – темно-серый суглинок с большим количеством щебня – 10–20 см. Редкие находки относятся к средневековью.

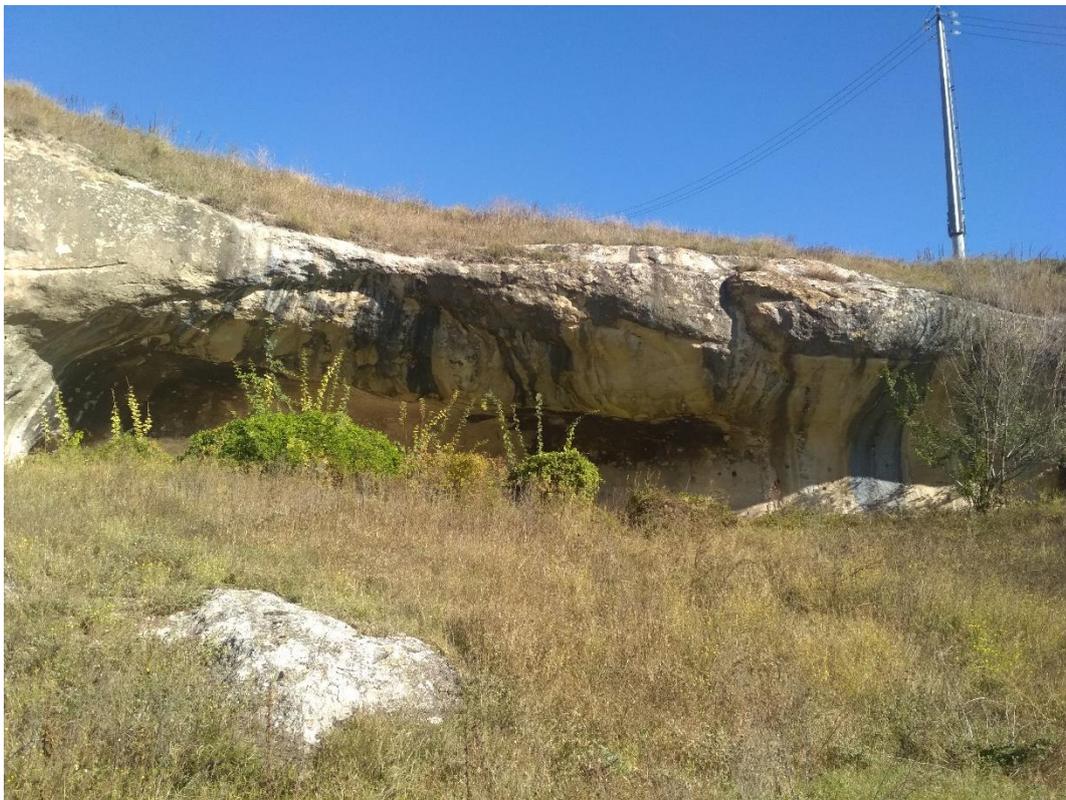

Рис. 9. Стоянка Замиль-Коба 2. Современный вид. Вид с юго-востока.

3 – темно-серый суглинок с камнями и щебёнкой – 10–20 см. Находки относятся к таврской культуре¹.

4 – рыжевато-серый суглинок с щебенкой – 10–15 см. Находок не содержит.

5 – темно-серый суглинок – 5–40 см. Верх и низ слоя насыщены щебнем и известковыми камнями и плитками. Находки относятся к кизил-кобинской культуре.

6 – желто-рыжий рыхлый суглинок мощностью 2–40 см. Находок не встречено.

7 – рыжевато-серый суглинок с известковыми камнями и плитами – 10–30 см. Находок много, они относятся к выделенной Д. А. Крайновым замиль-кобинской культуре позднего неолита или ранней бронзы.

8 – камни, щебенка и плитки – 5–10 см. Находок не содержит.

¹ По всей вероятности, речь идет о средневековой лепной посуде.

9 – черный углисто-золистый суглинок внутри пещеры, а вне пещеры – темно-рыжий суглинок – 5–50 см. Щебня и камней почти нет. Находок много, они относятся к неолиту.

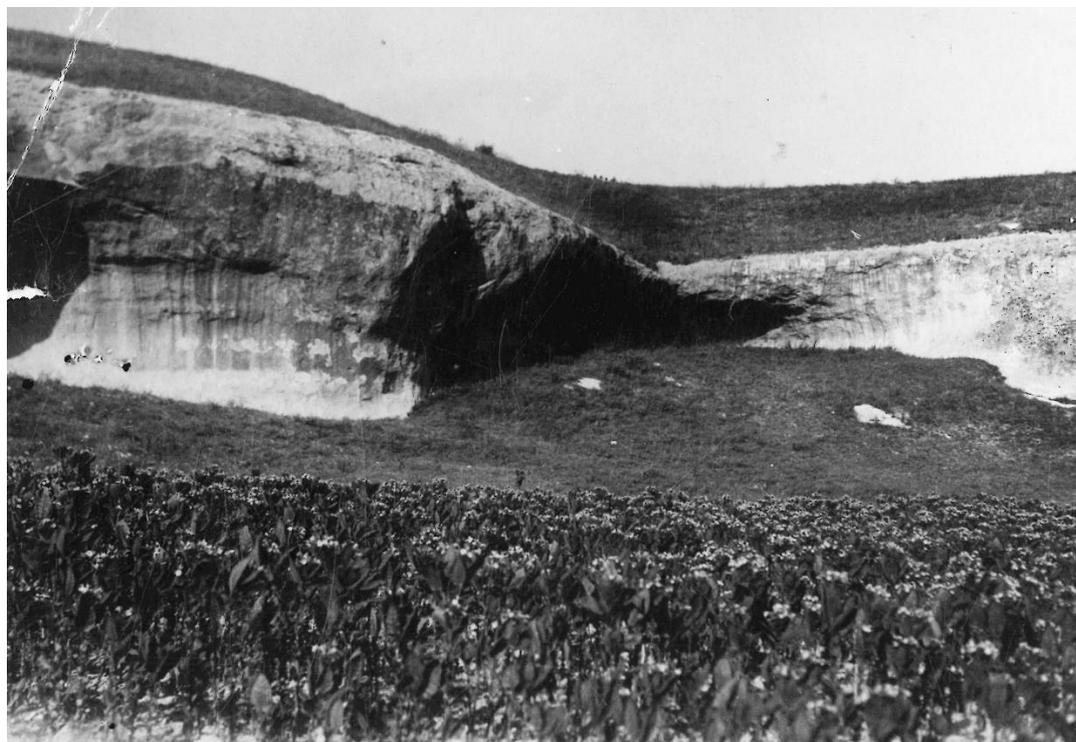

Рис. 10. Стоянка Замиль-Коба 3 в 1937 г. Вид с юга. Фото из архива Института археологии РАН.

10 – рыжий рыхлый суглинок без примесей камней – 5–30 см. Находки относятся к позднему мезолиту (тарденуазскому времени).

11 – темно-серый суглинок около кострищ, а в других местах – серо-желтый твердый суглинок – 3–35 см. Находки относятся к финальному палеолиту – раннему мезолиту (азильскому времени).

12 – чистый желто-серый суглинок до скального дна пещеры. Материк.

На площадке перед гротом перемешанный слой с находками разного времени лежит на материке [1, с. 7–10; 3, с. 1–5].

Коллекции и полевая документация еще ждут научной обработки.

Стоянка Замиль-Коба 3 находится в изгибе балки в 200 м к востоку юго-востоку от стоянки Замиль-Коба 2 (рис. 2–3). Располагается в небольшом гроте с обрушившимся в древности козырьком (рис. 10–11), обращенном устьем на юг (рис. 10–11). В 1937 г. Д. А. Крайновым в шурфе прослежен культурный слой VI–

XVI вв., ниже которого найдены 2 обломка рога козули или оленя [2, С. 18–19]. Для выяснения наличия культурных слоев каменного века под руководством М. Г. Жилина в 2020 г. в центре грота заложена поперечная траншея 1х9 м от тыльной стенки к площадке у устья. Стратиграфия траншеи во внутренней части грота (рис. 12):

Рис. 11. Стоянка Замиль-Коба 3. Современный вид. Вид с юга.

- 1 – суглинок серый рыхлый мощностью 10 см.
- 2 – суглинок коричневый со щебнем рыхлый – 20-30 см.
- 3 – линза светлого суглинка и плиток известняка, упавших с потолка грота – до 30 см.
- 4 – суглинок светло-серый плотный с угольками и щебнем, у стенки грота выклинивается – до 30 см.
- 5 – суглинок коричневатый плотный, в верхней части плитки известняка – 10–20 см.
- 6 – суглинок светлый, желтоватый, плотный с камнями и щебнем – 1,5 м, ниже завал из кусков известняка более 0,5 м.

В слое 1 встречено стекло и находки времен Великой Отечественной войны. В слое 2 – редкие и невыразительные фрагменты керамики X–XV вв. В слое 4 найдены кремневые пластины и микропластины, сколы подправки нуклеуса, два концевых скребка, резец на сломе пластины и отщепы кремня. Керамики не найдено. Этот слой предварительно можно отнести к позднему мезолиту. В верхней части слоя 6 в кв. 1 найдена кремневая пластина, залегающая на 40 см ниже дна слоя 4. Возможно, эта находка говорит о более раннем посещении грота. На площадке перед гротом перемешанный слой с находками разного времени лежит на материке.

Рис. 12. Стоянка Замиль-Коба 3. Профиль западной стенки разведочной траншеи 2020 г., квадраты 1–2.

Приведенный краткий обзор пещерных стоянок балки Замиль показывает их перспективность для мультидисциплинарных исследований на современном уровне. В ближайшие годы мы планируем:

- 1) комплексное изучение коллекций стоянок Замиль-Коба 1 и 2 в фондах Государственного исторического музея, включающее типологический и трасологический анализ, ремонт и планиграфический анализ, отрисовку, фото и микрофото каменного инвентаря, остеологический анализ фаунистических остатков;
- 2) радиоуглеродное AMS датирование образцов органических материалов из этих стоянок;
- 3) комплексное изучение керамики из неолитического слоя стоянки Замиль-Коба 2;

4) проведение мультидисциплинарных полевых геоархеологических исследований балки Замиль включая геологический, геоморфологический, палеопедологический, палинологический и фитолитный анализы отложений стоянок Замиль-Коба 1–3, а также раскопки стоянки Замиль-Коба 3 с применением современных археологических и естественнонаучных методов исследования.

Результатом этих работ будет реконструкция динамики природных изменений и освоения человеком балки Замиль и Юго-Западного Крыма в целом в финале плейстоцена, раннем и среднем голоцене.

Список использованных источников и литературы

1. Архив Института археологии РАН. Личный фонд Д. А. Крайнова. Археологические памятники Куйбышевского района Крымской АССР: Рукопись статьи. 1938. С. 1–10.

Arhiv Instituta arheologii RAN. Lichnyj fond D. A. Krajnova. Arheologicheskie pamyatniki Kujbyshevskogo rajona Krymskoj ASSR: Rukopis' stat'i. 1938. S. 1–10.

2. Архив Института археологии РАН. Личный фонд Д. А. Крайнова. Краткий отчет о работе Крымской археологической экспедиции Государственного исторического музея в 1937 г. 1937. С. 1–25.

Arhiv Instituta arheologii RAN. Lichnyj fond D. A. Krajnova. Kratkij otchet o rabote Krymskoj arheologicheskoy ekspedicii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja v 1937 g. 1937. S. 1–25.

3. Архив Института археологии РАН. Личный фонд Д. А. Крайнова. Предварительный отчет о работе Крымской археологической экспедиции Государственного исторического музея в 1938 г. 1938. С. 1–11.

Arhiv Instituta arheologii RAN. Lichnyj fond D. A. Krajnova. Predvaritel'nyj otchet o rabote Krymskoj arheologicheskoy ekspedicii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja v 1938 g. 1938. S. 1–11.

4. Бибииков С. Н., Станко В. Н., Коен В. Ю. Финальный палеолит и мезолит Горного Крыма – Одесса: Весть, 1994. – 240 с.

Bibikov S. N., Stanko V. N., Koen V. Yu. Final'nyj paleolit i mezolit Gornogo Kryma. – Odessa: Vest', 1994. – 240 s.

5. Бонч-Осмоловский Г. А. Доисторические культуры Крыма // Крым. – Симферополь, 1926. – № 2. – С. 74–94.

Bonch-Osmolovskij G. A. Doistoricheskie kul'tury Kryma // Krym. – Simferopol', 1926. – № 2. – S. 74–94.

6. Бонч-Осмоловский Г. А. Итоги изучения крымского палеолита // Труды II Международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. – Москва; Ленинград; Новосибирск, 1934. – Вып. 5. – С. 114–183.

Bonch-Osmolovskij G. A. Itogi izucheniya krymskogo paleolita // Trudy II Mezhdunarodnoj konferencii associacii po izucheniyu chetvertichnogo perioda Evropy. – Moskva; Leningrad; Novosibirsk, 1934. – Vyp. 5. – S. 114–183.

7. Крайнов Д. А. Пещерная стоянка Замиль-Коба №1 // Труды Государственного исторического музея. – М., 1938. – Вып. 8. – С. 7–32.

Krajnov D. A. Peshchernaya stoyanka Zamil'-Koba №1 // Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja. – M., 1938. – Vyp. 8. – S. 7–32.

8. Крайнов Д. А. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.: Наука, 1960. – № 91. – 188 с.

Krajnov D. A. Peshchernaya stoyanka Tash-Air I kak osnova periodizacii poslepaleoliticheskikh kul'tur Kryma // Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. – M.: Nauka, 1960. – № 91. – 188 s.

9. Мережковский К. С. Отчет об антропологической поездке в Крым в 1880 г. // Известия имп. Русского географического общества. – 1887. – Т. 17. – С. 104–130.

**МНОГОСЛОЙНЫЕ ПЕЩЕРНЫЕ СТОЯНКИ В БАЛКАХ
ЧЕРКЕЗ-КЕРМЕН И ЗАМИЛЬ В КРЫМУ**

Merezhkovskiy K. S. Otchet ob antropologicheskoy poezdke v Krym v 1880 g. // Izvestiya imp. Russkogo geograficheskogo obshchestva. – 1887. – Т. 17. – С. 104–130.

10. Статистический справочник Таврической губернии / сост. Ф. Н. Андриевский; под ред. М. Е. Бененсона. – Симферополь, 1915. – Ч. 2. – Вып. 6: Список населенных пунктов. Симферопольский уезд. – 154 с.

Statisticheskij spravochnik Tavricheskoy gubernii / sost. F. N. Andrievskij; pod red. M. E. Benensona. – Simferopol', 1915. – Ch. 2. – Вып. 6: Spisok naseleennyh punktov. Simferopol'skij uезд. – 154 s.

11. Черкасов А. В. Д. А. Крайнов как исследователь каменного века Крыма // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 51. – С. 124–130.

Cherkasov A. V. D. A. Krajnov kak issledovatel' kamennogo veka Kryma // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – 2018. – № 51. – С. 124–130.

M. Zhilin, V. Ruev, A. Simonenko. Multilayer cave sites in ravines Cherkez-Kermen and Zamil in the Crimea

The article sums up available data about excavations of multilayer cave sites in ravines Zamil and Cherkez-Kermen in the South-Western Crimea. The latter were excavated in the late 19th century. The sites Zamil-Koba 1 and 2 were discovered and excavated by D. A. Krainov in 1935–1937. The former yielded two cultural layers dated to the Early and Late Mesolithic, and the latter yielded besides these two also layers dated to the Neolithic, Early Bronze Age, Early Iron Age and Middle Ages. Excavations of ZamilKoba 3 site carried out in 2020 yielded two cultural layers dated to the Late Mesolithic and Middle Ages. Directions of future multidisciplinary research of multilayer cave sites in the Zamil ravine are outlined.

Keywords: archaeological site, cave sites, Paleolithic, Mesolithic, Neolithic, K. Merezhkovsky, D. Krainov, Republic of the Crimea, Cherkez-Kermen, Zamil-Koba.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Алексеевко
Николай
Александрович** кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма Российской академии наук (г. Севастополь, Российская Федерация).
- Беднарчик
Геннадий
Игоревич** преподаватель колледжа «Черниковски» (г. Нетания, Израиль).
- Лейбенсон
Юлия
Тарасовна** кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Лоргина
Татьяна
Викторовна** библиограф сектора научной библиотеки Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (г. Севастополь, Российская Федерация).
- Майко
Вадим
Владиславович** доктор исторических наук, директор Института археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Молев
Евгений
Александрович** доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и классических языков Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Российская Федерация).
- Прохорова
Татьяна
Александровна** кандидат исторических наук, заведующая научно-архивным отделом Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (г. Севастополь, Российская Федерация).
- Руев
Владимир
Леонидович** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).

Сидоренко Валерий Анатольевич	кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
Симоненко Антон Анатольевич	младший научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного исторического музея (г. Москва, Российская Федерация).
Спивак Игорь Александрович	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
Ушаков Сергей Владимирович	кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма Российской академии наук (г. Симферополь, Российская Федерация).
Жилин Михаил Геннадиевич	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии Российской академии наук (г. Москва, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Спивак И. А., Лейбенсон Ю. Т., Прохорова Т. А.

Умом и сердцем на службе науке и просвещению: к юбилею
профессора Элеоноры Борисовны Петровой..... 3

Список научных, научно-популярных и научно-методических работ
доктора исторических наук, профессора
Элеоноры Борисовны Петровой..... 15

Алексеенко Н. А.

Ранневизантийский моливдовул из византийского Херсона
с редким типом изображения 25

Лейбенсон Ю. Т.

«Смехач» и женский вопрос: шутки о женщинах и с участием женщин
в сборнике «Φιλόγελωσ» 30

Майко В. В.

Лощеная керамика Салтово-маяцких памятников Крыма.
Анализ источниковой базы 44

Молев Е. А.

Позднеантичные укрепления Китея..... 61

Прохорова Т. А., Беднарчик Г. И., Лоргина Т. В.

Письма и труды барона де Бая в фондах Государственного
музея-заповедника «Херсонес Таврический»..... 69

Сидоренко В. А.

Сведения египетского хрониста Абд аз-Захира как источник
для истории Крыма третьей четверти XIII в. 92

Ушаков С. В.	
О периодизации и хронологии истории Херсонеса Таврического в доримскую эпоху и позднеантичный период.....	127
Жилин М. Г., Рувеев В. Л., Симоненко А. А.	
Многослойные пещерные стоянки в балках Черкез-Кермен и Замиль в Крыму.....	149
Сведения об авторах	167